

Министерство культуры Ростовской области
Министерство культуры Республики Крым
Южный федеральный университет
ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения»
Российское общество дружбы с Арменией
РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община»
ГБУ РК «Историко-культурный, мемориальный музей-
заповедник «Киммерия М.А. Волошина»
Дом-музей М.А. Волошина
Мясниковский районный отдел образования РО
МБОУ лицей № 13
МБОУ гимназия № 14

ПРОБЛЕМЫ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА НАРОДОВ В ТВОРЧЕСТВЕ М.С. ШАГИНЯН

**Материалы Всероссийской научной конференции –
Третьих Шагиняновских чтений**

Ростов-на-Дону
Фонд науки и образования
2016

**ББК 84
П–78**

Организаторы чтений:

Министерство культуры Ростовской области
Министерство культуры Республики Крым
Южный федеральный университет
ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения»
Российское общество дружбы с Арменией
РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община»
ГБУ РК «Историко-культурный, мемориальный музей-заповедник «Киммерия М.А. Волошина»
Дом-музей М.А. Волошина
Мясниковский районный отдел образования РО
МБОУ лицей № 13
МБОУ гимназия № 14

П–78 Проблемы дружбы и сотрудничества народов в творчестве М.С. Шагинян: Материалы Всероссийской научной конференции – Третьих Шагиняновских чтений (Ростов-на-Дону – 1 апреля 2016 г., Коктебель (Крым) – 6 апреля 2016 г.). – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2016. – 141с.

ISBN 978-5-9908564-1-7

В сборнике публикуются приветствия, доклады и сообщения участников Третьих Шагиняновских чтений. В них рассматриваются различные стороны проблемы дружбы и сотрудничества народов в творчестве М.С. Шагинян.

ISBN 978-5-9908564-1-7

Сборник издан при финансовой поддержке Российского общества дружбы с Арменией.

© Оформление: издательство
Фонд науки и образования, 2016.

ПРИВЕТСТВИЯ

Министерство культуры Республики Крым

Уважаемые участники и гости
Шагиняновских чтений!

Позвольте поздравить всех вас с открытием конференции,
которая впервые проходит
на гостеприимной крымской земле.

Хочу поблагодарить сотрудников Ростовского областного
музея краеведения за организацию мероприятия,
способствующего расширению и укреплению культурных
связей Республики Крым и Ростовской области.

Я уверена, что конференция, которая проводится сегодня
в Доме-музее М.А.Волошина, будет служить путеводителем
для всех, кто искренне интересуется русской и армянской
культурой, их историей, современностью, и конечно же,
литературным наследием советской писательницы,
поэтессы, историка и журналиста Мариэтты Шагинян,
жизнь которой была связана с Коктебелем,
а корни тесно переплетены с Крымом.

Наше культурно-историческое наследие – это духовный
и социальный капитал невозместимой ценности, который,
наравне с природными богатствами, является основанием
для национального самоуважения. Наследие во многом
формирует менталитет, утверждает преемственность
гуманитарных ценностей и сохраняет традиции.

Сохранение культурного наследия – это основа
дальнейшего развития общества.

Хочу выразить искреннюю благодарность всем
организаторам и людям, непосредственно участвующим
в конференции. Поздравляю всех с ее открытием, желаю
плодотворной творческой работы, интересных дискуссий,
хорошего рабочего настроения и солнечной крымской погоды.

С уважением,

Министр

А. Новосельская

2016 год

Организаторам и участникам Всероссийской научной конференции – Третьи Шагиняновские чтения «Проблемы дружбы и сотрудничества в творчестве М.С. Шагинян»

Уважаемые коллеги и друзья!

Мне доставляет истинное удовольствие приветствовать вас в связи с проведением Всероссийской научной конференции – Третьи Шагиняновские чтения «Проблемы дружбы и сотрудничества в творчестве М.С. Шагинян», потому что у этой конференции триадная особенность.

Во-первых, это объект исследования – жизнь и творчество выдающейся русской и советской писательницы, поэтессы, историка и журналиста Мариэтты Сергеевны Шагинян, у которой XX столетие «лежит на ладони».

Во-вторых, это не только историческая, но и современная значимость темы дружбы и сотрудничества для укрепления и развития солидарности российского общества и международного сотрудничества.

В-третьих, что очень важно отметить, многочисленный социально-возрастной состав исследователей данной конференции – это и школьники, лицеисты, гимназисты, студенты, аспиранты, учителя, музейные работники, государственные и общественные деятели и маститые ученые.

Да, сейчас мало кто помнит Мариэтту Шагинян. Лишь немногочисленная часть ее творческого наследия перечитывается и исследуется. Но, как оказалось, эта типичная ситуация для современного информационного общества, не характерна для Ростова-на-Дону, Крыма и Донецка (ДНР).

Программа Третьей Всероссийской научной конференции свидетельствует, что творческое наследие Мариэтты Сергеевны Шагинян от «Первых встреч» до «Человека и Время...» талантливо велико, научно и необычайно многогранно, отражающее ее политическую, нередко бескомпромиссную целеустремленность, академические исследования и бесприммерно разносторонний практический жизненный опыт, актуально, стало предметом системных исследований, может и должно быть востре-

бовано нашими современниками, тем более что в 2018 году исполняется ее 130-летие.

Успешной работы, дорогие друзья и коллеги!

*Президент Российского общества
дружбы и сотрудничества с Арменией,
доктор социологических наук,
лауреат литературной премии имени Бориса Полевого,
почетный член Союза писателей*

Виктор Владимирович Кривоусков
г. Москва.

От имени правления РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община» разрешите поприветствовать участников Третьих Шагиняновских чтений!

Интерес к творческому наследию Мариэтты Сергеевны Шагинян активно проявляется в среде учебных заведений и широких кругах общественности.

Отрадно, что именно в Ростове-на-Дону происходит процесс нового прочтения творческого наследия публициста, писателя и выдающегося мыслителя своего времени – Мариэтты Шагинян.

Мариэтта Сергеевна Шагинян – это, в первую очередь, публицист, а публицист – это не профессия, а призвание, особое ощущение жизни. Осознание себя как художника, как литератора, должно быть в человеке от Бога, от природы. А когда все это сочетается в одном индивидууме, соединяя в себе талант, жажду жизни, тягу к знаниям и удивительную работоспособность, то этот человек займет в истории не последнее место.

Именно таким человеком и была Мариэтта Сергеевна Шагинян – журналистка и писательница, без сомнения, обладавшая завидным мастерством и даром литератора.

Хочется поздравить вас с этим событием в жизни армян Дона и пожелать всем участникам третьих Шагиняновских чтений творческой и плодотворной работы.

*С уважением,
Депутат Законодательного Собрания РО,
Председатель правления РРОО
«Нахичеванская-на-Дону армянская община»*

А.А. Сурмалян

Уважаемые участники конференции!

Мариэтты Сергеевны Шагинян нет с нами уже более 30 лет, но память о ней осталась в наших сердцах. И поэтому, прежде всего, я хотела бы от себя лично и от всех нас поприветствовать самого непосредственного хранителя памяти о Мариэтте Сергеевне, – ее внучку, присутствующую здесь, уважаемую Елену Викторовну Шагинян.

На базе Ростовского областного музея краеведения научно-практическая конференция «Шагиняновские чтения» проводится уже третий год подряд. Мариэтта Сергеевна Шагинян в своем творчестве была активным поборником дружбы народов и тем самым служила делу единения и взаимопонимания между людьми.

В этом году работа конференции «Шагиняновские чтения» состоит из двух сессий. 1 апреля, в городе Ростове-на-Дону, в отделе Ростовского областного музея краеведения «Музей русско-армянской дружбы» проведена 1-я сессия, в ходе которой с докладами выступили известные историки, краеведы, литераторы. Важно отметить, что были подведены итоги творческого конкурса «О жизни и литературном наследии М.С. Шагинян» для учащихся средних общеобразовательных школ Ростовской области.

6 апреля 2016 года начала свою работу 2-ая выездная сессия конференции. Благодарим министра культуры Республики Крым Арину Вадимовну Новосельскую за высокую оценку нашего проекта, которая содержится в ее приветственном адресе. Также хочу отметить поддержку проекта министром культуры Ростовской области Александром Анатольевичем Резвановым и неоценимую помощь в подготовке конференции со стороны РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община» и лично ее руководителя, депутата Законодательного собрания Ростовской области Арутюна Арменаковича Сурмаляна, за что Ростовский областной музей краеведения выражает им особую признательность.

Я хотела бы в лице Натальи Михайловны Мирошниченко поблагодарить всех сотрудников музея-заповедника «Киммерия М.А. Волошина» и непосредственно Дома-музея М.А. Волоши-

на, которые приложили много усилий при подготовке конференции.

Спасибо нашим коллегам из высших учебных заведений Ростовской области, которые уже третий год активно участвуют в проведении Шагиняновских чтений и сегодня, я уверена, с большим удовольствием выступят на конференции со своими докладами.

Хочу отметить, что кроме докладов в рамках чтений мы сможем ознакомиться с передвижной выставкой «Мир М.С. Шагинян» из фондов Ростовского областного музея краеведения в контексте экспозиции Дома-музея М.А. Волошина и частной коллекции семьи Шагинян-Цигаль, а также с выставкой о деятельности РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община».

Я от всей души приветствую всех вас, участников конференции, которая посвящена творчеству Мариэтты Сергеевны Шагинян и проводится в Доме-музее Максимилиана Волошина. Уверена, что их выдающийся вклад в развитие культуры будет отражен сегодня на нашей конференции.

Желаю нам всем успешной работы!

Директор ГБКУК Ростовской области «Ростовский областной музей краеведения»

Г.Н. Куликова

С приветственным словом к участникам чтений также выступили **Е.В. Шагинян**, внучка Мариэтты Сергеевны Шагинян; заместитель генерального директора по научной работе «Историко-культурного, мемориального музея-заповедника «Киммерия М.А. Волошина» **Н.М. Мирошниченко**.

ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ ТРЕТЬИХ ШАГИНЯНОВСКИХ ЧТЕНИЙ

Авдулов Н.С.

РУССКИЙ МИР В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ М.С. ШАГИНЯН

Литературное наследие М.С. Шагинян многомерно; оно по праву служит посредником между народами, сближает их тем, что раскрывает богатый мир и потенциал дружбы и сотрудничества. О чем бы ни размышляла, ни писала М.С. Шагинян, она окунается в мир своих героев, исследует как внутреннюю жизнь, так и внешнее окружение. В стихах, прозе, публицистике объемно, в деталях, со знанием дела она описывает психологию, культуру, традиции, привычки, историю, хозяйственную деятельность, быт, человеческие отношения многих народов.

Особое место в ее творчестве занимал *русский мир*, который она знала с детства, не понаслышке, не по рассказам и книгам. Русский мир как мир мыслей, чувств и действий русских людей был для нее повседневной реальностью, радовал и печалил, вдохновлял и раздражал, был источником ее глубоких мыслей и светлых чувств. В нем она постоянно искала точки опоры, перспективы улучшения жизни людей. Русский мир, как и мир любого народа, безграничен, в нем соседствовали свет и тень, добро и зло, взлеты и падения, новаторство и консерватизм. Не скрывая от своих читателей человеческие слабости и пороки, она делала упор на лучшее в человеке, на светлое в жизни, верила в будущее и, в меру своих возможностей, приближала его. Перед ней, как и перед каждой творческой личностью, много раз вставал вопрос о предпочтениях в жизни и писательской работе. Как не оказаться в стане очернительных злопыхателей, или в хоре лакировщиков. Она исходила из принципа: «Не навредить русскому миру, не исказить и не извратить его», ведь чрезмерная концентрация внимания на устаревшем, на недостатках, ошибках и преступлениях умножают их, приучают к ним людей, рождает терпимость и покорность; затушевывая,

заглушая лучшее, – убивает в людях надежду, стремление бороться и побеждать.

В русском мире М.С. Шагинян находила много того, что вдохновляло людей, облагораживало их души, звало к свершениям, к свету и добру. Понимая всю сложность русского мира, она высвечивала главное, основное, определяющее в нем.

Так, в романе-хронике «Первая Всероссийская» о русском мире 1860-1870 годов XIX века она писала: «... тысячи дел истории глядят на нас из прошлого этими своими тенями созданных искусственно репутаций, похожих на бумажки, которые составились в недалеком прошлом *suzziscueum vitae*, «Круг жизни» человека, предъявляющийся при поступлении на службу. Конечно, все эти бумажки говорят о фактах, датах, перемещениях, награждениях, утратах, выговорах и вообще о достоверных вещах, как верстовые столбы на дорогах. Но отложите их в сторону, забудьте их и взгляните на человека. Он встанет над своим *suzziscueum vitae*, живой, дышащий, проходящий, меняющийся, непроницаемый, как тело над тенью. И по тени, пусть взяла она свои пульсирующие очертанья от его тела и света, – никак нельзя ни увидеть, ни понять самого человека.

...А если вглубь заглянуть, вся жизнь человеческого общества, с поставленным перед ней знаком времени, все характеры и состояния ее, медь и солома, сталь и воск, железо и дерево, – все вдруг поднимется из глубины, раскинет над вами свою крону, зашумит, – и только лови, не потеряй эти звуки, разбирайся в них, коснись каждой ветви, каждого зеленого побега. Тут одна музыка, может быть, в силе передать великое многосплетение бытия, да и то лишь в симфонии, десятками разных инструментов, поющих свою партию...» [1, с. 137-138]. При изучении русского мира М.С. Шагинян смотрела не на верхушки, а на корни явлений, стремилась услышать зов своего времени. «Во всех этих ... силах и влияниях, – писала она, – явно было только одно: время для серьезного вопроса о технике, о необходимости поднять и усилить отечественную технику – очень назрело, и Политехническая выставка была нужна государству и обществу, со всех сторон нужна: и как смотр всего наличного, что имелось в стране; и как показ его не себе только, а и наружу, за рубежи, чтоб знали и видели; и как место, где на ходу можно и поучить-

ся, и поднять назревшие вопросы» [1, с. 134]. Организация и проведение Первой Всероссийской выставки, по мнению М.С. Шагинян, выдвинулись на первый план развитие русского мира, затронули все его пласты, все его уголки, послужили поводом для углубленного понимания необходимости технического образования, для умелого его сочетания с классическим, гуманитарным образованием. Выставка имела колоссальное значение, прежде всего, для тех, кто посвятил себя образованию народа.

Отношение к выставке было неоднозначным. «Одни – с охотой, с высоким жаром сердца, другие – с оглядкой и страхом; третьи против желания, – но все они, вышедшие из темноты, должны были в эту темноту вернуться, чтобы внести в нее свет и знание. Словно гигантская стена выросла перед задачей их, – стена невежества и суеверия, древних обычаев, жестокости, тупости, наглости, скрепленная липким клеем привычных прописных истин, проповедей муллы, кликушествовавшего шаманства и поверх всего нищеты и убожества, жалкого быта, нескончаемого труда, нескончаемых обид и обираний от царских слуг, на которых нет управы. Школа в этой стене была, как новая, замурованная в ней обидчиками непосильная, ненужная повесть, новый хомут на шею, – замученные шеи дергались, чтоб сбросить ее, – ...А народные учителя еще недавно сами были частью этой стены, которую предстояло им пробить и свалить [1, с. 159-160].

Мрачной картиной выглядел русский мир того времени, но не бесперспективно. М.С. Шагинян указывала на те многочисленные ростки в обществе, которые тянулись к свету, к лучшему мироустройству, к образованию и прогрессу. «Вся Россия охвачена была в те годы горячкой обучить народ, этим полны были журналы, этого добивалась сама жизнь» [1, с. 161].

Однако русский мир не был одноцветным, в нем наблюдалось тысячи оттенков, нюансов. «Чтоб увидеть эти нюансы, – писала М.С. Шагинян, – историкам нужно было бы поднять тяжелую крышку над летописями нового века, – жандармскими донесениями со штампом «Секретно», что было им пока недоступно, или же прислушаться к дамским пересудам о делах своих мужей.

...Нюансы имелись во множестве и в левом, и в монолитном, казалось бы, правом лагере, поддерживающем российский трон, все со всеми пикировались и были в несогласии, каждый ликовал над поражением своего противника и любой вел подкоп под другого любого» [1, с. 213].

Русский мир бурлил. С азартом велись споры о загадочности души русской породы, о мировоззрении русского человека, о равноправии женщин, о методах обучения крестьянских детишек. В одних местах проявляли недоброжелательность к классическому образованию; в других – отмечали игнорирование в верхах собственного, русского развития, духовного, экономического, всяческого; в третьих – возмущались бюрократизмом и коррупцией; в четвертых – осуждали нечаевщину; в пятых – схлестывались стилисты и смысловеки по поводу того, как изучать словесность. В романе М.С. Шагинян русский мир размышляет над жизненно важными проблемами, спорит, утверждает, отвергает, ищет ответы. Один из героев романа по этому поводу сказал: «В Европе, я заметил, молодежь, мужчины и женщины тянутся курить в обществе оттого, что им сказать нечего и мыслей в голове мало. А у нас – от длинных периодов в разговорах. Так увязались в них, что хватаются за папиросы, курят, говорят, опять курят, опять говорят» [1, с. 369].

В разговорах, в спорах М.С. Шагинян находила разные мысли по поводу русского мира, сталкивала разные точки зрения и тем самым дополняла представления о русских. В спорах о Петре одни считали его чуть «не антихристом», «чем-то не русским», даже противоречивым, а вторые – тоже видели в нем уникальное, первого европейца, что ли». И тут же следует выражение «Я считаю Петра глубоко русским явлением, ярко выраженным русским, – это высокая трезвость ума, именно трезвость, здравомыслие, острота проицания будущего и того, что необходимо для будущего, это типично русское, бодрое, бодрствующее начало русской природы!!! Спор, дополняющийся рассуждением о том, что Петрово начало «взросло в сопровождении других тормозящих начал, тоже коренных русских; ну нетрезвых, что ли начал» [1, с. 370].

Со всей обоснованностью М.С. Шагинян описывала социально-политическую ситуацию в русском мире, отмечала

наиболее существенные ее стороны без домysлов и преувеличений. «То, что ощущалось русским обществом, как постепенное, неуловимое сжатие или стеснение, затруднившее прежнюю размашистость в беседах, настораживавшие и приглушавшие голоса на улице и в театре – не имело в себе ничего мистического. После знаменитых «реформ» шестидесятых годов и взрыва – под самый конец этих годов – нечаевского дела, началась стрижка всего того, что было даровано свыше: подстригли школьную реформу, обрезав многие вольности, – расширили классицизм в программах; подтянули университеты, земства, суд; урезали либеральный закон о печати 1865 года; и даже больше чем урезали; жестоко прихлопнули газетное и книжное дело, вернули полиции и III отделению право запрещать, изымать, объявлять вредным то, что раньше по закону 65-года, подлежало лишь компетенции суда» [1, с. 372].

При описании ситуации в русском мире автор прослеживала связь между отдаленными историческими фактами, событиями и их последствиями. «Нечаевское дело», – по ее мнению – стало благодатью для русского правительства, явилось провокацией и послужило поводом для расправы над молодыми вольнодумцами. Попутно, тут же она отмечала типичную для русского мира, для России-матушки доверчивость, когда «она готова каждому самозванцу верить и плашмя перед ним лечь» [1, с. 371].

Русский мир во все времена обладал множеством непознанного, неразгаданного, вбирал в себя самые различные проявления человеческой жизни. В нем соседствовали и протест, и покорность, осторожность и риск, осмысленность и непродуманность, пафос и отчаяние. Во многих случаях эти проявления не лежали на поверхности, не были видны невооруженным глазом. Исследовательская наблюдательность и художественный талант М.С. Шагинян позволила выявить, обозначить, осмыслить лучшие особенности русского мира. Она обращала внимание читателя на малозаметные движения рук ямщика, которые управляли лошадей, отмечала неизменный порыв простых людей к лучшему; ориентировала на доброе, высокое, чистое, новое; подчеркивала способность человека думать, размышлять, взвешивать «за» и «против»; раскрывала тайну труда. «Физики говорят: нет действия без противодействия, – и если даже найдут

гении будущего, что между действием и противодействием есть пауза во времени, эта пауза лишь подчеркивает творческий, не механический ответ материи на действие. Земля отвечает. Веками повторялась у крестьянства с ответом земли на труд, ответом обязательным, неизбежным, непреложным, как закон: вскормленная, вспаханная, засеянная земля поднималась миллионами зеленых головок, и эти головки желтели в свой час, набухали зерном, как собственная работа земли. Народ, – подчеркивала М.С. Шагинян, – глубоко познал закон ответа на труд. Он сложил варианты этого закона в своих пословицах: «Как аукнется, – так откликнется», «Не лей воду в решето», «Не посеешь – не пожнешь», и много других таких же, говорящих о том, что прикладывать надо труд не в пустоту, не имеющую противодействия, а в живое нечто, дающее обязательный ответ» [1, с. 435]. Такое понимание труда подслушала, подсмотрела писательница в русском мире у простых тружеников земли. Русский мир обогащал Мариэтту Сергеевну Шагинян, а она, в свою очередь, откликалась и вносила в него свою лепту познавательных и художественных ценностей.

Литературное наследие М.С. Шагинян по праву можно признать энциклопедией русского мира, и оно может служить учебником истории российского общества.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Первая Всероссийская // М.С. Шагинян Ленинград. М., 1980.

ГЕНИЙ И ЕГО СЕКРЕТАРЬ
(по страницам «драмы» М.С. Шагинян
«Разговоры с Гёте» И.-П. Эккермана)

История духовной культуры знает немало случаев продуктивного сотворчества двух гениев, гения и таланта¹, но в литературе практически не описано ситуаций взаимоотношений гения и его секретаря. Исключение, пожалуй, составляет небольшое, 30-страничное произведение М.С. Шагинян «Разговоры с Гёте» И.-П. Эккермана, которое в силу проникновения автора в психологию двух основных его героев следует назвать не иначе как «*драмой*». Первый герой этой *драмы* 30-летний Иоганн Петер Эккерман, который двигался пешком по Германии с рюкзаком за плечами и посохом в руках из родной деревушки через Гёттинген в небольшой городок Веймар – место паломничества виднейших европейских деятелей, где проживал великий гений немецкой литературы Иоганн Вольфганг Гёте (1749-1832), второй герой этой «*драмы*».

По возрасту Эккерман уже не был юношей. Но «юным» М.С. Шагинян назвала «его самосознание» и кратко набросала его биографию. Едва выбившись из бедности, этот трудяга-юноша впервые сел на гимназическую скамью рядом с десятилетними мальчишками в 25-летнем возрасте; обремененный беспрестанным физическим трудом, он доучивался у учителей, приглашаемых к малолетним отпрыскам из богатых семей. Он был чув-

¹ В литературе известно, например, большое количество книг о сотрудничестве К. Маркса и Ф. Энгельса. Так, свою книгу о творческой биографии Ф. Энгельса Г.Н. Волков назвал «Рядом с гением гений». Впрочем, сам Ф. Энгельс в подстрочном примечании к четвертой главе своей работы «Людвиг Фейербах...» о собственном вкладе в теорию марксизма скромно отзывался: «...то, что сделал Маркс, я никогда не мог бы сделать. Маркс стоял выше, видел дальше, обзирал больше и быстрее всех нас. Маркс был гений; мы, в лучшем случае, – таланты. Без него наша теория далеко не была бы теперь тем, что она есть. Поэтому она по праву носит его имя» (*Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 21, с. 301*).

ствительным, благородным и страстно стремился к гуманитарным знаниям; он немного рисовал и мечтал стать художником; он выучил множество стихов и даже написал большую статью о немецкой поэзии; он сам писал стихи и некоторые из них даже успел напечатать; он знал наизусть многое из произведений Гёте, которому послал свои стихи, статью и приложил к ним коротенькую автобиографию. Эти стихи М.С. Шагинян оценивала как «слабые, подражательные стихи, но – близкие по духовной интонации» к консервативным идеям Гёте; а их автора как «скромного и благодарного», воспитанного и дисциплинированного человека с огромной «жаждой учиться – до конца жизни», с «достоинством, но без самомнения – и несомненным умением слушать». Стихи Эккермана великий Гёте принял благосклонно и отправил ему письмо с приглашением явиться в Веймар. Окрыленный полученным приглашением на тридцать первом году жизни Эккерман шагнул на поклон к «отцу, учителю», мечтая о помощи со стороны Гёте в продвижении собственной поэтической карьеры, чтобы ему, Эккерману, самому стать поэтом.

Во вторник 10 июня 1823 года точно в назначенное время, в двенадцать часов, Эккерман стоял у роскошного гётевского дома с чинными и торжественными залами, и слуга доложил о нем своему хозяину. «Гёте вышел к своему посетителю в голубом сюртуке и мягких ботинках», в «коротких, до колен, облегающих ногу штанах, длинных чулках», – писала М.С. Шагинян об одеянии поэта, словно сама присутствовала при первой встрече, указывая даже на «кружева вокруг шеи и у кисти рук, ...выделявшие грацию и стройность Гёте» [1, с. 217]. Это был крепкий, стройный, чувствующий себя еще молодым, но уже с нависшим на плечах грузом всего им созданного 74-летний мужчина. Для своих двух внуков, которые лезли ему на плечи, он был просто дедушкой. Стариком его считали простоватый сын Август, который любил, как и его покойная мать, хорошо покушать и выпить лишнего, и хорошенькая невестка Оттилия.

Стареющий Гёте был одинок в семье; в литературе и науке Гёте был тоже одинок, и «подавлен массой необходимых действий – *ответить, просмотреть, принять, отвергнуть, высказаться, повидать, выслушать, подготовить, закончить...*». Так

одними глаголами М.С. Шагинян нарисовала череду ежедневных забот великого немецкого художника, подчеркнув при этом, что как-то незаметно «подходила накопленная им мудрость» и ее надо было *высказать* – и ее некому было высказать. Одиночество – удел гениев.

«Гений всегда одинок, потому что он – творец. Он *творит*, когда *пишет, лепит, рисует, создает* своею рукой; он одинок, когда *мыслит, обдумывает, ищет, находит, пробует, испытывает*. Одинок, когда *погружается* в отдых, в накопление сил, где, как правило, всякое вмешательство, всякое вторжение нарушает баланс природы гения, мешает процессу отдохновенного накопления сил. Но одиночество – тяжкая, подчас невыносимо тяжкая вещь, и гений переносит его так же болезненно, так же ипохондрически, как и самый заурядный человек. Только спастись от одиночества нужно ему другими путями. Вместо отвлечения, перебивки одиночества живым введением других, внешних интересов и впечатлений – творческий человек бессознательно ищет присутствия и содружества такого элемента, который *разделил* бы его одиночество, *не нарушая* его, не вводя диссонирующих впечатлений иного, чуждого свойства» (*курсив мой – А.Б.*). Такое «присутствие», – была убеждена М.С. Шагинян, – Гёте *желал найти и нашел* его в лице Эккермана, который сумел войти «в одиночество гения, разделяя, но не нарушая его. Мысли Гёте рождались и высказывались в его присутствии – из глубины ненарушенного одиночества, но вызываемые согласным дыханьем чужого бытия» [1, с. 225].

Разговор хозяин начал сразу же о том, что больше всего интересовало гостя: о судьбе присланной рукописи. Гёте уже успел побеспокоиться об издании статьи и утвердительно сказал, что завтра же отошлет ее с оказией издателю. Затем он спросил Эккермана о его планах и намерениях. А в конце разговора поручил ему в порядке одолжения, дружески, отобрать из «Франкфуртских известий» для готовящегося собрания сочинений Гёте его ранние рецензии и дать ответ о том, стоит ли их вообще включать в новое издание. И Эккерман с готовностью взялся штудировать, отбирать, делать самостоятельные выводы и отчитываться перед Гёте о проделанной работе, при этом чувствуя себя обязанным ему за доброту и участие. За выполненным

поручением последовало другое, третье, четвертое и т.д. Получив гонорар за публикацию статьи и за «услуги» Гёте, он еще полный веры в свою самостоятельность будущей поэтической карьеры с восторгом указывал, что на целый год обеспечен жильем и питанием, но, разумеется, не переставал мечтать о задуманной летней поездке по большим городам Германии.

В этот же год Эккерман взял себе за правило записывать карандашом в толстую тетрадь все разговоры, которые вел с ним Гёте. Так, 15 сентября 1823 года в тетради появилась запись: «Я должен высказаться прямо. Я хочу, чтоб Вы эту зиму *остались при мне* в Веймаре» (*курсив мой – А.Б.*). 21 ноября, хваля написанные Эккерманом отзывы на гётевские рецензии: «У вас прекрасное дарование!», Гёте посоветовал ему не браться за крупную работу, а придерживаться мелких вещей и стихотворений к случаю, и тут же рекомендовал: «...если Вам, может случиться, сделают литературные предложения из других мест, – отвергайте их или, по крайней мере, сообщайте о них мне; ведь поскольку *Вы со мной связаны*, я не очень расположен, чтобы Вы имели отношение и к другим». Выделив эти четыре слова *курсивом*, М.С. Шагинян подчеркнула, что тот, кому они произносятся, понимает их по-своему и будет понимать по-своему почти все девять лет знакомства Эккермана с Гёте.

В драме, разыгрывающейся перед читателями «Разговоров с Гёте», М.С. Шагинян усмотрела, что независимо от воли и сознания автора «передается все ее эмоциональное содержание, вся разница чувств двух действующих лиц. Гёте – наконец-то – нашел единственно нужного ему под старость человека, с которым он может оставить потомкам богатейшее устное наследство своей нажитой мудрости, – нашел, если определить в одном слове, *превосходного секретаря* (*курсив мой – А.Б.*). Эккерман в настойчивом предупреждении Гёте, в постоянных его порученьях, в работах», которыми Гёте его снабжал, – усматривал «высокую честь дружелюбия, внимания отца немецкой литературы, доверия гения – признания его, Эккермана, литературных способностей, – небывалое, выпавшее на долю начинающего немецкого писателя, счастье. Он полон нежной, благоговейной любви к Гёте» [1, с. 222].

...Прошел год после этого предупреждения. К великой радости Эккермана один английский журнал на выгодных материальных условиях предложил ему присылать ежемесячные статьи о новинках немецкой литературы. Воистину – это удача, хороший заработок, начало известности! Конечно же, Эккерман в тот же день доложил Гёте об этом предложении. Вечером 3 декабря 1824 года Эккерман записал в свою тетрадь: «Лицо Гёте, бывшее до этих пор таким дружелюбным, при этих словах сразу раздражительно исказилось, и в каждой его черточке я мог прочесть неодобрение моему сообщению». А далее в этой записи представлена такая железная логика аргументов о необходимости отказа от столь заманчивого предложения, что даже сама М.С. Шагинян удержалась от собственных выводов, но привела почти целиком длинную цитату из «Разговоров с Гёте», потому что «сама по себе она представляет просто необыкновенную характеристику роли критика и обозревателя литературы во всех ее фазах»: «Я хотел бы, чтобы Ваши друзья оставили Вас в покое... Существуют золото, серебро и бумажные деньги, и каждое из них имеет свою ценность и свой курс, но, чтобы каждое правильно оценить, надо этот курс знать. Вы умеете оценить металл, но не бумагу, Вы с ней еще не встретились, и Ваша критика поэтому будет несправедливой, и Вы будете уничтожать вещи. А если Вы хотите быть справедливым и каждое в своем роде признать и пустить в оборот, то Вам придется прежде всего стать на общий уровень с нашей средней литературой и немало потрудиться для этого. Вы должны будете пойти назад, посмотреть, чего хотел Шлегель и чего он достиг, а потом новейших авторов – ...всех должны Вы прочесть. И этого мало. Все периодические издания, от «Утреннего листка» до «Вечерней газеты», должны Вы держать перед собой, чтоб тотчас быть осведомленным о вновь выступающих в литературе, – и этим Вы себе испортите лучшие часы и дни. И потом, все новые книги, о которых Вы захотите высказаться более или менее основательно, должны Вы не перелистать только, а даже изучить. Как это Вам понравится? И, наконец, когда Вы плохое найдете плохим, Вы даже не посмеете это высказать, чтоб не оказаться в опасности попасть в войну с целым светом»...

И, наконец, вывод: «нет, пишите отказ от этого предложения» [1, с. 223].

Без малого девять лет Эккерман пробыл «преданным секретарем у Гёте, чувствуя себя связанным не секретарской, а «сыновней» связью с ним». При этом он умудрился сохранить «то самое скромное «достоинство, лишенное самомнения», ту «самостоятельность» без ощущения ее мнимости, с какими он в первый раз, неловким и робким, восторженным и полным надежд, вступил на порог жилища Гёте», – писала М.С. Шагинян, убеждая читателей, что Эккерман издал «не только запись отдельных мыслей и монологов Гёте, а настоящие диалоги, где говорят обе стороны и даже обе стороны действуют». Читая и перечитывая «Разговоры с Гёте», она все более убеждалась, что Эккерман стал нужным Гёте совсем «не только для того, чтоб записывать его изречения и монологи», а чтобы «участвовать в диалогах, наталкивать на мысли, вызывать их, разделять – *не нарушая великого одиночества гения*» [1, с. 224].

Если современный читатель знает Гёте по многочисленным портретам, рисункам и статуэткам, для которых он специально позировал, храня неподвижность черт своего лица, по множеству книг, со страниц которых на него печатными буквами глядит гётевская мудрость сама по себе, то из-под пера автора «Разговоров с Гёте» явилась мудрость, услышанная и записанная с живых слов живого человека, находящегося в различных обстоятельствах. Девять лет почти ежедневного присутствия при последних годах жизни великого человека эпохи, наблюдения за гением творческой мысли (с его 74-летнего до 83-летнего возраста), у которого всё можно узнать и спросить – о литературе и искусстве, живописи и музыке, о Байроне и Шекспире, о Канте и Гегеле, о наводнении в Петербурге и ирландских событиях, об Арарате, на котором будто бы нашли строительные остатки Ноева ковчега, о важной черте характера русских людей, которые, «*умерив себя и не пойдя* на Константинополь», в глазах Гёте, сроднились с Наполеоном и его армией, тоже «*умеривших себя, отказавшись пойти на Рим*» и еще о многом и многом другом.

И все же «самым *нужным*, самым *интересным*» вопросом «Разговоров...» М.С. Шагинян считала вопрос о том, что думал

Гёте о Жизни и Смерти – «как надо, как лучше, как разумней прожить данную человеку жизнь?»

Еще в молодые годы евангельский стих «в начале было Слово» Гёте перефразировал в свое знаменитое «в начале было Дело». 27 января 1824 года он признавался Эккерману, что его «всегда считали особенным счастливымчиком... Но в основе это было не что иное, как усилие и работа... Запросы к моей деятельности, как со стороны, так и изнутри, были слишком велики». Исходя из этого признания, М.С. Шагинян настаивала, что Гёте, в сущности, «всю жизнь был «работягой», вкладывавшим весь жар своего горения не только в творчество («запросы изнутри»), но и во всякую другую деятельность («запросы со стороны»)» [1, с. 236-237]. Иначе говоря, свою жизнь Гёте не мыслил без труда, без постоянной реализации неотделимой от течения жизни потребности творчества, единственного оправдания человеческого бытия и даже считал «сбалансированность чувства вины усиленной деятельностью единственной формой искупления» [1, с. 240]. Тем, кто полагает собственным идеалом существования на планете Земля «досуг и праздность», он противопоставил «вечный переход своей силы и воли в материальные результаты творческой продуктивности, вечную связь работы с восполнением и ростом своей энтелехии»², под диктовку которой, по его представлению, происходит физическое развитие тела человека. Связь мысли и деятельности с идеей смерти и бессмертия у Гёте самая прямая: «Я не сомневаюсь в продолжительности нашей жизни, ибо природа не может пожертвовать энтелехией; но мы бессмертны не в одинаковой степени, и, чтоб проявить себя в будущем как крупную энтелехию, надо и быть таковой». Иначе говоря, человек должен «заслужить сам, своей безостановочной деятельностью, право на бессмертие», – полагала М.С. Шагинян, – ибо это право «обязана соблюдать сама природа. Бессмертие как закон природы!» [1, с. 240, 243].

...К весне 1830 года секретарь выполнил немало «поручений» немецкого гения. Эккерман уже написал (пусть только вчерне) две части своих «Разговоров с Гёте». Ему решительно

² Греческое слово «энтелехия» – любимый термин Гёте, заменявший ему понятия «дух» и «личность».

был необходим отдых, для новых впечатлений ему крайне был нужен творческий отпуск. И даже сам Гёте это почувствовал. К тому же его сын Август давно просился совершить путешествие по Италии. 81-летний Гёте, наконец, разрешил сыну эту поездку, дал денег и отпустил с ним своего секретаря Эккермана.

Путешественники выехали из Веймара 22 апреля 1830 года и тем самым поступили опрометчиво. Уже с конца мая итальянская жара Милана и Венеции для непривычных северян стала труднопереносимой. Августа, вырвавшегося из-под опеки семьи, привлекали люди с вульгарным вкусом, шумные застолья с выпивкой. Эккерман, устававший от никчемной беготни, от сиделок за шумными столами и знакомства с пустыми театральными актрисами, был одержим жаждой культурных впечатлений, ходил по музеям, разговаривал с умными людьми. А впереди их ждали запланированные остановки для осмотра новых городов – Рима и Неаполя, но жара, пыль и настоящее пекло проезжих дорог к ним стояли в полном разгаре.

В Милане Эккермана разбила лихорадка и надолго уложила его в постель. Он был слишком изнурен, чтобы продолжать путешествие. Понимал это и Август, сын Гёте. «Отец, осведомленный о болезни секретаря и уже успевший остро почувствовать для себя его отсутствие, соглашается на их разъединение, на возвращение Эккермана в Веймар и на дальнейшую поездку сына в Рим» [1, с. 228-229]. 25 июля 1830 года путешественники распрощались; Август отправился в Ливорно, а Эккерман – в обратную сторону, но не в Веймар, а в Женеву, где его застигли вести об Июльской революции во Франции.

Под влиянием революционного воздуха свободы в душе Эккермана проснулось «желание все время расти и возвышаться духом», он не распрощался со стремлением «приобрести влияние в литературе и для дальнейшего счастья сделать себе наконец собственное имя» [1, с. 230]. Цитату из письма Эккермана к Гёте М.С. Шагинян характеризует не иначе как «страшные слова»: «Если я попаду сейчас в Веймар – нечего и думать о скором окончании моих ближайших литературных задач. Я попал бы тотчас в прежнее рассеянье; я очутился бы в маленьком городке, где каждый сидит на плечах у другого, был бы разрываем туда и сюда разнообразными маленькими обстоятельствами, которые

разрушают меня, не принося решительно пользы ни мне, ни другим». При этом она искренне удивлялась: «Это порученья-то Гёте – разные *мелкие обстоятельства!* Это общение-то с веймарским кругом избранных людей – *сидение на плечах друг у друга!* Это культурные-то занятия в Веймаре – *рассеянье!* Это сам Веймар – место паломничества виднейших европейских деятелей, – *маленький городок*» (*курсив мой – А.Б.*). И, наконец, она заключала: «...вот до чего договаривается человек, когда его держат в согнутом положении слишком долго» [1, с. 230-

Секретарь больше не желал оставаться секретарем даже при великом гении!

Почувя свободу, раб возопил о свободе! И он проявил стремление прорваться к свободе «своего пусть маленького, но *лично-го* развития».

Эккерман писал Гёте о рукописи своих «Разговоров...» как «неотделанных, писанных карандашом», о своем желании закончить их вдали от Веймара, чтобы положить перед публикой свое творение уже переплетенным. Два последующих дня Эккерман находился в приподнятом настроении. У него на душе было легко, словно он расправил крылья. Он радовался, что, наконец, высказался, т.е. сбросил с плеч эту тяжелую ношу – исповедался перед Гёте. «С тех пор, как я излил свою душу в позавчерашнем письме, я чувствую себя свободным и бодрым, как никогда в прошлые годы», – писал Эккерман спустя два дня в Веймар и выражал надежду: «Это для меня действительно величайшая потребность – держаться хотя бы первое время в отдалении от Веймара. Надеюсь, что Вы это одобрите, – и уже предчувствую впереди время, когда Вы скажете, что я поступил правильно». Эту запись Эккермана М.С. Шагинян оценила как «раздирающий сердце человеческий документ. Почти вопль» [1, с. 230].

На столь проникновенно кричащие письма Эккермана от веймарского старца пришел ответ, написанный «отстраняющим, «разреженным», высокогорным – без капли теплоты и отклика, без человеческого знака равенства». В своем ответе поэт как всегда не предписывал и не указывал. Ответ Гёте замораживал: «Переждите во Франкфурте, пока мы свободно порешим, где Вы хотите провести будущую зиму». Комментируя этот ответ,

М.С. Шагинян довела его до афористичной формулы: «*Вы* хотите, но «*мы*» *порешим* [1, с. 231]. От такой формулы Эккерман оцепенел, теряя всякую решимость.

Жизнь внесла в столь драматическую ситуацию свои коррективы. Хозяин гостиницы, где проживал Эккерман, узнав, что его гость из Веймара, сообщил ему, что «великому сочинителю Гёте в свои преклонные годы предстоит пережить такое тяжелое горе, о котором сообщают свежие газеты, – его единственный сын умер от удара в Италии». Чтобы не выдать окружающим людям выражение своего лица, Эккерман взял свечу и ушел к себе в комнату, где и провел бессонную ночь. Утром другого дня он отправился в Веймар и на каждой остановке слышал как новость о смерти единственного сына Гёте от удара в Италии.

23 ноября 1830 года Эккерман вернулся в Веймар к Гёте из многомесячной поездки по Европе; глубоким вечером того же дня он сделал такую запись: «Гёте как статуя стоял передо мной спокойно и прямо посередине комнаты; он молча обнял и прижал меня к своему сердцу. Но только в этот вечер от самого Гёте среди деловых разговоров и сообщений *ни слова* не было услышано о сыне». Однако спустя «неделю эта страшная выдержанность, высокое умение замыкать себя, мнимая стойкость при трех смертях близких ему людей³... надломила физическую природу Гёте: в ночь на 30 ноября потоком хлынула у него кровь из горла. Он был при смерти целый день. Но выжил – он должен был закончить «Фауста», – комментировала эту запись М.С. Шагинян [1, с. 232].

...Эккерман остался у Гёте до самой его смерти. Спустя шестнадцать лет он издал свои «Разговоры с Гёте» (1848) целиком, с их завершающей третьей частью. Он расстался со своею мечтою и не стал посредственным поэтом. Но ценой этого отказа от своей мечты стала замечательная книга «Разговоры с Гёте», как «подарок для человечества». В ней талантливый секретарь явил читающей публике мудрость немецкого гения «в последние девять лет своей огромной творческой жизни», «благо-

³ В тот год умерли трое близких ему людей, с которыми Гёте прожил в Веймаре не одно десятилетие – старая герцогиня-мать, за нею сам герцог Август, друг и товарищ его молодости, и его единственный сын.

честиво собрал эту мудрость в копилку» [1, с. 243-244], которая и по сей день служит свидетельством неповторимого богатства *опыта жизни* великого Гёте.

Литература

1. Шагинян М.С. «Разговоры с Гёте» И.-П. Эккермана // М.С. Шагинян Собрание сочинений: в 9 т. Т. 8. М., 1975.

**М.С. ШАГИНЯН О ДРУЖБЕ И СОТРУДНИЧЕСТВЕ
РУССКОГО И АРМЯНСКОГО НАРОДОВ
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЕ
«ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ»**

Творчество Мариэтты Сергеевны Шагинян поистине достойно называться великим и неоценимым. Масштабы ее литературной деятельности поражают, а результаты находят свое бессмертное место в сердцах писателей, публицистов, литературных критиков, ценителей и попросту любителей. Сказать, что эта женщина обогатила своими работами литературный мир – ничего не сказать, ведь ее творчество настолько монументально, многогранно и глубоко, что вместе с ним отечественная литература «заиграла по-новому» после выхода в свет ее работ.

В процессе работы над темой настоящего сообщения стало очевидным, что само понятие «*дружба народов*» в последней четверти века ушло из актуального лексикона, хотя активно и массово употреблялось в советский период отечественной истории. Чем это объясняется? Скорее всего тем, что изменилась идеологическая парадигма развития общества. Что прежняя идеологическая задача, поставленная в советское время, – сближение народов, их тесное сотрудничество и дружба не актуальны в современных условиях? Что отношение между народами стали более прагматичными и поэтому охотнее употребляются понятия «взаимодействия», «сотрудничества народов», чем их «дружба»? Эти вопросы, естественно, не случайны, – поскольку речь идет о том, насколько актуальна сегодня настоящая тема.

В связи с этим естественно обратиться к смыслу содержания понятия «*дружба народов*». В словаре С.И. Ожегова содержится следующее определение понятия «*дружба*»: «близкие отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов». В качестве примера С.И. Ожегов приводит словосочетание «*дружба народов*» [1, с. 161]. В свою очередь, в понятии «народ» он выделяет такое его смысловое значение: «нация, национальность, народность» [1, с. 342].

Одним из краеугольных камней советской идеологии являлась задача формирования дружбы народов, т.е. таких отношений, которые основаны на общности цели построения справедливого общества, связанного общими интересами, пресечением любых проявлений национализма и шовинизма, которые препятствовали формированию такого общества, атмосфере доверия народов друг к другу. Были ли отступления от этой идеологической и политической установки в советский период? Да, были: незаконные депортации целых народов в период Великой Отечественной войны, которые нанесли тяжелый урон решению этой проблемы, случались и другие проявления национализма и шовинизма, которые в советский период пресекались. В целом же, в советский период эта задача решалась успешно. Сама идея, – задача формирования дружбы народов нашей страны, – весьма актуальна и в современных условиях.

На протяжении всей своей жизни М.С. Шагинян по своим убеждениям была не только интернационалистом, но и глашатаем дружбы народов, немало сделала для разрешения этой проблемы. Ярчайшим проявлением этого ее убеждения, установки сознания явилась книга «Путешествие по Советской Армении», в каждой главе которой она с помощью художественного слова делала все, чтобы утвердить дружбу народов, в том числе и народов, которые имели очень жесткую, нередко кровавую историю своих взаимоотношений: речь идет об истории отношений армянского и азербайджанского народов.

В ее книге воспоминаний «Человек и Время. История человеческого становления» нет сюжетов, непосредственно посвященных дружбе народов, дружбе русского и армянского народов. Возникают вопросы, каким образом сформировалось такое мировосприятие, такое мировоззрение, в котором базовым понятием являлся *«интернационализм»*, убеждения возможности и необходимости доверия между народами, их дружбы и взаимопомощи в строительстве нового общества? Какие факторы повлияли на становление такого мировоззрения?

С этой точки зрения книга М.С. Шагинян «Человек и Время» представляет богатый материал для понимания того, как формируется такое мировоззрение, мировосприятие, соответствующее этой ценностной установке. Представляется, что в

формирование такого мировоззрения и мировосприятия важнейший вклад вносят основательная образованность, глубокое освоение мировой и отечественной культуры, формирование интереса к иному, другому, чужому, восприятие его не как чего-то враждебного, а напротив, обогащающего собственную жизнь, духовный мир. В формировании такого мировосприятия основной вклад, как свидетельствует книга воспоминаний М.С. Шагинян, вносят семья, школа, самообразование человека. Вспоминая о своем детстве, М.С. Шагинян писала: «Наша семья была частью московско-армянской колонии, но практически жила интересами и жизнью московско-русской интеллигенции. Русское начало проникало во все поры нашего дома: русские кормилицы вскармливали нас с Линой своим молоком, ...русская няня была главным звеном нашей связи с внешним миром, учитель и руководитель отца, в чьей клинике отец производил свои опыты над собаками, был русский профессор Александр Богданович Фохт, ассистент у отца был русский; и пациенты. Те, кто ждал приема вокруг круглого стола в гостиной, были тоже отнюдь не армяне...» [2, с. 53].

Вместе с тем, М.С. Шагинян, ее отец и мать, вся ее родня помнили о своих армянских национальных корнях. Когда она в 1917 г. впервые побывала в Армении, посещая руины средневековой столицы Армении, Ани, то в своих воспоминаниях писала о земле, на которую «кровь моя откликнулась, чувствовала свою» [2, с. 14]. Таким образом, само ее воспитание, образование, жизнь в Москве и у родственников со стороны матери в Нахичевани-на-Дону, где жила община донских армян, формировали в ней двойственную этнокультурную идентичность, исторически сложившуюся в нашей стране. М.С. Шагинян одновременно принадлежала к русской и армянской культурам. Ее отец уже в раннем детстве формировал ее интерес к творчеству своего любимого писателя А.С. Пушкина. Вторым его любимцем после А.С. Пушкина был Гёте. Отец в день ее 9-летия подарил дочери всего Гёте на немецком языке в Берлинском издании.

Благодарные отношения к русскому народу формировались также в результате анализа М.С. Шагинян огромной разницы в характере и последствиях двух типов колонизации: «когда могучее государство, колонизируя далекие и отсталые страны, ис-

пользует их отсталость. Но те же могучие государства, приглашая к себе группы иноземцев, используют их культурные навыки, их умение. В первом случае, эти государства, как правило, варварски эксплуатируют дешевые рабочие руки, вывозят природные богатства колоний, во втором, они приглашают группы иноземцев, даруя им большие льготы: денежную помощь, свободу от налогообложения, свое самоуправление и судопроизводство на родном языке» [2, с. 9]. «В истории России, – замечала М.С. Шагинян, – такой способ заселения и подъема завоеванных земель встречается часто»; именно таким путем большинство армянских общин оказалось в России [2, с. 10].

Большую роль в формировании мировоззрения, лишённого какой-либо национальной и культурной ограниченности, играет школа. М.С. Шагинян с благодарностью вспоминала о своей учебе в Московской гимназии Л.Ф. Ржевской, в которой преподавали люди, получившие основательное, всестороннее университетское образование, такие как историк А.А. Кизиветтер, преподаватель русского языка и литературы И.Н. Розанов, впоследствии советский ученый, член Союза советских писателей, сестра А.П. Чехова Мария Павловна Чехова и др. От того, что в гимназии были такие учителя, «интеллигентность класса росла, росла сама собой, независимо от того, что у нас, как и везде, были двоечники и троечники, не приготовившие уроки» [2, с. 99].

М.С. Шагинян считала, что большую роль в формировании интереса к другому, иному, чем он сам, в сознании ученика, играет преподавание иностранных языков. Носителями этих языков – немецкого, французского, английского – были учителя этой национальности, такая практика имела место в старых гимназиях. И дело не только в освоении чистого произношения национальной речи. «Вместе с языком, – писала М.С. Шагинян, – мы бессознательно откладывали в память национальный образ, национальные черты характера, страну, город, любовь к ним, своему языку, и своей литературе, стремление рассказать и поделиться этим» [2, с. 126]. В результате такой постановки обучения растет, – замечала она, – «широта узнавания, интеллигентность ученика, его вдумчивость» [2, с. 130].

Большое значение также имело обучение и дружба М.С. Шагинян с учениками других национальностей: с Лидой Лепинь,

латышкой, посещение ее семьи, восприятие и интерес к иной национальной культуре; общение с двумя гречанками по национальности, сестрами Талей и Люсей Корди, которые также обучались в гимназии. М.С. Шагинян подчеркивала важность знакомства с жизнью других народов, стран, которая была характерна для образа жизни русской интеллигенции в конце XIX – начала XX вв. Она обращала внимание, что в результате таких поездок «всплывает общее понимание культуры, более повсеместной и устоявшейся, чем у нас, в тогдашней России» [2, с. 136].

В своей книге воспоминаний М.С. Шагинян не раз обращала внимание на такую характерную черту лучшей части русской интеллигенции, как отвращение к любым проявлениям национализма, шовинизма, антисемитизма. Она очень резко высказалась о проявлении антисемитизма в письме к ней известного писателя Дмитрия Мережковского: «Позорный антисемитизм, вырвавшийся у него оскорбительно для меня, потому что он не постыдился написать это мне, хотя не сказал бы вслух в обществе» [2, с. 337].

Именно эти факторы: фундаментальное образование, широкое восприятие культуры, интерес к иному, чужому, к культуре других народов стали основой для формирования такого мироотношения: «ненавижу, – писала М.С. Шагинян, – восхвалять «свое» только потому, что оно «свое» и ругать чужое только потому, что оно чужое».

Неслучайно М.С. Шагинян, вспоминая великого русского пианиста и композитора С.В. Рахманинова, выделяла такое его качество, как «...абсолютная чуткость к чужому, понимание чужого, бескорыстная радостная любовь к чужому... он всегда постигал глубоко чужое и бескорыстно интересовался им, если оно в чем-то задевало его глубинный вкус» [2, с. 388].

Эта широта мировосприятия, основанная на фундаментальном образовании, широком общекультурном кругозоре обусловили неизменно благожелательное отношение М.С. Шагинян к представителям других национальностей. Вот как она пишет в своих воспоминаниях об обучении в 1933 г. в Плановой академии «Обучение было бригадное, мы сидели в классе по 4-ке – в моей четверке были русские, узбек, туркмен и я, – дорогие

сердцу товарищи моей второй молодости, унесенные потоком жизни».

Вот почему М.С. Шагинян восприняла всем сердцем как личную задачу, поставленную советской властью цель – формирование в стране атмосферы дружбы народов, взаимного уважения, доверия, сотрудничества народов для разрешения невиданной в истории проблемы строительства справедливого общества. И своим творчеством она внесла большой вклад в разрешение этой проблемы.

В книге «Человек и Время» мы видим неразрывную связь литературного, этнического, географического материала, и все это подчинено одной идее – показать историю становления человеческого сознания. И история эта насквозь пропитана жизнью людьми богатой душой, которые окружали автора. И эта книга-летопись есть показатель того, насколько ярко и многопланово отразилось на мировосприятии М.С. Шагинян ее окружение. Интернационализм становится ее кредо, влияет на ее мировоззрение и творчество. Богатейшая кладезь нравственно-эстетического опыта – одна из многих причин необходимости возрождать интерес к творчеству М.С. Шагинян, изучать ее наследие, чтить память и просто учиться жизни.

Литература

1. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. М., 1983.
2. *Шагинян М.С.* «Человек и Время. История человеческого становления». М., 1982.

Кленин С.В.

КОКТЕБЕЛЬ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ СЕМЬИ ШАГИНЯН–ЦИГАЛЬ

Творчество Мариэтты Сергеевны Шагинян высоко ценили современники. Об этом свидетельствует отзыв историка русской поэзии Ивана Никаноровича Розанова на книгу «Русские писатели XIX и XX столетий» Игнатия Владиславовича Владиславлева [1]. В нем И.Н. Розанов с недоумением написал, поче-

му в это библиографическое пособие не внесены Максимилиан Волошин, Марина Цветаева и Мариэтта Шагинян? Таким образом, можно предположить, что современники равнозначно оценивали творчество этих трех поэтов.

Еще предстоит исследовать, когда же именно состоялась первая личная встреча писательницы Мариэтты Шагинян с поэтом Максимилианом Волошиным, но тому, что они были знакомы с творчеством друг друга еще до личного знакомства, имеется масса свидетельств. Например, в декабре 1911 года в газете «Приазовский край» была напечатана рецензия Мариэтты Сергеевны Шагинян на «Антологию» издательства «Мусагет», в которой описывался «поэтический раут» с упоминанием поэта Максимилиана Волошина [2]. В ноябре 1912 года в «Приазовском крае» № 290 вышла статья М.С. Шагинян «Пустынная вселенная» с изложением «ценной и очень изящной статьи Волошина о художнике Константине Богаевском в журнале «Аполлон» № 6» [2]. В январе 1919 года в газете «Приазовский край» № 22 публикуется статья М.С. Шагинян «Новые стихи М. Волошина», являющаяся рецензией на его книгу стихов «Иверни» (М., 1918). Здесь М.С. Шагинян подчеркнула, что поэт М. Волошин малоизвестен широкой публике, потому что он – «мыслящий художник», в котором «мастер всегда преобладает над импровизатором». М. С. Шагинян отметила в его стихах «живописно-философское восприятие мира» [2].

О том, что М.С. Шагинян высоко ценила поэзию М.А. Волошина, свидетельствует и один из автографов автора на книге «Искусство сцены» (Ростов-на-Дону, 1919), подаренной поэту: «Подмастерью, сумевшему стать мастером. Максимилиану Волошину от Мариэтты Шагинян. 1919. 30-ое июня (13 июля). Нахичевань-на-Дону» [3]. Именно эту дату пока можно считать началом личного общения двух этих поэтов. В письме М. Волошина к М. Шагинян, хранящемся в личном архиве семьи Шагинян, поэт благодарит ее за книгу «Ориенталия».

В мемориальной библиотеке Дома-музея М.А. Волошина хранятся так же и другие книги Мариэтты Сергеевны, подаренные писательницей Максимилиану Александровичу. Их автографы – свидетельство теплой дружбы между М.С. Шагинян и М.А. Волошиным. Среди них особенно хочется выделить книгу

«Советская Армения» (М.-П., 1923), которая была подарена поэту в день его именин с надписью: «В память короткой, но незабываемой встречи Максу Волошину. М. Шагинян. Петербург. 17 авг. 1923» [4] и роман «Гидроцентральный» (М.-Л., 1931), подаренный автором «Дорогому Максусу с неизменной нежностью». 17 августа 1931 года [5].

М.А. Волошин многократно приглашал М.С. Шагинян в свою коктебельскую усадьбу, но впервые она приехала в Коктебель в августе 1929 года со своей 11-летней дочерью Мирэлью [1]. Коктебель и сообщество Дома Поэта существенно повлияли на дальнейшую судьбу юной Мирэли. Немалую роль в этом сыграла крепкая дружба Мариэтты Сергеевны Шагинян и Марии Степановны Волошиной, которую они пронесли через всю свою жизнь. Их переписка хранится в фондовой коллекции Дома-музея М.А. Волошина и в архивах семьи Шагинян. В семейном архиве хранится письмо-открытка (датирована 1936 годом), в котором М.С. Волошина жалуется на отсутствие билетов. Этим она объясняет то, что не смогла приехать к М.С. Шагинян к запланированному сроку.

Мирэль Шагинян быстро прониклась атмосферой Дома Поэта и освоилась среди его обитателей. В то время усадьба Волошина была переполнена гостями, поэтому Мирэль Шагинян сняли комнату для ночлега неподалеку у семьи Павловых. Однако все время они проводили в доме Волошиных. Мирэль Яковлевна вспоминала: «Интересная публика собиралась в этом доме, но для меня они были просто друзьями мамы. С детворой и Марусей было здорово и весело, поэтому я всегда стремилась в Коктебель», «в доме одновременно отдыхало от 15 до 17 детей», «мы жили на чердаке, спали на тюфяках и подушках», «все дети называли Максимилиана и Марию Волошиных по имени и на «ты», так было заведено в этой семье» [7].

В Доме Поэта юная Мирэль постигала немецкий язык, обучать которому ее начала Анна Александровна Врубель [7].

«Мама не желала прерывать мои занятия, поэтому в Коктебеле за меня взялась какая-то из Юнге, но, к сожалению, сейчас уже не вспомню ее имени, – с улыбкой рассказывала художница. – Она так лихо преподавала, что я вскоре довольно свободно могла изъясняться, читала детективы Агаты Кристи на немец-

ком языке и даже писала диктанты готическим шрифтом. У мамы была теория, что я должна изучить сначала немецкий, затем английский, а потом французский. Немецкий я выучила. Эти знания пригодились мне потом в Германии и Бельгии. Английским я владела кое-как, а вот до французского дело так и не дошло» [7].

Последний раз Мирэль Шагинян видела Максимилиана Волошина за 2 года до его смерти – летом 1930 года.

Во время учебы в Московском художественном институте Мирэль Яковлевна проходила летнюю практику в Крыму. В пяти километрах от поселка Солнечная Долина (25 км от Коктебеля) находились дачи института, в которых жили студенты. Мирэль Шагинян охотно проводила выходные у Марии Степановны, отправляясь в Коктебель пешком через горы. «Переход занимал не менее 4-х часов, иногда я ночевала на перевале, а с рассветом продолжала путь... Через горы было рукой подать, всего семнадцать километров», – восторженно вспоминала художница [7]. Здесь же на практике она познакомилась со своим будущим мужем Виктором Ефимовичем Цигалем.

Мирэль Яковлевна часто вспоминала, как со своей подругой Наташей собиралась идти в Коктебель. Перед дорогой они обсуждали: кому какой мальчик приглянулся из тех, кто находился с ними на практике. Кандидатов в женихи было двое: Виктор Цигаль и Владимир Переславцев [7].

«Поскольку мы затруднялись сделать выбор, то решили бросить жребий. Взяли два камушка и загадали, что Витя – это светлый камешек, а Володя – черный, – смеется Мирэль. – Мне достался белый камень и Витя – единственный мужчина в моей жизни. Это была невинная шутка, определившая всю мою дальнейшую судьбу. Мы прожили в счастливом браке 64 года. У моря происходил весь роман, плавно перешедший в мою беременность и регистрацию в ЗАГСе» [7].

На следующую практику в Крым вместе с братом мужа будущим скульптором Владимиром Цигалем Мирэль Шагинян отправилась уже беременной дочерью Еленой. Виктор Цигаль должен был приехать позже, так как они учились на разных курсах, но приезду мужа помешала война.

«Мы возвращались с этюдов и встретили парторга нашего института, – вспоминает М. Шагинян. – Дурак он был отменный. Художником не был и даже не умел рисовать, но по партийному чину ему позволялось командовать нами. Он первый сообщил нам о начале войны, но распорядился держать эту информацию в тайне. Когда мы вернулись, то на базе все были в панике, так как не знали: организуют наш выезд или нет» [7].

В первый же день войны супруг Мирэль Яковлевны прислал брату телеграмму: «береги Мирэль», а Мариэтта Сергеевна – одну тысячу рублей. Эти деньги оказались очень кстати, потому что в дороге Мирэль Шагинян покупала на них продукты для сокурсников [7].

«Все были уверены, что война быстро пройдет, поэтому Маруся предлагала мне остаться рожать в Коктебеле, – вспоминает художница. – Мама в Москве очень хлопотала, поэтому нам все же выделили вагон для возвращения. Мы ехали очень долго, если бы не мамины деньги умерли б от голода» [7].

Таким образом, М.С. Шагинян спасла жизнь целому курсу студентов Московского художественного института.

О Доме Поэта, пережившего войну, Мирэль Яковлевна вспоминала: «После войны усадьба Волошина превратилась в здравницу, в которой литераторы выхлопотали Марусе курсовку, а мы по очереди носили ей обед из писательской столовой. Затем не без нашей помощи, ей назначили пенсию. Времена были голодные, зимой в Коктебеле нельзя было купить даже хлеба, поэтому мы все старались послать Марусе продуктовые посылки, а когда ехали в гости, то обязательно привозили для нее что-нибудь из еды» [7].

Мирэль Яковлевну, как и ее мать Мариэтту Сергеевну Шагинян, с Марией Степановной Волошиной связывала крепкая, теплая и нежная дружба, объединенная в том числе и общей любовью к Коктебелю. Сколько слов любви, нежности в их переписке: «Дорогая моя Марусенька, я сильно соскучилась по Вас, и по Коктебелю... Целую крепко, Ваша Мариэтта» (19.02.1965 г.). «Родная моя Марусенька очень хочу Вас повидать, обнять и подышать атмосферой Коктебеля... Желаю Вам радостной, теплой Пасхи, зелени вокруг, молодой полыни под ногами... Обнимаю и целую троекратно. Ваша Мариэтта...» (29.04.1975 г.).

А вот строки из писем Мирэли: «Дорогая моя Марусенька, я беспрестанно думаю о Коктебеле, а это значит о тебе, т.к. ты самый лучший его кусочек (для меня во всяком случае). Целую тебя нежно и очень крепко...». «Во сне вижу Коктебель, море, твой дом, мечтаю скорее, чтоб лето пришло и скорее в Коктебель».

Мария Степановна тоже отвечала взаимностью: «Мою дорогую близкую сердцу Мариэтту, сверстницу и спутницу наших горьких и таких великолепных лет жизни приветствую в такой большой день ее жизни и благодарю за все, что нам дорого и близко. С сестринской любовью Маруся и Коктебель» (из поздравления ко дню рождения Мариэтты Шагинян, 1968 г.).

Когда у Марии Степановны Волошиной не складывались отношения с руководством литфонда, то она обратилась за помощью к Мариэтте Сергеевне Шагинян. При этом вдова поэта обратилась к М.С. Шагинян без конфликта решить эту проблему (письмо из семейного архива семьи Шагинян). Столь деликатную миссию М.С. Волошина могла доверить только своей лучшей подруге М.С. Шагинян.

Значительную часть своих работ художница Мирэль Шагинян посвятила пейзажам Коктебеля. «Нет в мире места, краше Коктебеля», – любила повторять Мирэль Яковлевна [6]. Коктебель и творчество Волошина-художника вдохновляли ее еще с детства. В одном из своих писем к Марии Степановне Волошиной юная Мирэль писала: «Акварель Максимилиана Александровича висит у меня над изголовьем и вдохновляет. Ее очень хорошо окантовали» (1935 г.) [8].

В 1948 году Мариэтта Сергеевна переехала в Коктебель, где по совету М.С. Волошиной купила в подарок дочери всего за 500 рублей болгарский домик. По словам Мирэли, это была мизерная цена, так как в те годы столько стоили модельные туфли [7]. Купчая на дом бережно хранится в коктебельской усадьбе Шагинян, в ней от имени продавца подписалась Мария Степановна Волошина, которая потом вырученные деньги от продажи переслала своим друзьям – депортированным из Коктебеля болгарам. Даже такая ничтожная сумма значительно помогла людям, лишенным крова во время депортации. Это был очень смелый поступок двух женщин, так как в тот период советского

времени помощь «врагам народа» расценивалась, как преступление.

Высоко ценила М.С. Шагинян творчество М.А. Волошина, как художника. В январе 1961 года в одном из заводских залов Москвы проходила выставка работ Максимилиана Александровича, посвященная Коктебелю, «где с большим вкусом, в строгих простых рамках развешано было 144 акварели». В статье «Волшебная бухта» (Литературная газета, № 645 от 05.01.1961 г.), Мариэтта Сергеевна рецензировала эту выставку так: «Написать небо..., горы..., наклон одного дерева, лежащую на песок волну, тень от облака на земле..., не нарушая красоты точностью, а, наоборот, усиливая ее, как ювелир, граня сырой алмаз, усиливает природную, присущую камню, заключенную в нем самую красоту, – это большое и редкое искусство. Именно так писал... Максимилиан Волошин волшебную бухту Коктебеля, уча людей видеть, чувствовать и понимать ее редчайшее земное очарование. Дорого ли нам такое искусство? Конечно» [8].

По воспоминаниям дочери и внуков Мариэтты Шагинян, их дружная семья предпочитала отмечать дни рождения в узком семейном кругу. Например, 75-летний юбилей Мариэтты Сергеевны отмечали в Москве на Арбате в мастерской Виктора Ефимовича Цигаль (ее зятя).

«Мы всегда отмечали ее день рождения (Мариэтты Шагинян) 21 марта, то есть по старому стилю», – вспоминает внучка Мариэтты Сергеевны Елена Викторовна.

Коктебельская усадьба Шагинян-Цигаль стала любимейшим местом для всей семьи. Они часто жили в Коктебеле с апреля по октябрь. Сын Мирэли и Виктора – Сергей Цигаль пошел в первый класс коктебельской школы, где проучился несколько месяцев, т.к. родители-художники были настолько увлечены работой, что не спешили возвращаться в Москву.

«Во второй четверти учебного года мы приехали в Москву, после первого посещения столичной школы Сережа недоумевал, почему там на перемене ему не дали винограда, как это было в Коктебеле, – вспоминала с улыбкой мать. – Тогда совхоз «Коктебель» шефствовал над школой и привозил детям фрукты в неограниченном количестве, поэтому он решил, что это обязаны

делать во всех других школах. Нам пришлось усердно объяснять ему эту разницу в «образовательном процессе» [7].

Коктебельский дом Шагинян-Цигаль всегда радушно принимает всех членов семьи и их многочисленных гостей. Дети, внуки и правнуки Мирэли Яковлевны и Виктора Ефимовича обожают Коктебель. Его пейзажи нашли отражение в картинах их сына Сергея Цигаль, жена которого актриса Любовь Полищук всегда стремилась после съемок отдохнуть в Коктебеле. Теперь здесь часто бывает их дочь – актриса Мариэтта Цигаль-Полищук с сыном Григорием. Дочь Мирэли Яковлевны и Виктора Ефимовича – Елена Викторовна Шагинян является хранительницей столь уникальной истории своей семьи и бережет семейные реликвии для потомков.

Жизнь и творчество потомков Шагинян-Цигаль неотделимо от Коктебеля. Они с раннего детства влюблены в этот чудный уголок Крыма и знают практически всех старожилов поселка. Осенью 2006 года на ограде из коктебельской усадьбы появились мемориальные таблички, которыми увековечили память о Мариэтте Шагинян и муже Мирэль – Викторе Цигале.

Мирэли Яковлевны не стало 24 февраля 2012 года. Она умерла в окружении близких в своем коктебельском доме, который в ту зиму отказалась покинуть и по своему завещанию похоронена в Коктебеле.

Коктебельский дом Шагинян-Цигаль славится традиционным шагиняновским гостеприимством, а среди его многочисленных гостей множество творческих личностей. Семья по-прежнему занимает активную позицию по поводу сохранения исторического наследия и волошинского духа в этом уникальном, неповторимом и единственном в своем роде месте на планете.

Литература

1. *Купченко В.П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877-1916. СПб., 2002.
2. Статьи М.С. Шагинян // Газета Приазовский край, б/д, 1911; № 290, 1912; № 22, 1919.
3. *Шагинян М.С.* Искусство сцены. Аралезы. Ростов на Дону, 1919.
4. *Шагинян М.С.* Советская Армения. М.-Пг, 1923.
5. *Шагинян М.С.* Гидроцентрль. Роман. М.-Л., 1931.

6. *Кленис С.В.* Нет места краше, чем Коктебель // газета «Кафа». Феодосия, 2006.

7. *Шагинян М.Я.* Коктебель – Африка. Картины, встречи, воспоминания. Типография Новости, М., 2004.

8. *Шагинян М.С.* Волшебная бухта // Литературная газета. № 645 от 05.01.1961 г.

Котюк И.В.

**ОТКРЫТКА С ОСТРОВА КАПРИ:
КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ –
МАРИЭТТЕ ШАГИНЯН
(Из фондовой коллекции Дома-музея
К.Г. Паустовского в Старом Крыму)**

То, о чем пойдет речь в этом сообщении, играет важную роль для сотрудников Дома-музея Константина Георгиевича Паустовского в Старом Крыму, для фондовой коллекции музея и, по большому счету, для литературного мира постсоветского периода.

Однако, хотелось бы начать с темы *доброты*, с наличия *доброты в людях* – одного из ключевых критериев определения личности. В этом сообщении красной нитью будет проходить тема *доброты и настоящей дружбы* между двумя неординарными талантливыми людьми.

В старокрымском Доме-музее К.Г. Паустовского хранятся три предмета, которые входят в основной фонд и экспонируются в основной экспозиции. Речь идет о таких экспонатах, как почтовая открытка с острова Капри и две фотографии, подаренные музеем внучкой Мариэтты Сергеевны Шагинян – Еленой Викторовной Шагинян.

Почтовая открытка была отправлена Мариэтте Сергеевне Шагинян в октябре 1965 года Константином Георгиевичем Паустовским с острова Капри, где он проходил лечение. К.Г. Паустовский страдал астмой, на фоне которой у него произошло несколько инфарктов. Средиземноморский климат должен был помочь ему. Отдыхать туда поехал К.Г. Паустовский на деньги, вырученные от издания в Америке своего собрания сочинений

(1961 г.). Лицевая сторона открытки по-южному яркая, пестрая, красочная, с преобладанием сине-зеленых красок. Но музейщикам особо ценна оборотная сторона открытки с почтовыми марками, печатями с датами отправления и получения и почерком К.Г. Паустовского.

Проживал писатель в отеле «Белый кот» (Гатто бьянко), о чем написано на открытке К.Г. Паустовским на итальянском языке (и даже подчеркнуто им). Об отеле «Белый кот» он написал также в письме своему другу Юрию Смоличу, находясь уже в Ялте в апреле 1966 года. В этом же письме он рассказал о том, что после Капри он поехал в Рим, где тяжело заболел. Врачи рекомендовали писателю санаторий Нижняя Ореанда в Крыму, где ему стало намного легче. Кроме того, еще и потому, как он сам написал: «...должно быть от некоторого количества хороших людей» [1, с. 460]. Среди «хороших людей» была «здесь беспокойная Мариэтта Шагинян...» [*Там же*]. В апреле 1966 года К.Г. Паустовский в письме В. Каверину вновь упоминал, что в Ялте – «Арбузов и Шагинян» [1, с. 458]. Отсюда видно, что только очень дружеское и трепетное отношение заставляло писателя постоянно упоминать о Мариэтте Сергеевне Шагинян. Обращает на себя внимание тот факт, что имя адресата на открытке написано нарочито неверно, но с итальянским звучанием «Маретте». Скорее всего, на К.Г. Паустовского повлияло длительное пребывание в Италии.

Интересен и сам текст открытки, который в полной мере отображает внутренний мир К.Г. Паустовского, в момент его написания настроенного на романтический лад: «Дорогая Мариэтта Сергеевна! Привет Вам самый горячий, средиземноморский привет – со сказочного гриновского острова – Капри. Все тонет в синеве и смолистом запахе пиний. Такие острова мог бы придумать только Грин. Как Вы? Мое сердце здесь совсем замолчало. Привет всем кто меня помнит. Целую Вас. – Ваш всем сердцем К. Паустовский» (*орфография и пунктуация К.Г. Паустовского сохранены. – И.К.*).

Для заповедника «Киммерия М.А. Волошина» важно и дорого, что один замечательный писатель вспоминает другого (не менее замечательного писателя) вдали от родины, в то время как музеи одного и другого находятся в составе заповедника, в од-

ном городе и на одной улице – Дом-музей А.С. Грина и Дом-музей К.Г. Паустовского.

Теперь обратим внимание на две фотографии. Первая – совместное фото Мариэтты Сергеевны Шагинян и Константина Георгиевича Паустовского, сделанное в апреле 1966 года в Ялте. Оба писателя явно довольны обществом друг друга. Добрые улыбающиеся лица обоих освещены крымским весенним солнцем. Видно, что их многое связывает, у них много общего, они многое пережили, повидали. Удивляет выражение светлого лица К.Г. Паустовского – он широко улыбается, что на фотографиях писателя встречается крайне редко. На второй фотографии Константин Георгиевич Паустовский – серьёзный, что для него более характерно, а для читателей более привычно. Эта фотография явно была размножена какой-либо типографией специально для него на случаи дарения. Надпись, сделанная его рукой, представляет ценность для работников музея и исследователей творчества писателя: «Родной и всегда молодой Мариетте Сергеевне с нежной любовью. К. Паустовский. 6/IV 66 г. Н. Оранда» (*орфография и пунктуация К.Г. Паустовского сохранены. – И.К.*).

Обращает на себя внимание и дата – 6 апреля 1966 года. Спустя 50 лет, день в день, после того, как К.Г. Паустовский подарил это фото М.С. Шагинян, на крымской земле, в Коктебеле состоялись Третьи «Шагиняновские чтения», что само по себе очень символично. Организаторам чтений не была известна дата, проставленная на фото, когда определяли дату заседания в Коктебеле, также как и для сотрудников Дома-музея К.Г. Паустовского она оказалась приятной неожиданностью.

Мариэтта Сергеевна Шагинян испытывала такие же теплые чувства к Константину Георгиевичу Паустовскому, как и он к ней. В 1967 году К.Г. Паустовский уже тяжело болел и практически не вставал с постели. Приближалось его 75-летие и друзья-писатели решили сделать ему подарок, отметить его юбилей в ЦДЛ и выступить с поздравительными адресами. Сохранились стенограммы выступлений Вениамина Каверина, Виктора Шкловского, Арсения Тарковского, Юрия Бондарева, Бориса Балтера, Маргариты Алигер.

Мариэтта Сергеевна Шагинян выступила по радио заранее – 30 мая. Вот выдержки из ее выступления: «Дорогой друг, Константин Георгиевич! В этот знаменательный для Вас день каждый из любящих Вас читателей хочет Вам сказать о Вашем творчестве, сказать самое главное о нем или, по крайней мере, то, что ему кажется самым главным. Мне кажется, книга живет для людей, если в книгу вложена жизнь. И вот, раскрывая Ваши книги, я всегда чувствую, будто не страницы раскрывала, а запахнула окно и между мною и внешним миром сразу сняли стеклянную перегородку. Я вышла на воздух, начала дышать чистым, свежим кислородом, начала видеть, слышать живых людей непосредственно. Но я знаю, что такая непосредственность, вхожесть в мир через книгу – вещь редчайшая в литературе, она дается огромным искусством писателя, искусством так уметь передать свое личное восприятие жизни другого человека, чтобы этот другой человек получил со страниц книги не уже готовое, обобщенное описание собственных, авторских чувств и переживаний, а только сумму тех тонких, почти неуловимых, но скрупулезно точно схваченных примет – звука, формы, цвета, примет, какие легли в основу впечатления, полученного автором, тем самым вызвали непосредственное восприятие у читателя. Вот такое искусство требует от творца огромного самоограничения, огромной личной сдержанности. И я не знаю в нашей литературе другого художника, кто был бы богаче и щедрее для других и скупее для самого себя, нежели Вы, дорогой Константин Георгиевич. Может быть, поэтому Вас так ценят люди искусства не только у нас, но и далеко за рубежами нашей страны... Большой художник, давший народу пережить так много прекрасного и глубокого, исторгший у нас, читателей, чистые освежающие слезы, какую еще благодарность можете Вы хотеть, больше вот этой самой великой – любви своего народа?» [2].

Эмилий Миндлин вспоминал, что «...Паустовского очень любили и ценили его великие современники. Вот лишь один из примеров. Шагинян приводит слова Шостаковича в одном из писем к ней: «Ни у кого из современников нет такого духовного, тонкого и проникновенного слияния с природой, с родиной, как у Паустовского». Шостакович признавался, что многие его про-

изведения были навеяны чтением Паустовского. Когда Константин Георгиевич Паустовский умер, Миндлин с Шагинян поехали в Тарусу на его похороны, которые состоялись на крутом берегу над рекой Таруской на Авлуковском холме под большим дубом. Миндлин об этом писал в очерке «Прощание с другом», вспоминая как молча ехали обратно: «Ливень грянул внезапно, словно небо прорвало. Широкие водяные струи заливали смотровое стекло. Машина пошла, передвигаясь почти на ощупь, потом мы остановились. В неосвященной машине царило молчание. Шофер равнодушно сидел, заломив руки за голову. Шагинян почти беззвучно вздыхала, вздрагивала при каждом разряде молнии... Въехали в Москву уже в середине ночи. На прощание Шагинян только и сказала, продолжая свои мысли: «А все-таки жить было легче, когда жил Паустовский!» [3, с. 167-168].

С этими словами перекликаются слова другой женщины, дружившей со многими, в том числе с К.Г. Паустовским и с М.С. Шагинян: «Я осиротела острее с уходом Константина Георгиевича, еще ушел духовный и душевный светоч. Мы были большие друзья. Я знала его, знала физические его страдания. Все знала, но как всегда, было желание, радость быть только от сознания, что он тоже есть тут с нами. Поддерживает, знает и все понимает. И я как будто бы все понимаю, что все помутнело. Но грустно, но... спотыкаешься. И то, что – «ни позвать, ни крикнуть, ни помочь» – все это сжимает сердце». Эти слова принадлежат Марии Степановне Волошиной...

Как сказал сам К.Г. Паустовский, «любимые всегда кажутся нам бессмертными...» [4]. Не случайно в этом сообщении приведены слова и Марии Степановны Волошиной. Всех этих людей – Мариэтту Сергеевну Шагинян, Константина Георгиевича Паустовского и Марию Степановну Волошину – в единый крепкий узел связала земля Киммерии.

У писателя и журналиста Петра Довжука из Курской области, почитателя творчества Грина и Паустовского, влюбленного в восточный Крым, есть замечательные слова, которые как нельзя точнее подходят к нашему случаю и нашим героям: «Пути людей, исповедующих одну и ту же религию – мир Красоты,

Необычного – рано или поздно пересекаются. И местом их пересечения стали Киммерия и Старая почтовая дорога» [5, с. 67].

Литература

1. *Паустовский К.Г.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. Письма, 1915-1968 / Сост., подготовка текста и примеч. Л. Левицкого. М., 1986.
2. *Шагинян М.С.* Из выступления по радио 30 мая 1967 г. <http://paustovskiy.niv.ru/paustovskiy/vospominaniya/shaginyan-iz-vystupleniya-po-radio-30-maya.htm>
3. Мир Паустовского: культурно-просветительский и литературно-художественный журнал / Московский литературный музей-центр К.Г. Паустовского. М.: ООО «Вариант», 1998. № 11-12.
4. *Корнилова Г.* «Любимые всегда кажутся нам бессмертными» (К. Паустовский). Источник: <http://chtoby-pomnili.com/page.php?id=579>.
5. Мир Паустовского: культурно-просветительский и литературно-художественный журнал / Московский литературный музей-центр К.Г. Паустовского. М.: ООО «Вариант», 2002. № 19.

Матвеев Г.А.

М.С. ШАГИНЯН ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛИ И ЗНАЧЕНИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКОЙ И АРМЯНСКОЙ КУЛЬТУР

Взяться за осмысление этой темы меня подвигло чтение замечательной книги М.С. Шагинян «Путешествие по Советской Армении». Она была издана в 1951 г. и адресована читателю, живущему за пределами Армении. Автор поставила перед собой задачу: заинтересовать, «заразить» читателя интересом к этой стране, ее природе, многотысячелетней истории, культуре, традициям и обычаям народа. При этом она продемонстрировала в этой книге не только свой талант художника слова, блестящего публициста, но и фундировала свои размышления об Армении, ее народе, его истории, культуре последними достижениями научной мысли того времени, проштудировала свыше пятидесяти монографий, десятки научных статей, посвященных этой проблематике, так что эта книга фактически является энцикло-

педическим справочником об Армении, не потерявшим и в этом качестве своего значения до наших дней.

Анализируя различные аспекты проблемы исторического развития армянской культуры в трактовке М.С. Шагинян, приходишь к выводу, что писатель исходила из оригинальной концепции истории становления и развития культуры армянского народа, исторической роли русской культуры в ее развитии в новое и новейшее время, ряд положений которой не потеряли своей актуальности.

Это не случайно. М.С. Шагинян – явление уникальное в советской культуре. Она была не только замечательным художником слова, но и мыслителем. В ее творчестве органично сочетались художественный и научный способы постижения действительности. В ее обширное литературное наследие входят не только талантливые художественные произведения, но и многочисленные литературно-критические работы, переходящие в исследования, литературные портреты, монографии о творчестве Т. Шевченко, И. Гете, И. Мысливечка, Низами, культурологические работы, написанные еще до того, как в нашей стране формировалась культурология как самостоятельное направление научной мысли.

В литературоведческих и литературно-критических работах, посвященных анализу творчества М.С. Шагинян, их авторы в той или иной мере обращались к ее культурологическим воззрениям [1], но отсутствуют специальные работы, посвященные избранной в этой статье проблематике.

М.С. Шагинян выделяла особую роль культуры в истории народа. «Изучая эпоху и дело Маштоца, – отмечала она, – видишь с необыкновенной ясностью, какой решающей силой в истории человечества является духовное орудие культуры. Никакое физическое орудие истребления, от древнейшего меча до бомбы, не могло бы отстоять и сохранить с такой силой и непобедимостью самобытное развитие армянского народа, как это сделало изобретение Месропом Маштоцем собственных армянских письмен» [2, 7, с. 435].

Культура армянского народа, полагала М.С. Шагинян, становится национальной в первые века нашей эры, важнейшими факторами ее формирования была национальная государствен-

ность, сформировавшаяся в период с V в. до н.э. до IV в. н.э., а так же обретение армянским народом национальной письменности, создание литературного языка. Писатель обратила внимание на такую закономерность: утрата национальной государственности в период с V в. до н.э. до IX в. н.э., а затем – с XIV до начала XX в. негативно сказалась на развитии национальной культуры. «Подобно перерыву в государственном бытии народа, – отмечала она, – потери им своей самостоятельности, прерывается и запись его культурного творчества, последовательное развитие этого творчества» [2, 3, с. 570]. В периоды утраты национальной государственности сохранить этническую и культурную самобытность помогали армяно-григорианская церковь, национальная письменность и литература [2,3, с. 65].

Представляется важным выделить теоретическое суждение М.С. Шагинян, которое кажется парадоксальным: при всем обилии памятников армянского искусства, накопленных за полутора тысячелетнюю историю до Октябрьской революции, обретения армянским народом вновь своей национальной государственности «не было искусства Армении» [2, 3, с. 551]. Это обстоятельство М.С. Шагинян объясняла тем, что «при всем обилии экспонатов их нельзя было видеть вместе» [*Там же*]. Все это художественное наследие армянского народа было рассеяно по всему миру, в самой Армении до Октября не было национального художественного музея. Знаменитое Эчмиадзинское собрание древних рукописей и других предметов национальной культуры не могло играть эту роль, поскольку собранные в нем артефакты производили впечатление «случайных и несвязанных какой-либо прочной органической связью предметов» [*Там же*].

М.С. Шагинян обратила внимание на то, что именно после Октябрьской революции и создания советской республики Армении, т.е. обретения вновь армянским народом национальной государственности после почти пяти веков ее утраты, в Ереване был организован «первый настоящий Государственный музей Армении, который позднее разделился на три: Исторический, Изобразительных искусств, Литературный» [2, 3, с. 552]. М.С. Шагинян писала о том, что в картинной галерее Армянской советской республики были открыты сначала три раздела – армянского, русского и западноевропейского искусства, потом приба-

вился четвертый – иранского искусства. И Мариэтта Сергеевна сделала неожиданное заключение: «Армянское искусство в музее зажило среди искусств других народов полнокровной исторической жизнью, показало глубокие свои народные корни, живую культурную связь с великим русским искусством, с искусствами братских республик, особенно закавказских, то-есть, в сущности, и сделалось вполне национальным [Там же].

Это очень интересное теоретическое прозрение М.С. Шагинян получило обоснование уже в начале XXI в. (напомню, оно было зафиксировано в книге, изданной в 1951 г.). До сих пор идут споры относительно сущности понятия «национальная культура», его границ. Современные культурологи, раскрывая смысл этого понятия, пишут о том, что оно выражает душу народа, его менталитет, общность исторических судеб, особенности его психического склада, характера, присущего ему взгляда на мир. Такое определение понятия «национальная культура» распространено и имеет немало сторонников. Вместе с тем, ряд современных культурологов обращает внимание на то, что такое определение «слишком абстрактно и метафизично, отсылает к реалиям, которые не поддаются верификации (опытной проверке) и теоретическому анализу» [4, с. 312].

В.М. Межуев, известный российский философ и культуролог, полагает правильнее считать национальную культуру явлением «все же не субстанциальным, заключающим в себе некий метафизический и психический субстрат, а *функциональным*, существующим лишь в системе определенных соотношений. Это означает, что каждая из них существует только в отношении к другим национальным культурам... Они осознают себя, следовательно, не в единственном, а только во множественном числе» [4, с. 314]. Таким образом, теоретическое положение М.С. Шагинян о том, что любая культура становится национальной, обретает смысл только в соотношении с другими национальными культурами, получила теоретическое обоснование и развитие.

В культурологических, литературоведческих и литературно-критических работах М.С. Шагинян центральное место занимает обоснование определяющей роли русской культуры в развитии культуры армянского народа, других народов России, СССР, начиная с XIX в., особенно в XX в. При этом писатель

исходила из того, что для успешного взаимодействия национальных культур у них должны быть не только самобытные особенности, но и общие основания. Такими основаниями у русской и армянской культур являются общие христианские ценности, многовековой потенциал исторического развития этих национальных культур, их диалогический характер в отличие от монологичности традиционных этнических культур. Очень способствовало взаимодействию этих культур известная «всемирная отзывчивость» русской культуры. Этими обстоятельствами М.С. Шагинян объясняла присущее армянскому народу «постоянное историческое тяготение к великому русскому народу» [2, 3, с. 415].

После русско-персидской войны 1826-1828 гг. Восточная Армения вошла в состав России. Для Армении, которая в течение почти пяти веков была оторвана от европейской культуры, ее народ находился в условиях перманентных мучений под игом персидских и османских завоевателей, ее вхождение в состав России обеспечило не только физическое сохранение народа, но и восстановление его взаимодействия с европейской по цивилизационным ориентирам, родственной по своим конфессиональным ценностям русской культурой. Началось преодоление «разрывов», используя определение М.С. Шагинян, в динамике развития армянской культуры, ее приобщение к ведущим тенденциям поступательного развития мировой культуры.

М.С. Шагинян обратила особое внимание на возникшую после присоединения Восточной Армении к России возможность для армян опереться на русский язык. «Приобщившись к нему, – писала она, – армяне после отсталой азиатской Персии оказались вдруг в очень высокой общественной среде. Их молодежь, студенчество, интеллигенция встретились с русской молодежью, студенчеством и интеллигенцией... Большие мировые горизонты раскрыла перед армянами русская книга, великая русская литература» [2, 3, с. 419-424]. Обосновывая этот тезис, М.С. Шагинян писала о том, что именно влияние русской культуры, русской литературы, обучение армянской молодежи в российских университетах обеспечили появление армянской культурной элиты, которая стала возрождать и развивать армянскую национальную культуру.

В XIX в. в Армении в изданиях на русском языке и в переводах широко были известны и высоко ценились произведения А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.Н. Островского, Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина и др. «Можно с уверенностью сказать, – отмечала М.С. Шагинян, – что если б не воздействие русской культуры, если б не русское художественное слово и великая его сила, вряд ли принял бы на свои плечи молодой Абовян единоличный подвиг создания родной литературы, да и вряд ли смог бы его осуществить» [2, 3, с. 420].

М.С. Шагинян писала о другом замечательном сыне армянского народа, – Микаэле Налбандяне, который родился в г. Нахичевани-на-Дону, стал одним из видных российских революционных демократов. «Налбандян завещал армянам, – подчеркивала она, – помнить об основных потребностях народа, служить им, быть в неотрывной связи с передовым фронтом великой русской культуры» [2, 3, с. 424].

Вот что говорила М.С. Шагинян о великом армянском художнике Мартиросе Сергеевиче Сарьяне: «Он вырос как художник под влиянием русской культуры, получил художественное образование в России» [2, 3, с. 528], с чувством глубокого уважения и благодарности вспоминал имена своих учителей, выдающихся русских художников В.А. Серова и К.К. Коровина. Мысли М.С. Шагинян об огромной роли русской культуры в развитии армянской культуры в новое, особенно новейшее время подтверждает свидетельство великого армянского поэта О. Туманяна: «...русские поэты, главным образом – Пушкин и Лермонтов, всегда казались мне более родными и близкими, чем наши армянские поэты (речь идет о поэтах XVIII – начала XIX в. – Г.М.). Причиной этого было не только превосходство их талантов, но и следующий весьма существенный факт: наши армянские поэты жили и творили вдали от нашей родины, и в их песнях не отразились ни наша природа, ни народная жизнь...» [5, с. 30].

Основное внимание в своих работах М.С. Шагинян сосредоточивала на влиянии русской культуры на культуру армянского народа, других народов России, СССР. Вместе с тем, она высоко ценила и значительную роль в развитии русской культуры,

культур народов СССР представителей армянской культуры, искусства, литературы. В своих литературоведческих монографиях, многочисленных статьях она отмечала весомый вклад выдающихся армян – Мартироса Сарьяна, Арама Хачатуряна, Ивана Айвазовского, Павла Лисициана, Евгения Вахтангова, Арно Бабаджаняна и др. в русскую культуру. Таким образом, она подчеркивала, что влияние русской культуры на армянскую не одностороннее, а реальное взаимодействие и взаимообогащение двух культур.

При этом влияние армянской культуры, ее замечательных представителей, проявлялось не только на общесоюзном, федеральном уровнях, но и на региональном, в частности, в культуре Донского края. Такие наследники многовековой армянской культуры как М. Сарьян, М. Налбандян, Р. Патканян, М.С. Шагинян и другие, много лет живших на Дону, активно взаимодействовали с культурой этого края. Это взаимодействие оказалось исключительно плодотворным для культурного пространства этого региона. При этом М.С. Шагинян неоднократно подчеркивала, что выдающиеся деятели культуры, искусства, литературы не только вносят весомую лепту своим творчеством, но и самим своим существованием повышают уровень окружающей культурной среды, взыскательность культурных и эстетических критериев.

Литература

1. *Маргарян А.А.* Мариэтта Шагинян. Ереван, 1956; *Скорино Л.И.* Семь портретов. М., 1956; *Арзуманян А.* Из истории культурных связей русского и армянского народов // Дружба. Об армяно-русских культурных связях. Изд. 2-е, доп. М., 1957; Творчество Мариэтты Шагинян. М., 1980; Культура в жизни и творчестве М.С. Шагинян. Ростов-на-Дону, 2014; Литературное наследие Мариэтты Шагинян и современность. Ростов-на-Дону, 2015.

2. *Шагинян М.С.* Собр. соч.: в 9 т. М., 1974-1975.

3. *Шагинян М.С.* Человек и Время. История человеческого становления. М., 1982.

4. *Межуев В.М.* Идея культуры. Очерки философии культуры. М., 2006.

5. Цит. по: Дружба. Об армяно-русских культурных связях. Изд. 2-е, доп. М., 1957.

Осипова Т.О.

М.С. ШАГИНЯН О ПОЭТАХ АРМЕНИИ

Мыслящие люди и в старости сохраняют молодость души.

Мысли обладают долголетием.

Аветик Исаакян

Еще в 1932 году известный советский писатель Корней Чуковский, повествуя о своей встрече с Мариэттой Шагинян, писал: «...все, что говорила Шагинян... было окрашено для меня глубокой человечностью, душевной ясностью... Во всем, что она говорит, есть какая-то подлинность, ни капли кокетства или фальши» [1, с. 41]. К.И. Чуковскому удалось подметить, пожалуй, одно из основных качеств многогранного таланта писательницы, в основе которого лежали не только поистине энциклопедические знания, но и то заинтересованное, лишенное какой-либо фальши отношение к жизни, которое мы называем *гражданской активностью художника*.

Творчество М.С. Шагинян удивительно многожанрово: романист и очеркист, драматург и поэт, историк и литературовед – все это, по словам Вардгеса Петросяна, проявление «феномена, именуемого Мариэттой Шагинян». Однако есть в ее писательском наследии то внутреннее единство, которое придает ее творчеству последовательность и целенаправленность. Все, о чем бы она ни писала, привлекает своей гуманистической направленностью, постоянным утверждением высокой роли человека на земле.

Весьма ярко эти качества проявились в работах о выдающихся деятелях мировой культуры. Существенное место здесь занимают статьи, посвященные великим поэтам и писателям Армении. В связи с этим интересно выступление М.С. Шагинян на Первом съезде советских писателей в 1934 году, в котором она наметила два взаимосвязанных вопроса, неизбежно возникающих при обращении исследователя к произведениям инацио-

нальной литературы. С одной стороны, это вопрос о национальной специфике изучаемого произведения, как писала М.С. Шагинян, его «многокрасочном национальном отличии», определяемом рядом факторов, прежде всего, ментальностью народа. С другой стороны, нельзя игнорировать проблему изучения национальных литератур в их взаимосвязях и взаимодействии. И этому вопросу Мариэтта Шагинян уделяла особое внимание, отмечая, что «проблемы, которые волнуют нас, русских писателей, совершенно так же волнуют и писателей Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана...» [2, с. 306].

Интересно, что подобный подход М.С. Шагинян считала наиболее целесообразным не только при обращении к произведениям советской многонациональной литературы, но в исследовании творчества поэтов и писателей прошлых эпох.

Творческая судьба Аветика Исаакяна, Ованеса Туманяна, Егише Чаренца и других великих армянских поэтов рассматривается ею на широком национально-историческом и культурном фоне. Например, в статье о Хачатуре Абовяне (1809-1848), прозаике и поэте, авторе романа «Раны Армении», книге, по словам М.С. Шагинян, «совершенно особенной», она обращалась к истории Армении первой половины XIX века: тяжелое положение армян под игом персидской деспотии, поход русского генерала Паскевича, взявшего в 1827 году Ереванскую крепость.

В статье о А. Исаакяне, анализируя одно из вершинных его произведений – философскую поэму об арабском поэте Абул Ала Маари, она указывала на образы, взятые из армянской мифологии, фольклора. Именно так рассматривала М.С. Шагинян образ Солнца в поэме и в армянской фольклоре: «Для армян... солнце – Арэв – это синоним жизни, справедливости, истины, свободы, высшего начала. Абул Ала, обращаясь к нему много раз, называет «ты – выше Бога, ты – сильнее Бога» [3, с. 158].

В этих статьях М.С. Шагинян выступала как скрупулезный биограф. Однако в отличие от своих крупных художественных биографий о Гете и Шевченко, где жизнь героев была представлена хронологически последовательно, здесь она выделяла наиболее знаковые моменты биографии великих армянских поэтов, сыгравшим важную роль в их творческом развитии. В статье о Х. Абовяне – это учеба в тифлисской духовной семинарии,

где его учителем был поэт Аламдарян, а затем в Дерпте (современный Тарту). В истории судьбы А. Исаакяна – это детское чтение запрещенной царской цензурой книги «Раны Армении» того же Абовяна, учеба в Эчмиадзинской духовной семинарии, годы, проведенные в Париже. В статье «Микаэл Налбандян» – это поездка великого земляка в должности секретаря начальника епархии по югу России и знакомство с положением армян в Бессарабии, Одессе, Крыму, что дало ему возможность «узнать все своеобразие тогдашней армянской общественной жизни» [2, с. 448]. Список этот может быть продолжен.

И все же главное место в данных работах занимает скрупулезный анализ произведений великих армянских поэтов. Статьи М.С. Шагинян свидетельствуют о высоком литературоведческом потенциале их автора. Подтверждением этого становится сопоставительный анализ подстрочника седьмой песни (суры) поэмы А. Исаакяна «Абул Ала Маари» и блестящего, хотя, по мнению М.С. Шагинян, не бесспорного перевода В.Я. Брюсова. Издержки перевода автор статьи объясняет тем, что В.Я. Брюсов «склонен был приписать утонченную музыкальность формы этой поэмы» только лишь влияниям французского декадентства. При этом, как справедливо отмечала М.С. Шагинян, увлекшись «отречением от жизни», глава московской школы символистов не заметил другого, более важного: «...призыв «бури», урагана. Чтобы смыть с человечества «грязь и гниль» [3, с. 161] – словом, всего того, что нашла писательница в словаре не только поэмы, но и всего поэтического творчества А. Исаакяна. И весьма убедительно звучат в связи с этим строки из его стихотворения, написанного через тридцать с лишним лет после поэмы, в 1942 году, обращенные к солдатам, воюющим на фронтах Великой Отечественной войны и наполненные похожей лексикой:

Буря, промчись, гроза, разразись,
Смой с человечества гниль и грязь!
Крылья расправив, взвейся высь,
К солнцу, наша бессмертная мысль.
Буря сверкай, гроза, разразись! [3, с. 160].

Обращаясь к стихам О. Туманяна, М.С. Шагинян поставила проблему, имеющую принципиальное значение для поэтического творчества: соотношение *эпического* и *лирического* начал. В его эпической поэме «Маро» она увидела удивительное качество ее автора «вникать в жизнь теургически, ...вбирая в себя чувства многих людей» [2, с. 499].

Модель литературно-критической статьи, казалось бы, не предполагает каких-либо портретных характеристик, детального описания внешности героев. Но порой художник в работах М.С. Шагинян начинает преобладать над исследователем. Примером может служить блестяще выполненный портрет О. Туманяна, безусловно, несущий в себе психологическую характеристику: «Это лицо поразило меня удивительной двойственностью выраженья: глазами, смотревшими грустно, сердечно и очень умно, с каким-то хозяйским гостеприимством; и губами, очень тонкими, втянутыми чуть вглубь, – губами человека, которому приходится туго, и он часто вынужден быть осторожным и таить горечь не произнесенных, с трудом удерживаемых про себя реплик» [2, с. 497].

Как уже было отмечено, М.С. Шагинян всегда ратовала за изучение инонациональных литератур и в их взаимосвязях и взаимодействии. Отстаивая это, она приводила в качестве примера знаменитые строчки А. Исаакяна, в которых великий поэт завещал своему внуку Авику:

Горячей доброю душой
Люби весь этот мир большой [3, с. 156].

Исследуя творчество Х. Абовяна, его стихи и роман «Раны Армении», книгу, которая, по словам М.С. Шагинян, входит в «золотой человеческий фонд немногих произведений, написанных кровью сердца» [2, с. 444], она сравнивала великого армянского творца с автором «Божественной комедии»: «Хачатур Абовян сделал для своего народа то, что Данте для итальянцев... Своим высоким, взволнованным, действующим, как музыка, поэтическим слогом тоже превратил простую разговорную... армянскую речь – в чудесный язык искусства...» [*Там же*].

В блестяще выполненной статье «Лицо поэта», написанной к 100-летию со дня рождения Аветика Исаакяна, она обратилась к важной проблеме перевода его произведений на русский язык, предпринятого такими великими поэтами России как А. Блок, В. Брюсов, А. Ахматова.

Среди современных ей переводчиков армянской поэзии М.С. Шагинян особо выделяла переводы Беллы Ахмадулиной: «Открывая для читателей души других творцов, силясь передать их сокровенные мысли, Б. Ахмадулина-переводчик выходит за пределы личного стихотворного мира, показывает широкий диапазон... своей способности постижения» [3, с. 164].

Здесь же она указывала еще на один момент, связанный с бытованием его поэзии в России: на его стихи. Как известно, музыку писали и С. Рахманинов, и Ц. Кюи, а позже А. Александров, значит, «стихи его поются не только армянским народом» [3, с. 152].

М.С. Шагинян размышляла о весьма важной проблеме *общечеловеческого* в творчестве любого великого поэта. Именно это общечеловеческое позволяет произведению пересечь все границы, – и национальные, и географические. Обращаясь к весьма частой в стихах А. Исаакяна теме матери, оставшейся одинокой на родине, вдали от сына-странника, М.С. Шагинян замечала, что эту тему можно разрешить обычным движением образа – от общего к частному, от чужого – к своему. Однако Исаакян идет противоположным путем: от увиденной во сне гибели собственной матери – к скорби обо всех матерях, от личного – к общему:

Я зарыдал во сне и, пробудясь,
Проплакал до утра, тоской терзаем.
Ах, сколько гибнет матерей вокруг нас,
А мы про то не ведаем, не знаем [3, с. 155].

По вполне понятным причинам проблема, о которой идет речь, находит наиболее полное освещение у М.С. Шагинян в статье, посвященной Микаэлу Налбандяну. Не случайно, один из исследователей его творчества Ашот Хачатурян писал: «Новый Нахичевань, где родился и вырос М. Налбандян, был армянской колонией в русской провинции, в которой к концу со-

роковых годов очень сильно дало себя почувствовать влияние русской демократической культуры и мысли» [2, с. 449].

М.С. Шагинян приводит множество фактов, доказывающих взаимосвязь обширного литературного наследия М. Налбандяна с литературно-просветительскими и революционно-демократическими исканиями А.И. Герцена, В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского: это и написанный им вслед за «Колоколом» трактат «Земледелие как верный путь», в котором М. Налбандян утверждал: «Освобождение России имеет огромное значение для освобождения всего человечества» [2, с. 446], и публикации в армянском прогрессивном журнале «Северное сияние» («Юсисанайл»), обнаруживающие тесную связь их автора с направлением «Современника», и дружба с Н. Огаревым, который писал о Налбандяне: «... золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно до святости...» [4]. А в своей книге «Человек и Время», имеющей подзаголовок «История человеческого становления» и ставшей своеобразным литературным завещанием писательницы, М.С. Шагинян писала: «Быть может, самое интересное в его (М. Налбандяна. – Т.О.) характере – это смесь типично русского интеллигента своего времени с восточно-детской армянско-национальной патетикой... сугубо типичной в среде его земляков» [5].

Интересен в связи с этим предпринятый М.С. Шагинян анализ стихотворения М. Налбандяна «Свобода», созданного, по ее мнению, не без влияния одноименного стихотворения Н. Огарева. Близость этих произведений даже давала основания некоторым исследователям утверждать, что стихотворение М. Налбандяна представляет собой вольный перевод стихотворения Н. Огарева. И все же согласимся с М.С. Шагинян: перед нами оригинальное произведение, написанное, скорее, как отклик на огаревское, вошедшее «в сокровищницу армянской классики как совершенная жемчужина армянской поэзии [2, с. 459].

В далеком 1917 году выдающийся армянский писатель и драматург А.М. Ширванзаде так охарактеризовал особенности литературно-критической деятельности писательницы: «Язык ее богат, стиль образен, стремителен и лаконичен, как язык острой драмы и, что самое главное, он не шаблонен, а удивительно самобытен и своеобразен» [2, с. 647]. Эту самобытность, непри-

тие каких-либо шаблонов в литературе, творческую активность Мариэтты Сергеевны Шагинян сумела пронести через всю жизнь.

Литература

1. Чуковский К.И. Дневник (1930-1969). М., 1995. С. 41.
2. Шагинян М.С. Собр. соч. в 9 т. Т. 7. М., 1974. Здесь и далее вслед за цитатой в скобках указана страница данного издания.
3. Шагинян М.С. Столетие лежит на ладони: Очерки и статьи последних лет. М., 1981. С. 158.
4. Григорьян К.Н. Микаел Налбандян. Л., 1966. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.biografia.ru/arhiv/nalban-dianm.html> (Дата обращения: 2.03.2016).
5. Шагинян М.С. Человек и Время: История человеческого становления. М., 1982.

Савостина А.А.

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ И СМЫСЛЫ ТВОРЧЕСТВА Т.Г. ШЕВЧЕНКО (по материалам исследования М.С. Шагинян)

*Чтобы найти себя в потерях суеты мирской,
Всего-то надо: день-деньской
На той картине, что древностью слоев
Закрыта истинная суть,
Снять слой за слоем, кропотливо,
Без суеты, неторопливо,
Пожухлость старой тусклой краски,
Гримасы, наносные маски,
Очистить лик, чтоб
Первозданный Пролился Свет...*

Удивительным образом М.С. Шагинян вовлекает читателя глубиной своего исследования и проникновения в жизнь и творчество Т.Г. Шевченко, выявляет яркие грани незаурядной личности поэта, талантливого *самородка*, творца образа народа и украинского литературного языка, давшего на века перспективу развития многогранной украинской культуре. В исследовании

М.С. Шагинян перед нами выступает живой образ Т.Г. Шевченко – творца и мыслителя, поэта-Кобзаря, драматурга, прозаика и художника, воспринимавшего слитность музыки и живописи как «прекраснейшие нечаянности разом» и «наслаждение редкое и высокое». Он тонкий наблюдатель, познающий мир искусства и мир природы, законы развития в соотношении со средой, отражает и фиксирует их через художественный образ рисунка и поэзии. При этом он оставался ранимым, остро и глубоко переживающим свою любовь, все события тяжелой жизни народа и личной судьбы, которые как в зеркале отражались одна в другой и сливались в неразрывном единстве. Именно из этого неразрывного единства своей жизни с жизнью народа он впитал и черпал ценностные смыслы *Любви, Красоты, Добра и Знания* (Истины), которые в современной науке именуются как экзистенциальные, т.е. жизненно важные. Эти ценности выступают ядром личности, а для Т.Г. Шевченко являлись смыслом и основанием его непоколебимых позиций в творчестве и жизненных устоях. Он оставался верен себе до конца своих дней, не испытывал, к сожалению, человеческого счастья, которого, без всякого сомнения, был достоин.

Обращаясь к поэтическому наследию Т.Г. Шевченко, в своем исследовании М.С. Шагинян выявила «секреты» «большого эмоционального воздействия на слушателя», которое на протяжении столетия было предметом внимания литературоведов, критиков, биографов и переводчиков. Она отмечала, что «определить действие стихов Шевченко легко, но разобрать, какими профессиональными средствами оно достигается, – очень трудно» [1, с. 248]. М.С. Шагинян выделила *ключевой аспект* пристального внимания современников поэта Н.И. Костомарова, П. Кулиша, (*сыгравших весьма неоднозначную роль в жизни поэта*), Ивана Белоусова (*переводившего стихи на русский язык*), Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, а впоследствии, – ученых и исследователей советского периода М. Рыльского, А. Розенберга, К.И. Чуковского и многих других⁴.

⁴ До 1903 г. библиография изучения наследия Т.Г. Шевченко составила более 250 страниц.

Для М.С. Шагинян самобытность поэтики Т.Г. Шевченко заключается в особенностях его таланта и «народности». Развивая это понятие, в противовес взгляду Кулиша и Костомарова на народность как на «консервацию собственной старины», М.С. Шагинян обратилась к расширению смысловой трактовки понятия «народность». Новое содержание в определение народности внесено А.С. Пушкиным, который считал, что не только тема, обороты и формы языка определяют народность, но и образ мыслей и чувствований, обычаи и поверья. Развивая тезис А.С. Пушкина, Н.А. Добролюбов полагал, что у Т.Г. Шевченко «весь круг его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни», он выразитель его нужд и стремлений. В определении Н.Г. Чернышевского, народность Т.Г. Шевченко обретает глубокий смысл: он знает его прошлое, живет стремлениями в настоящем, выражает их в искусстве, прокладывая ему дорогу в будущее [1, с. 250].

Самой главной путеводной звездой в будущее и одновременно объектом изучения стали особенности поэтического творчества и язык, которым поэт запел, на котором говорил и думал народ и сам поэт с раннего детства. Но сам Кобзарь⁵ – хранитель души народа – всячески совершенствовал язык. В его поэзии и прозе язык становится богатым, гибким, молодым, нежным, отточенным, острым. Поэт нес народу, миру, необыкновенную и неоценимую *ценность* – *Красоту*: гармоничную мелодичность, смысловую глубину, образность речи, обращенной к читателю. М.С. Шагинян весьма тонко, не акцентируя внимания на понятии «ценности», с позиций литературоведа, произвольно позволила открыть *ценностно-смысловую глубину* творчества через *Любовь* поэта к народу, родной природе, земле и *красоту* образного языка, передающего единство трепетного состояния природы и человеческих переживаний. Поэт «разрешает в пределах этой речи драматические и социальные коллизии, разворачивает исторические полотна, философствует, ...мечтает, плачет» [1, с. 254], негодует, выражая необыкновенное сострадание к жизни простых людей, в котором проявляется высочайшая *Любовь* к народу, родной земле. В слове поэт сливается ду-

⁵ Так называли в народе поэта Т.Г. Шевченко.

шой с красотой родной природы. Он ее слышит, видит, чувствует; она живет в его душе, он сам – органичное ее созвучие и единство. Картины природы во всех ее состояниях усиливают восприятие читателем разносторонность и трагичность создаваемых им образов и событий из жизни народа, на фоне ее *красоты* – несчастная доля крепостных становится осязаемой болью поэта:

Летим. Дивлюся, аж світає,
Край неба палає,
Соловейко в темнім гаї
Сонце зустрічає.
Тихесенько вітер віє,
Степи, лани мріють,
Меж ярами над ставами
Верби зеленіють...
І все то те, вся країна
Повита красою...
Душе моя убогая,
Чого марно плачеш,
Чого тобі шкода? хіба ти не бачиш,
Хіба ти не чуєш людського плачу?...
Он глянь, – у тім раї, що ти покидаєш,
Латану свитину з каліки знімають,
З шкурою знімають....

[2 с. 202-203].

Реве та стогне Дніпр широкий,
Сердитий вітер завива,
Додолю верби гне високі,
Горами хвилю підійма...

[Там же , с. 13].

Продолжением тревожной картины природы в поэме становится судьба «дівчиноньки», которая погибает, не дождавшись своего любимого козака. Поэт, рисуя картины ее безутешных переживаний, обращается с молитвой:

Така її доля... О боже мій милий!

За що ти карасш її молоду?
За те, що так щиро вона полюбила
Козацкії очі?...Прости сироту!
Кого ж їй любити? Ні батька, ні неньки;
Одна, як пташина в далекім краю.
Пошли ж ти їй долю, – вона молоденька....

(Там же, с. 14).

Ета молитва и о своей любимой, которую постигла судьба «покрытки» (как и многих молодых крепостных девушек) и о своих сестрах, и о всех «красунях»-крепостных «безталанной» его Украины.

Одним из самых существенных факторов творчества Т.Г. Шевченко является особенность *художественного обобщения*. Опираясь на поэму Т.Г. Шевченко «Сова», М.С. Шагинян обращала внимание на тонкость передачи параллелей: под силой ветра, гнущего осоку и ветви, открываются два горя – материнское (в хате), невестино (в роще):

Породила мати сина,
В зеленій діброві
Дала йому карі очі
І чорнії брови...
До схід сонця воду брала,
В барвінку купала,
До півночі колихала,
До світа співала...

И день и ночь работала, щоб виростить достойного сына. Вырастила. Но беда «підкралась у вдовину хату» – сына «постригли в солдати» и нет о нем, ни весточки, ни надежды на его возвращение...

Понад ставом увечері
Хитається очерет.
Дожидає сина мати
До досвіта вечерять.
Понад ставом увечері
Шепочеться осока.
Дожидає в темнім гаї

Дівчинонька козака.
Понад ставом вітер віє,
Лози нагинає:
Плаче мати одна в хаті,
А дівчина в гаї...
Поплакала чорнобрива
Та й стала співати;
Поплакла стара мати,
Та й стала ридати....

[2 с. 192-196].

М.С. Шагинян називала подлинным искусством и полнокровной жизнью языка такое произведение художника, которое дорастает до обобщающей силы. Она писала: «...не знаешь чему дивиться: очень большой простоте содержания, величайшему ли искусству слова, кружевной ли тонкости его, а главное, тому ли целому, что получилось из сочетанья простоты и тонкости, то есть безмерно углубившемуся образу.... в них Шевченко велик именно тем, что сумел создать *художественное обобщение...без груза метафор или сложных символов*» [1, с. 259-260]. Именно «*обобщающая глубина*» позволяет переживать вместе с поэтом и «входить» в глубину смысла, становиться сопричастным с образом матери, чье горе перерастает в общее горе.

Размышляя над особенностями формы поэтики Т.Г. Шевченко, присущей только ему одному, М. Шагинян пришла к выводу, что форма вырастает «из борьбы за выражение смысла, ...за расширение языка», в «основоположении народной речи как речи культурной», что говорит о глубине *Знания* смыслового значения, заключенного в слове и народной мудрости. Преобразуя в своей поэзии народные элементы (коломицкий, колядковый стих), Т.Г. Шевченко использовал постоянный прием чередования длинного и короткого размеров, «лирической заповки» и «хора», когда поэт грустит, запеваает, а хор подхватывает:

Все сумує, – тільки слава
Солнцем засіяла
Не вмре Кобзар, бо на віки
Його привітала.

Будеш, батьку панувати,
Поки живуть люди;
поки сонце з неба сяє
Тебе не забудуть!
Праведная душе, прийми мою мову,
Не мудру та ширу. Прийми, привітай.
Не кинь сиротою, як кинув діброви,
Прилини до мене хоть на одно слово
Та про Україну мені заспівай!

[2, с. 24].

Поэт часто менял соотношение ритмов, начинал стремительным, перебивая тягучим, или наоборот: начинал с «журбы» (кручины), заканчивал «весільним», – что создавало ему одному присущий ритмический колорит, по точному определению М.С. Шагинян, ударяющий «слушателя по сердцу» [1, с. 258], создавая неповторимые и незабываемые образы: слепого поэта-певца, постигшего людскую душу, одинокого и бесприютного, веселящего и повествующего исторические события Перебенди, гайдамаков, «красуні» Оксаны, несчастной и трагичной судьбы Катрины, «Лілеї», Наймички, Марии, княжны, матери – трепетно и нежно любящей, оставшейся в одиночестве оплакивать своих детей, простейшей правды бытия народа. В образах женщины виден образ родной Украины, без которой поэт не мыслил своей жизни.

М.С. Шагинян с убедительной тонкостью и точностью открыла грани поэтического мастерства не только в особой ритмике (*отнюдь не фольклорной*), больших душевных движениях, параллелизме, использовании прозаизмов, особенностях поэтической формы. Результат большого, сознательного искусства, – в смысловом расширении языка «для передачи тончайших «обертонов» и художественном обобщении. «Личная марка» Т.Г. Шевченко и непревзойденное мастерство проявлено в применении к «ласковому и нежному, эмоционально-острому украинскому языку» четырехстопного ямба «с его философичностью и подчинением чувства – мысли» в «Гайдамаках», стихотворении «Кавказ».

А в нас!.. На те письменні ми,
Читаєм божії глаголи!..
І от глибокої тюрми
Та до високого престола –
Усі ми в золоті і голі.
До нас в науку! Ми навчим,
Почому хліб, і сіль почім!
Ми християне; храми, школи,
Усе добро, сам бог у нас!
Нам тільки сакля очі коле:
Чого вона стоїть у нас!...

[2, с. 262-263].

В этих произведениях он не изменил своим *ценностным смыслом*, из которых исходит его гражданская позиция и его устремленность к *Добру*, правде и справедливости, а «глубоко индивидуальное мастерство оказывается пронизанным тем самым фольклором, трезвым и терпким крестьянским словарем, образной народной мудростью, умением вести через нее к умственному выводу, к обобщению...» [1, с. 264].

Мы знаем Т.Г. Шевченко как поэта; но он был еще и художником, скульптором, архитектором, драматургом, театралом, декламатором, остро переживающим сценическое слово, и «превосходным» музыкантом, певцом, обладавший незаурядной и природной музыкальностью «редчайшего, по чистоте и правильности, вкуса» [1, с. 269]. М.С. Шагинян отмечала, что, несмотря на большой интерес к творчеству поэта, в обширной литературе о нем нет даже попытки поставить вопрос о том, как работал Т.Г. Шевченко, каковы принципы, которыми он руководствовался, каковы способы и приемы, техника? Автор исследования смогла проникнуть и в эту сферу духовной жизни Т.Г. Шевченко, вскрыть особенности социальных отношений, когда крепостных актрис, балерин и художников заставляли работать до головокружения. Не за один талант полубил К. Брюллов Тараса Шевченко, а за его работоспособность, умение вставать с восходом солнца и трудиться дотемна, быстрое усвоение приемов рисования, блестящее умение схватывать портретное сходство, умение понимать натуру, стремление к *Знаниям*.

Юношей Тарас Шевченко часами просиживал в музеях, рылся в архивах, изучал исторические события, все, что зачаровывало его в народном фольклоре. Он точно и мастерски передавал во всех подробностях в исторических полотнах обстановку, все детали костюмов в «Дарах в Чигирине» и других картинах. Результатом добросовестнейшего изучения истории и фольклора, накопленных знаний был тот факт, что никто и никогда не смог упрекнуть Т.Г. Шевченко в неточностях и несоответствии содержания или аксессуаров в многочисленных исторических художественных работах. Талант художника, наблюдательность, память и богатство воображения прорывались и в поэтическом творчестве.

Вдумчиво и кропотливо работал Т.Г. Шевченко и в жанровом пейзаже. Он был мастером и в живописи и в акварели, но рисовальщик в нем все же преобладал. Исследователь А. Руссов отмечал, читаем мы в работе М.С. Шагинян, что любимым материалом у Т.Г. Шевченко был карандаш и мокрая тушь. «Из 281 рисунка Т.Г. Шевченко – 226 исполнены черным карандашом» [1, с. 287]. Но особенности его кропотливого труда художника проявились в Средней Азии, в закаспийских и уральских степях, во время Аральской экспедиции. Переноса тяготы ссылки, страдая от невозможности писать и рисовать, Т.Г. Шевченко во время экспедиции по изучению флоры и фауны Арала мог часами наблюдать за обитателями песчаных джунглей, тщательно делая зарисовки. М.С. Шагинян отмечала, что в киргизских степях он вырос как художник. Сепии и акварели представляют художественную ценность, но его рисунки быта казахов, растительного и животного мира киргизских песков и Арала, зрелище степного пожара, лунного заката – ценность научную. Отношение Т.Г. Шевченко к природе познавательное. Оно усиливается знакомством и совместной работой с исследователями природы под руководством лейтенанта А.И. Бутакова.

Особую память оставил о себе Н.Я. Данилевский, с которым Т.Г. Шевченко после четырех месяцев жизни рядом в экспедиции расставался с большим трудом. Многому научился Т.Г. Шевченко у А.И. Бутакова и работников экспедиции, но и у него они многому научились. Тарас открывал им «красоту и един-

ство того прозаичного мира» [1, с. 445], который ученые ботаники, геологи, метеорологи, зоологи исследовали научно.

Из шевченковской драматургии до нас дошел только лишь «Назар Стодоля», но известно, что Тарас драматизировал «Гайдамаков», «Москалеву криницю» и другие поэмы, пытался сам играть в них. Знание обрядов, особенностей народного костюма, культурной традиции, проявленное в драматургии, открывает перед нами Т.Г. Шевченко как этнографа. Его художественные и актерские способности проявились в ссылке, где он своим сценическим мастерством привлек внимание публики и актеров... Известна тесная дружба Т.Г. Шевченко со Щепкиным, с Семеном Гулаком-Артемовским, актером Айро Ольдridgeм, *встреча с которым подарила ему жизнь*, графом Ф. Толстым, хлопотавшим о возвращении поэта из ссылки.

К художнику Брюллову юный Тарас попал не только уже умеющим выразительно читать стихи, но и петь. От природы ему был дарован «красивый баритон с теноровыми нотами» [1, с. 276]. Во многих воспоминаниях современников говорится о прекрасном исполнении Т.Г. Шевченко украинских песен (по воспоминаниям П. Кулиша – лучший исполнитель на всей Украине). Музыка он полюбил страстно: играл на гитаре и за год с небольшим овладел игрой на фортепьяно; играл в четыре руки некоторые сонеты Моцарта и Бетховена, творчеством которых восхищался. Любил музыку Гайдна, будучи студентом Академии художеств и живя у Брюллова, Т.Г. Шевченко любил Глинку, глубоко почитал Даргомыжского. Он испытывал потребность в музыке постоянно, тепло и восторженно откликался на нее, ценил встречи с музыкантами, бывал в домах Щепкина, Аксакова, Максимовичей, Карташевской.

Несмотря на признание великого таланта поэта и художника в обществе образованных и авторитетных людей, с которыми он был близок, простым народом, и даже в кругах состоятельных людей, где поэт стал «неким символом». Он попал в окружение людей, не познавших трудностей «крепаккой жизни». Ему открывается возможность познания искусства и общения с ним, книги, театр, другой, вольный мир, но он всегда помнил свое крепостное происхождение и сестер, и братьев, которые оставались крепостными. Привыкнуть к новой среде для Т.Г. Шевчен-

ко было непросто, необходимо было найти правильные жесты, усвоить другие правила жизни. Человеческое достоинство его страдает еще и от того, что им пытаются руководить, навязывать свою волю, поучать, – так с ним обращались княжна Репнина, бездарный и властный П. Кулиш. Т.Г. Шевченко физически ощущал свое одиночество... В ссылке он с тоской и болью говорил о своей судьбе:

І виріс я на чужині,
І сьвию в чужому краї;
То одинокому мені
Здається – кращого немає
Нічого в бога як Дніпро
Та наша славіна країна...
Аж бачу там тільки добро,
Де нас нема...

[3, с. 401].

Наследие поэта дает возможность и в настоящее время почувствовать судьбу народа в период крепостного права, наложившего отпечаток на его сознание, традиции на долгие годы и поколения.

М.С. Шагинян с огромным уважением и тактом, весьма осторожно приоткрыла тайны души Тараса Григорьевича. Проникая в закрытые от чужого взгляда, сокровенные и новые для нас страницы личной жизни, «любовные», которые остались для исследователей недоступными на протяжении ста с лишним лет. Невольно исследователь проводила связь между любовью к своей «коханой» Оксане, и его ценностным отношением к создаваемым образам – будь-то в поэзии или в прозе, в драматургии или художественном творчестве, но также и в личной жизни.

Удивляет кропотливая работа М.С. Шагинян в поисках сердечных привязанностей поэта, которые были скрыты, очевидно, по воле самого Т.Г. Шевченко. Одним из открытых образов, который проходит через все его творчество, к которому он мысленно летит в своих чувствах и мыслях даже из ссылки, из экспедиции Арала, была крепостная Оксана, судьба которой стала прообразом Катерины, наймички, княгини. Поэт мечтал о созда-

нии своей семьи, личном счастье. Он любил и влюблялся. Но, оторвавшись от своего сословия, он не стал до конца *своим* в чужих кругах. Те женщины, к которым он чувствовал сердечную привязанность, не могли составить ему пару в силу объективных и субъективных факторов: либо они были не свободны, либо относились к другим сословиям... Такой большой привязанностью и тайной любовью была Ганна Закревская, которой поэт обращался в стихотворении «Нема гірше як неволя» «мое свято чорноброве», «мій покою», «мое сердце», «моя любя», «зіронько». Это чувство он хранил в душе и не смел предать его, открыть для других глаз. Об этом говорит то обстоятельство, что Т.Г. Шевченко, написав стихотворение в ссылке, осмелился его опубликовать за год до смерти с адресом «На Україну». Несмотря на то, что ему встречались женщины, которых он любил, он в помыслах своих летел к Украине и к своей Оксане, любовь к которой жила в душе Тараса всю жизнь:

А так мало, небагато
Благав у Бога. Тільки хату,
Одну хатиночку в гаю
Та дві тополі коло неї
Та безталанну мою,
Мою Оксаночку; щоб з нею
Удвох дивитися з гори
На Дніпр широкий, на яри,
Та лани золотополі.

[З. с. 727].

Его любовь-тоска – могучая и всякий раз – безответная, наложила отпечаток на все его многогранное творчество. Он искал утешение для своей души. И его тоской-любовью была родная сторона, – его родная Украина. Образ Украины, любовь к ней как своей матери, красной нитью проходит через творчество Т.Г. Шевченко. Он обращался к ней как к живой сущности, стремился к ней в своих помыслах из далекой ссылки в Орской крепости.

Ой гляну я, подивлюся

На той степ, на поле;
Чи не дасть Бог милосердний
Хоч на старість волі.
Пішов би я в Україну,
Пішов би додому.
Там би мене привітали,
Зраділи б старому;
...Як же його у неволі
Жити без надії?
Навчіть мене, люде добрі,
А то одурію

[2 с. 550-551]

Но его душа, с любовью стремящаяся к родным местам, с болью и горечью из далекого Косарала, видит как:

Аж страх погано
У тім хорошому селі:
Чорніше чорної землі
Блукають люди; повсихали
Сади зелені, погнили
Біленькі хати, повалились,
Стави бур'яном просли...
А як не бачиш того лиха,
То скрізь здається любо, тихо,
І на Україні добро.
Меж горами старий Дніпро,
Неначе в молоці дитина,
Красується, любить
На всю Україну
А понад ним зеленіють
Широкої села,
А у селах у веселих
І люди веселі....

[2, с. 402].

Образ Т.Г. Шевченко раскрыт Мариэттой Сергеевной Шагиной настолько многогранно, что не перестаешь удивляться ее всесторонней одаренности и таланту, силе проникновения в

сущность жизни поэта и способность соединять самые разнообразные факты, разбросанные во времени и пространстве жизни, открывать глубинные структуры человеческой души украинского поэта. Воздействие содержания монографии М.С. Шагинян настолько велико, что дает возможность пережить вместе с поэтом всю трагедию и, одновременно, счастье художника – сына народа «одаренного так полно, так совершенно творческим даром, что дар этот прорывался в нем и как песня, и как поэма, и как краска, и как скульптурный слепок, и как театральная «дия», – безудержно рвался на голос, на полотно, на бумагу, на действие» [1, с. 280].

И в этом плане значение творческого наследия *гения* украинского поэта Т.Г. Шевченко сравнимо по значимости с наследием *гения* А.С. Пушкина для русской культуры.

В исследовании М.С. Шагинян Т.Г. Шевченко предстает реально живым и близким человеком в настоящем, великим достоянием культуры, несущим ценности *Любви, Красоты, Добра* и воплощения *Знания* в творчестве как основание и проявленные смыслы жизни для созидания будущего многих поколений.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Тарас Шевченко // М.С. Шагинян Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. М., 1975.
2. *Шевченко Т.Г.* Кобзар. Київ, 1980.
3. *Шевченко Т.Г.* Кобзар. Донецьк, 2007.

**РУССКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
С КУЛЬТУРАМИ ДРУГИХ НАРОДОВ
В РАННЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ М.С. ШАГИНЯН**

В становлении М.С. Шагинян как литератора весьма значимым был период газетной публицистики – регулярных публикаций в ежедневных изданиях. Начался этот период для Мариэтты Сергеевны Шагинян в ее юности и оказался весьма продолжительным. Содержательный анализ ее газетных статей представляет интерес и в плане тематики публикаций, позволяя выявить интересы и предпочтения их автора, и в контексте характеристики ее принципиальных подходов к анализу материала и поэтапной эволюции последних.

Наиболее длительным, стабильным и, на мой взгляд, емким по содержанию, следовательно, репрезентативным для решения обозначенных выше задач, было сотрудничество М.С. Шагинян с газетой «Приазовский край» – ежедневной политической, экономической и литературной газетой, издававшейся в Ростове-на-Дону в 1891-1920 годах. К ранней публицистике, как представляется, можно отнести публикации примерно с осени 1908 года⁶ и до начала Первой мировой войны. В эти годы она – курсистка Высших женских курсов Н. Герье, обучавшаяся на историко-философском факультете, а затем студентка народного университета А.Л. Шанявского, где ее исследовательские интересы колебались между минералогией, кристаллографией и философией. Последняя в итоге победила, и в 1914 году М.С. Шагинян выехала в Германию для написания диссертации, посвященной творчеству немецкого философа-идеалиста Я. Фрошаммера.

Основательное изучение мирового философского наследия и постепенное овладение профессиональными исследовательскими навыками накладывали зримый отпечаток на тематику и содержание ее публикаций в «Приазовском крае». Прямо и недву-

⁶ Первые ее публикации в «Приазовском крае» относятся к 1906 году и вплоть до осени 1910 года тексты статей позиционируют их автора как мужчину.

смысленно это влияние проявлялось в написании текстов философской тематики и проблематики.

Летом 1909 года была напечатана весьма пространная, занявшая подвалы двух газетных полос, статья «Еще о «Вехах» – попытка М.С. Шагинян изложить свое отношение к этому сборнику статей, написанному российскими публицистами, экономистами и философами и вызвавшему в 1909-1910 годах ожесточенную полемику в отечественных журналах. В начале следующего года ее публикация «О религиозных исканиях современного общества» представляла собой анализ причин распространившегося в образованном обществе богоискательства [1].

Второй, и, возможно, более значимый аспект влияния историко-философского образования, – аналитический подход к описываемому объекту или явлению, стремление выявить его характерные черты, классифицировать, типологизировать. Пожалуй, ни один фельетон⁷, написанный М.С. Шагинян для «Приазовского края», нельзя отнести к разряду поверхностных информационно-описательных или же к сфере чистой риторики, хотя она и отмечала впоследствии: «Сама я писала единым махом, одним дыханьем. Черновики прямо отсылала в «Приазовский край» ... Не то что править – некогда было их перечитывать после написанья, и когда, случалось, пропадет на почте, не жаль, никакой не было трагедии» [2, с. 296]. Если читать публикации М.С. Шагинян последовательно, путешествуя в поиске их по газетным номерам столетней давности, можно, разумеется, заметить следы этой поспешности в незначительных огрехах стиля, но все-таки, прежде всего, обращаешь внимание на то, как от фельетона к фельетону более глубоким становится авторский анализ, более емкими характеристики объектов авторского внимания и более содержательными итоговые выводы.

Некоторые характеристики русской культуры обозначились в публицистике М.С. Шагинян в контексте религиозно-философских публикаций 1909-1910 годов, и более отчетливо проявились в ее «Литературном дневнике» – постоянной лите-

⁷ Сама М.С. Шагинян, следуя традиции газетного дела в дореволюционной России, все свои публикации в «Приазовском крае» именовала *фельетонами* и в начале XX века, и впоследствии.

ратурно-критической рубрике, появлявшейся в газете, начиная с 1911 года, в течение многих лет, ежемесячно, если не два-три раза в месяц. Литературная критика при стремлении автора к тому, «чтобы критика стала диагнозом» [3], и с учетом литературоцентричности русской культуры неизбежно приводила к выявлению некоторых ее типологических признаков и отличий от европейской культурной традиции.

Так, анализируя причины повального увлечения богоискательством в 1908-1910 годах, М.С. Шагинян писала, что все искания русского народа, даже материалистические, даже богоборческие несут в себе религиозный элемент. Обосновывая этот вывод, она отмечала специфику подхода к философским проблемам русских мыслителей, интересовавшихся не умозрительными вопросами, например, вопросом о том, *что такое жизнь*, а поиском и усвоением тех европейских философских систем, которые помогли бы *научить правилам жизни*, причем не просто жизни, а жизни «по правде, по истине».

«Но такая практичность, такое стремление найти правило жизни есть ни что иное, как религиозность. Одна только религия (всякая), стремится пересоздать жизнь по определенному началу; одной только религии свойственно быть и желать быть «программой жизни». Этика несравненно более объясняет, чем показывает. Религия – и объясняет, и показывает, и заставляет. Делай не то, что можно, а то, что должно», – такова внутренняя сторона религии». За этим резонным замечанием следует резюме, обращающее внимание читателя на характерные черты русской культурной традиции и русского национального характера: «Мы видим, таким образом, что русское философствование содержит в себе религиозные настроения; ум русского приспособлен больше к вере, чем к объяснению, а всякая мысль его сейчас же стремится перейти в действие» [4].

Спустя два с лишним года М.С. Шагинян, почти уже выпускница курсов Н. Герье, описала специфику этого перехода от мысли к действию, афористически определив вместе с тем и одну из важнейших антиномий русской культуры. «Культура наша, в воле своей религиозная, – в факте безбожна и отрицательна. Дела наши, частные и общие, проходят один и тот же генетический путь, – сведение к нулю. Пафос начинаний наших

всегда вводит себя в жизнь в порядке нисходящем, иначе говоря: мы тратим нашу волю на замысел, на вдохновение дальним, на подъем к дальнему, – а свершение нам изменяет или мы изменяем свершению». Характеристика емкая, некомплиментарная, и, на мой взгляд, по сей день актуальная, поскольку речь в ней идет о глубинных архетипах нашей культуры и наших поведенческих моделей. Под «дальним» в этом контексте автор понимает идеал, тяготение к которому «органически присуще всей русской культуре», и которое страшно и опасно, поскольку «любовь к дальнему» отвергает реальный мир, «бросает данную действительность, что называется, на улицу; любовь к дальнему у нас не утверждает мир, а как бы устраняет его» [5].

В ранней публицистике М.С. Шагинян достаточно ярко указаны типологические различия моделей поведения русских и европейцев, те различия, которые при личном общении произвели на молодую писательницу столь сильное впечатление, что спустя шесть десятилетий она описала их в одной из первых глав своих воспоминаний. Эпизод относился к странствиям двух сестер Шагинян по Германии весной-летом 1914 года, где их спутницей оказалась студентка из Баварии. Продолжительные беседы девушек о литературе, собственных научных интересах, политических событиях свидетельствовали об общности вкусов и оценок. Но спутницы перестали понимать друг друга, когда речь зашла о том, как они представляют себе свое будущее.

Далее приведу фрагмент текста, более яркий, чем любой пересказ: «Наша немецкая спутница знала очень точно, какого места будет добиваться, окончив университет. Она знала, где какая плата, куда попасть выгоднее. У нее не было особенной корысти. Пусть даже плата меньше – лишь бы перспектива интересней, можно идти по служебной лестнице выше, подниматься по ней годами. Мы с сестрой пережили на ее вопрос большой и неприятный конфуз... А у нас и в мыслях не было такого расчета и таких планов заранее; учились, чтобы учиться, зарабатывали – уроками, в перспективе ... разве сама жизнь, широкая, необъятная, – не перспектива? Мы почувствовали себя перед ней цыганами какими-то. «Надо приносить обществу пользу», – снисходительно сказала нам наша милая немочка. А мы выросли плотью от плоти русской интеллигенции, когда «приносить обще-

ству пользу», работая в учреждении, казалось позорным концом «Обыкновенной истории» Гончарова. И мы, – не представляя себе хорошенько, чем будем «полезны обществу», – жалели, жалели до слез русскую унылую жизнь, деревенские ухабистые дороги, слепых стариков, пьяного по субботам рабочего, его избитую жену, все, что дышало несчастьем, неблагоустройством, людскою бедой, – мы хотели «послужить», – душу отдать, – но не на «службе» [2, с. 52].

Конфуз, ощущение чужеродности, инаковости при столкновении с заранее трезво рассчитанной практичной немецкой девушкой траекторией жизни, – все это было испытано, пережито и запомнилось, похоже, надолго, если не навсегда. А между тем почти за пять лет до описанного эпизода в статье, посвященной «Вехам», М.С. Шагинян лаконично, но отчетливо сформулировала принципиальное различие в жизненном целеполагании русской и западной интеллигенции. «Грех наш в том, что мы избрали себе непрочное, непродуманное, несправедливое, условное, никому, и более всего нам, не нужное «во имя». Но и правда наша в том, что жить попросту, без «во имя», жить только *для* чего-нибудь, а не *во имя* чего-нибудь мы не можем. На Западе удовлетворяются этим *для*, мы им никогда не удовлетворялись; мы ищем То, во Имя чего мы могли бы жить» [см.: 1; *курсив* и выделение прописными буквами – М.С. Шагинян].

Спустя пару лет в одном из фельетонов «Литературного дневника» характеристика различий в моделях поведения русского и европейца обретает более развернутый, яркий, саркастический характер. «Основной принцип западной культуры – это соответствие между причиной и действием, предметом и его функцией, способностями человека и его специальностью. Можно быть уверенным, что немец или француз, родившись поэтом – умрет поэтом, а родившись колбасником – не преминет открыть колбасную лавку. Можно не колеблясь утверждать, что английский ножик будет резать, бельгийские перья писать, венский чемодан служить в путешествии.

Совершенно не так в России. Едет, например, из Франции какое-нибудь благовоспитанное трюмо, тщательно отделанное, в инкрустированной рамке; думает в простодушии, что основная обязанность его отражать в себе окружающий мир. Но как толь-

ко перевалило оно через границу, кончено. Зеркальная судьба делается совершенно безотносительной с зеркальными свойствами. Мы знаем, что дорогие зеркала выписываются нами исключительно для битья их в ресторанах».

Отмечая одаренность, многообразие способностей и талантов русского человека, М.С. Шагинян подчеркивала хаотичность и непоследовательность в том, как он распоряжается своей жизнью, что не позволяет ему ни реализовать скрытый потенциал личности, ни достичь заметного успеха в том деле, которым занимается. «Европеец, испробовав свой голос, делается певцом; позанявшись чертежами, станет инженером. Русский – ничуть не бывало. Стоит ему окончить консерваторию, как он спешит уже стать сидельцем в винной лавке; но, став сидельцем в винной лавке, он немедленно изобретает аэроплан, а, изобретая аэроплан, попадает под суд за фабрикацию фальшивых денег... Провизор, будьте уверены, отличается не столько умением готовить лекарства, сколько игрой на мандолине. Зубной врач прескверно дергает зубы, но зато легко снабдит вас билетом в литературно-художественный кружок. Что касается действительных статских советников, то они заседают в жюри академических выставок. «Всякому свое», – говорит европеец. «Всякому – чужое», – настаивает русский» [6].

К описанию моделей поведения русских людей М.С. Шагинян в своей литературно-критической рубрике возвращалась неоднократно, стремясь выявить их значимые особенности. Характеризуя Ипполита из романа Ф.М. Достоевского «Идиот» как типаж, М.С. Шагинян знакомит своих читателей с еще одной их разновидностью. «Юноша этот вообще характерен для русской интеллигенции, с его истерическим позывом к откровенности, к говорению (именно к говорению, а не разговору!) и, наконец, с его неумением попасть в тон жизни. Во всем – беспотливость; нынче – опоздание, завтра – забегание вперед... Таким людям, как Ипполит, при всей их талантливости, одаренности, способности ко многому, никто ничего не поручает. За ребенком не доглядят, обед у них перекипит, секрета не сберегут и т.д., и вечное кипение души, тягостно не переходящее ни в какое дело, ни в какое действие» [см.: 5]. И в этом случае в центре внимания снова модель поведения вневременная, не зависящая от моды и

конъюнктуры, актуальная для русского культурного поля и в эпоху Ф.М. Достоевского, и в начале XX века, и, если внимательно оглянуться вокруг, в наши дни.

При обращении к вопросу о том, как освещалось М.С. Шагинян взаимодействие русской культуры и культуры европейской в отдельных сферах художественного творчества, хочется подчеркнуть, что, знакомясь с опубликованными ею текстами последовательно, то и дело встречаешь такие характеристики взаимодействия или выявленные особенности развития, например, русской литературы, которые обычно остаются вне сферы читательского внимания. Возможно, некоторые сюжеты и суждения, нашедшие место в «Литературном дневнике», появились в нем благодаря тем чисто профессиональным навыкам фельетониста-газетчика, которые она вольно или невольно обрела, постоянно сотрудничая в газете.

Не раз в дневниковых публикациях услышанное от читателей или увиденное на полях книг во время работы ее в библиотеках⁸ становилось исходным пунктом последующих характеристик и оценок. «Нередко слышишь, – писала М.С. Шагинян, – как в библиотеках спрашивают иностранные романы, потому что русские «не интересны, приключений в них мало». И далее следует обращение автора к тематике и сюжетам произведений русских писателей XIX – начала XX века, констатируется и существование крупных тем, и масштабных полотен, отражающих жизнь во всей полноте социальных конфликтов и психологических коллизий. Но налицо и такая особенность литературного процесса: «Интересно отметить, что у нас почти не пишутся и не писались произведения чисто фабулические, т.е. такие, в которых развитие действия, интрига играли бы главенствующую роль». Хорошо ли это? Автор склонна думать, что вряд ли хорошо. Что, к примеру, читать мальчишкам майн-ридовского возраста?⁹ [7].

⁸ В библиотеках Москвы и Петербурга М.С.Шагинян, судя по ее воспоминаниям, в период обучения проводила большую часть чуть ли не каждого дня.

⁹ Термин «мальчишки майн-ридовского возраста» изобретен самой М.С. Шагинян.

Сама М.С. Шагинян дала ответ на этот вопрос, описывая частный, но немаловажный аспект взаимодействия русской и западноевропейской культур в связи с оценкой только что прочитанного ею фантастического романа Г. Уэллса «Когда спящий проснется». Заметив, что «Уэллс принадлежит к семье рассказчиков особого типа, когда-то давшей нам Купера, а теперь Кипплинга, Хагграда, Пембертона; на континенте к семье этой причислен был Жюль Верн», М.С. Шагинян констатировала, что «русская юношеская литература не создала ничего равного, например, «Хижине дяди Тома», романам Диккенса или только что разобранный книжке Уэллса». Лакуна восполняется тем, что «дети наши, целиком, воспитываются на героизме европейской литературы, а от своей, российской они наживают малокровие... сперва от нудных романов г-жи Чарской, потом от блудных романов г. Арцыбашева» [8].

Обращаясь к европейской музыке, в статье, посвященной вагнеровским фестивалям, ежегодно проходившим в Байройте, М.С. Шагинян замечала, что слабое знакомство русских любителей музыки с Вагнером и его музыкальным театром, скорее хорошо, чем плохо. «Хорошо именно потому, что знание Европы (о Вагнере – *Н.С.*) – сплошь искаженное и поверхностное; попавши в полосу этого специфического и в некоторых своих пунктах даже варварского вагнерьянства, русский музыкальный слушатель просто навязал бы себе целый ряд фальшивых идей, усугубил бы хаотические стороны своего характера и безнадежно проглядел бы самого Вагнера. На русское счастье идеи вагнерьянства, (столь несхожие с идеями самого Вагнера) проникли к нам в очень умеренном количестве; да и самые оперы ставятся сравнительно редко, что тоже неплохо». М.С. Шагинян подчеркивала, что «демократичность в высоком, истинном смысле этого слова, – такова основная черта искусства Вагнера. Правдивость и жизненность, не по современным плечам человека скроенные, – черты не менее главные». Поэтому, с ее точки зрения, настоящее знакомство с музыкой Вагнера, как русских слушателей, так и европейцев еще впереди [9].

Выявляя и отмечая новации культурной жизни Европы накануне Первой мировой войны, М.С. Шагинян восторженно описывала педагогический и социокультурный эксперимент Жака

Далькроза, осуществленный им в Саксонии при поддержке немецких предпринимателей братьев Дорн. Это была попытка совершенствования тела и духа людей при помощи системы ритмической гимнастики. «Мысль Далькроза очень проста и гениальна. Ритм есть планомерное, гибкое, непрерывающееся выявление человека во внешней жизни; без ритма он не может довести до выразительной силы ни своего пластического внешнего образа, ни образа внутреннего, духовного; когда человеку приходится волей-неволей много двигаться, он вырабатывает себе целый ряд соответствующих ритмов (например, ритм ходьбы, игрока в мяч, лыжника, солдата, акробата, etc.), которые в известных положениях его жизни придают ему могущество над своим собственным телом и движениями, а вместе с тем и уверенность в себе». С точки зрения Мариэтты Сергеевны Шагинян, идея Ж. Далькроза не просто педагогическая новация, – это идея, которая может быть силой, объединяющей людей.

Эксперимент приобрел международный характер, в институте Далькроза «вы можете услышать в одном конце испанскую, в другом – японскую речь», – замечала М.С. Шагинян. Этапной в его развитии стала постановка «Орфея и Эвридики» Глюка в переложении на язык ритмических поз и жестов, успешно представленная летом 1913 широкой публике. Оценивая этот успех, М.С. Шагинян утверждала, что «Жак Далькроз вынес на театральные подмостки свою интимную и возделанную идею лишь потому (и лишь тогда!), что у него оказалось слишком многое, чтобы сказать людям... И вот именно поэтому в его театре оказалось налицо и социальное воодушевление: все, – исполнители, организаторы, музыканты, слушатели были охвачены горячим чувством солидарности, все присутствовали на творившемся перед ними живом деле пластического преобразования человека – и духовно уже соучаствовали в нем». С ее точки зрения, «подлинно объединяющею силою является на земле лишь *идея*; там, где вместо идеи налицо только одни *принципы* – объединение получается внешнее, формальное, грозящее на каждом шагу привести к безнадежному распаду. И вот мы видим, что современную Европой все более и более завладевают, – как в политическом, так и в общецивилизационном ее развитии, – голые внешние принципы. Идей все меньше да меньше... и оттого все

меньше подлинной общественности и все больше партийной кружковщины, висящей под Дамокловым мечом предательства и распада» [см.: 10; *курсив – М.С. Шагинян*]. Написаны эти строки были в конце 1913 года, когда до начала Первой мировой войны оставалось чуть более полугода.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Еще о «Вехах» // Приазовский край. 1909. 29 июня.
2. *Шагинян М.С.* Человек и Время. М., 1982.
3. *Шагинян М.С.* Пшеница и плевелы // Приазовский край. 1911. 23 февраля.
4. *Шагинян М.С.* О религиозных исканиях современного общества // Приазовский край. 1910. 9 января.
5. *Шагинян М.С.* Не по тем рельсам // Приазовский край. 1911. 29 декабря.
6. *Шагинян М.С.* Пирог сапожника // Приазовский край. 1911. 19 марта.
7. *Шагинян М.С.* Тьма тем // Приазовский край. 1911. 26 июля.
8. *Шагинян М.С.* Бессонница // Приазовский край. 1911. 14 мая.
9. *Шагинян М.С.* Байрейт // Приазовский край. 1914. 5 января.
10. *Шагинян М.С.* Hellaerau // Приазовский край. 1913. 31 декабря.

Симаволян А.Г.

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ М.С. ШАГИНЯН СРЕДИ ШКОЛЬНИКОВ

*«Творческий труд – величайшее счастье человека.
Его нельзя награждать, – он сам по себе
высшая награда для того, кто им одарен».*
Мариэтта Шагинян

Эти слова, сказанные о творческом труде человека, Мариэттой Шагинян относятся и к самой М.С. Шагинян. Талантливая писательница, родившая до Октябрьской революции, уже была счастливым человеком, тем, что она была одарена природой: глубоко думать и любить труд. И не случайно, что в своей со-

знательной жизни М.С. Шагинян, этот уникальный человек своего времени, читала много и изучала разные науки.

Творчество Мариэтты Шагинян – удивительное явление в русской литературе XX века. Ее литературная деятельность продолжалась свыше семидесяти лет. Она трудилась всю свою жизнь; начала свое писательское дело с 15 лет, когда впервые опубликовала первый стихотворный фельетон, а свою последнюю книгу «Столетие лежит на ладони» закончила в возрасте 93 лет, будучи абсолютно слепой.

Мариэтта Сергеевна Шагинян – известная русская и советская писательница, большой знаток мировой литературы, доктор филологических наук (1944), член-корреспондент АН Армянской ССР (1950), Лауреат Государственных премии СССР (1951, 1972), Герой Социалистического труда (1976).

Начальный этап творчества М.С. Шагинян тесно связана с Ростовом-на-Дону. С 1915 по 1920 гг. она жила на Дону. Ее мать Пепроне Хлытчиева-Шагинян была нахичеванской армянкой и семья Шагинян часто приезжала сюда. Училась Мариэтта в Екатерининской женской гимназии (ныне лицей № 13). Преподавала в Донской консерватории, Нахичеванской-на-Дону художественной школе имени М. Врубеля, музыкальной школе. Здесь ею были написаны романы «Своя судьба», «Перемена». В 1919 году М.С. Шагинян жила и работала в центре Мясниковского района в селе Чалтырь, где вела занятия в ткацкой школе для женщин Чалтыря. Позже в своем романе-хронике «Первая Всероссийская» М.С. Шагинян высказывала мнение о жителях с. Чалтырь: «...как открытие для меня была их своеобразная интеллигентность, не похожая на нашу».

Мариэтта Шагинян была корреспондентом газет «Приазовский край», «Черноморское побережье», «Трудовая речь», «Кавказское слово», «Правда» и других.

Повести М.С. Шагинян «Перемена» и «Приключение дамы из общества» публиковались в 1922-1923 годах. В 1923-1925 годах вышла в свет серия агитационно-приключенческих повестей «Месс-Мэнд», имевшая большой успех. В 1928 году М.С. Шагинян опубликовала своеобразное литературное произведение – «роман комплекс» «Кик», объединивший разные жанры – «от поэмы до доклада».

Пять лет, с 1927 по 1931 гг. она проживала в Армении, была на строительстве ДзораГЭС, после чего появился роман «Гидроцентральный» (1930-1931). Ее перу принадлежат очерки «Зангезурская медь» (1927), «Советское Закавказье» (1931), «Путешествие по Советской Армении» (1950), «Зарубежные письма» (1964), переводы с армянского языка Ованеса Туманяна и Аветика Исаакяна, книга «Об армянской литературе и искусстве» (1961). М.С. Шагинян написала и издала книгу воспоминаний «Человек и Время: История человеческого становления», романы-хроники «Семья Ульяновых», статьи-этюды о русских и армянских классиках и современных писателях.

После переезда в 1931 году М.С. Шагинян в Москву, ее в 1934 году избрали членом Союза писателей СССР.

Не секрет, что с перестройкой в нашей стране, в том числе в высшем и среднем образовании многое изменилось. Сокращены часы преподавания русского языка и литературы в школах. По учебной программе учащиеся лишены возможности ознакомления с творческим наследием многих русских и советских писателей, поэтов. В наше время необходимо всячески содействовать выходу из несправедливого забвения творческого наследия отечественной культуры прошлых лет для ее возрождения, сохранения и дальнейшего развития. Нужна популяризация полузабытых замечательных имен советских писателей среди подрастающего поколения, приобщение школьников и молодежи к культурному и литературному наследию тех выдающихся людей, чье творчество воспитывает, развивает ум человека и учит труду.

Творческое наследие М.С. Шагинян воспитывает читателей в духе передовых идеалов, и потому популяризация ее творческого наследия необходима для воспитания нового поколения, особенно в школах нашего города. Ведь жизнь и творчество М.С. Шагинян тесно связана с Ростовом-на-Дону, с городом Нахичевань-на-Дону, поэтому и необходимо знать о выдающейся писательнице, уникальном человеке, о ее творческом наследии.

Интеллигенция старшего поколения нашего города ставит перед собой задачу: приобщить людей молодого поколения к творческому, литературному наследию отечественной культуры, знакомить с выдающимися писателями и деятелями культуры.

В музее Русско-армянской дружбы города Ростова-на-Дону проводятся культурные мероприятия, посвященные замечательным нахичеванским писателям и деятелям культуры. Издаются серии книг о жизни замечательных людей Нахичевани. В 2013 году вышла книга «М.С. Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве».

Совместно с Институтом филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ЮФУ, Северо-Кавказским научным центром ВШ ЮФУ, Нахичеванской-на-Дону Армянской общиной, Ростовским областным музеем краеведения, Донской публичной библиотекой, с участием школьников гимназии № 14, лицея № 13 проходили первые (2014 г.) и вторые (2015 г.) Шагиняновские чтения. В 2014 году вышел в свет труд «Автографы. Книги из библиотеки М. Шагинян», материалы первых Шагиняновских чтений (3. 04. 2014 г.) «Культура в жизни и творчестве М.С. Шагинян». В 2015 году опубликованы произведения «М.С. Шагинян о литературе и писателях».

2015 год был объявлен *Годом литературы в России*. На вторых Шагиняновских чтениях школьники представили свои работы, выступали с докладами на научной конференции.

Для участия в третьих Шагиняновских чтениях в гимназии № 14 и в лицее № 13, расположенных на территории Пролетарского района г. Ростова-на-Дону, а так же в школах с. Чалтырь Мясниковского района, проходят разные мероприятия, популяризирующие творческое наследие М.С. Шагинян. Старшеклассники знакомятся с жизнью и творческой деятельностью М.С. Шагинян, с ее произведениями. В библиотеке гимназии № 14 открыта содержательная выставка, посвященная М.С. Шагинян, в старших (9-10) классах проводятся уроки о жизни и деятельности писательницы. Гимназисты знакомятся с богатым творческим наследием Мариэтты Шагинян.

В этих общеобразовательных учреждениях учащиеся готовятся к конкурсам чтецов, рисунков и сочинений по произведениям удивительно смелой женщины и талантливой писательницы М.С. Шагинян. Победители этих конкурсов в апреле 2016 года примут участие в третьих Шагиняновских чтениях на тему: «Взаимодействие народов и культур в литературном наследии М.С. Шагинян».

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
М.С. ШАГИНЯН В ГБУК РО
«РОСТОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ МУЗЕЙ КРАЕВЕДЕНИЯ»**

Ростовский областной музей краеведения – один из старейших музеев области – был открыт для посетителей в специально построенном для него здании 1 мая 1910 года, как Городской музей.

В годы Великой Отечественной войны коллекции музея были практически уничтожены. Процесс комплектования фондов музея начался сразу после освобождения города от фашистов, что позволило в 1957 году, в здании бывшего Торгового Дома Гельферихс Саде, открыть полномасштабную экспозицию по истории, этнографии и культуре Донского края. Коллекции музея на сегодняшний день насчитывают 350 тысяч музейных предметов.

В связи с расширением границ города, началом застройки Северного жилого массива, 12 января 1968 года исполкомом Ростовского-на-Дону городского совета депутатов трудящихся принял решение об организации филиала Ростовского областного музея краеведения в церкви бывшего монастыря Сурб Хач постройки XVIII века.

Накануне торжественного празднования 50-летия образования СССР, 14 ноября 1972 года был открыт Музей русско-армянской дружбы. Экспозиция созданного музея репрезентировала идею дружбы русского и армянского народов, освещая историю переселения армян с Крымского полуострова на Дон.

В апреле 2007 года губернатором Ростовской было принято решение о передаче мемориального комплекса местной религиозной общине Армянской апостольской церкви.

В возмещение утраченных музейных площадей Ростовскому областному музею краеведения в оперативное управление было передано здание в Пролетарском районе города (до декабря 1928 года территория самостоятельного города Нахичевани-на-Дону), по адресу пл. Свободы, 14/2. Данное решение было аргументировано тем обстоятельством, что армянская община является одной из старейших и многочисленных на Дону, что связа-

но с массовым переселением армян из Крымского ханства в Российскую империю, в Азовскую губернию в 1778-1779 годах. Переселенцами был основан город Новый Нахичеван (по-армянски Нор Нахичеван) и шесть сел.

25 ноября 2011 года состоялось открытие Музея русско-армянской дружбы (отдел ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения»), расположенного в здании старинного двухэтажного особняка предпринимателя Марка Искидарова (архитектор С.К. Ласканов).

Репрезентация истории городов Ростова-на-Дону и Нахичевани-на-Дону невозможна в полной мере без представления персоналий.

Большая часть жизни поэта, прозаика, публициста Мариэтты Сергеевны Шагинян связана с Москвой. В этом городе она родилась, училась, работала, жила и завершила свой жизненный путь.

Но не менее судьбоносными для нее стали южнорусские торгово-промышленные города-соседи Ростов и Нахичевань, расположенные на правом берегу реки Дон. Сюда в Нахичевань-на-Дону, родной город матери Пепронии Яковлевны Шагинян, урожденной Хлытчиевой, Мариэтта Сергеевна приезжала неоднократно и подолгу жила здесь. В детстве с родителями она приезжала в Нахичевань-на-Дону навестить многочисленных родственников: «Тетушек у нас было много, сразу не перечесать. ...Когда назывались в те годы фамилии самых именитых «первогильдийных» армян, то наверняка они были дядьями-мужьями маминых сестер: Джамгаров, Хатранов, Чикнаверов, Сагиров, Когбетлиев, Шилтов...» [1, с. 21].

В Нахичевани-на-Дону провел последние дни жизни отец Мариэтты Сергеевны – Сергей Давыдович Шагинян. После смерти мужа в 1902 году молодая вдова Пепрония Яковлевна Шагинян с двумя дочерьми осталась в родном городе, поскольку семья не могла обходиться без средств к существованию, а здесь, в Нахичевани-на-Дону, можно было найти работу, рассчитывать на поддержку со стороны родственников и друзей.

Сюда же после начала Первой мировой войны приехала в дом матери и Мариэтта. Деятельная Мариэтта Сергеевна Шагинян не только продолжила свое сотрудничество с газетой «При-

азовский край», но и преподавала эстетику и историю искусств в Донской консерватории, писала прозу, стихи, драмы, вместе с мужем, филологом Яковом Самсоновичем Хачатрянцем, работала над собранием переводов армянских сказок. В 1920 году М.С. Шагинян преподавала в художественной школе им. Врубеля, открытой весной этого года, во многом благодаря инициативе и энергии талантливых сестер – Магдалины и Мариэтты Шагинян [2, с. 47].

В своих воспоминаниях известный донской художник Аким Карпович Ованесов писал: «На углу 23-й линии и площади Л. Толстого находится бывший дом фабриканта Искидарова. В этом доме открылось художественное училище имени Врубеля (в официальных документах именуется художественной школой). Заведующей училищем была Магдалина Сергеевна Шагинян, родная сестра Мариэтты Шагинян. Преподавательский состав состоял из художников: Николай Евгеньевич Лансере (архитектор), М.С. Сарьян, А.К. Ованесов, С.М. Агаджанян, Артухов (скульптор из Москвы)» [3, с. 24].

Осенью 1920 года М.С. Шагинян уехала в Москву [4]. Но о ростово-нахичеванском периоде она никогда не забывала, о чем свидетельствуют ее воспоминания, литературные произведения.

Жизнь и творчество М.С. Шагинян нашли отражение в многочисленных выставочных проектах Ростовского областного музея краеведения и в настоящее время представлены в экспозиции Музея русско-армянской дружбы, отдела ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения».

По воспоминаниям сотрудников музея переписка с писательницей началась в конце 1950-х годов. В 1958 году М.С. Шагинян передала в дар музею документы, книги, фотографии. Не забывали о своей знаменитой землячке жители города Ростова-на-Дону (с января 1929 года Ростов-на-Дону и Нахичевань-на-Дону), передавая в музей прижизненные издания писательницы.

В январе 2010 года Светлана Мелконовна Хачикян, заведующая отделом «Музей русско-армянской дружбы» Ростовского областного музея краеведения, встретила с талантливой художницей Мирель Шагинян, дочерью Мариэтты Сергеевны Шагинян. Мирель Яковлевна Шагинян, по праву рождения считав-

шая себя ростовчанкой, пополнила коллекцию музея личными вещами, фотографиями известной писательницы.

Значимым событием для Ростовского областного музея краеведения стала передача кандидатом биологических наук Еленой Викторовной Шагинян, внучкой Мариэтты Сергеевны Шагинян, переписки сестер Мариэтты и Магдалины Шагинян, лично Мариэтты Сергеевны Шагинян с родными, друзьями (письма семьи Лисициан) [5], поклонниками ее таланта, издателями («Мусaget», «Парус») [6]. Всего было передано в музей 255 писем.

Письма, отправляемые М.С. Шагинян, информативны, логичны, эмоциональны. Пепронэ (Пепрония) Яковлевна, мать писательницы – один из самых важных ее адресатов. Любящая дочь писала ей из Москвы, Геленджика, Тифлиса, т.е. отовсюду, где бы она ни находилась.

Ранние письма в переданной коллекции датируются 1903-1905 годами, написаны во время обучения в 6-7-м классах гимназии Л.Ф. Ржевской в Москве, куда после смерти отца ее отвезла тетя, крестная, Ашхен Джамгарова из Нахичевани-на-Дону. В одном из писем Мариэтта Шагинян делится своими творческими планами: «...Написала очень красивую поэмусказку, с оригинальной и прекрасной идеей и посвятила ее папе. Первый сборник стихов будет посвящен ему же» (1904).

В дар музею также были переданы книги и брошюры, изданные в 1918-1919 годах, среди них книга в невзрачном сером бумажном переплете «Повесть о двух сестрах и о волшебной стране Мэрце», опубликованная М.С. Шагинян в Ростовском-на-Дону издательстве «Детский мир» в 1919 году. Проиллюстрировал книгу художник Аким Карпович Ованесов, ученик художника К.А. Савицкого, уроженец города Нахичевани-на-Дону. На первый взгляд это издание ничем не примечательно. Но трогательная сказка о приключениях двух сестер Маши и Лены, открывших для себя волшебную страну, воспринимается иначе, если взглянуть в рисунки художника Акима Карповича Ованесова. На иллюстрациях к тексту, как и положено, изображены героини повести и их родители, но если внимательно к ним присмотреться, то в чинно сидящих за столом мужчине и женщине, родителях девочки, угадываются Сергей Давыдович и Пепрония Яковлевна Шагинян, да и юные мечтательницы, геро-

ини книги, напоминают неразлучных сестер Муху (Мариэтту) и Лину (Магдалину). В воспоминаниях художника не сохранились сведения о работе над книгой Мариэтты Сергеевны, но представляется возможным предположить, что Аким Карпович Ованесов сделал это не случайно. История семьи была известна в городе.

Талант М.С. Шагинян ввел в круг ее общения известных художников, архитекторов, писателей, журналистов, ученых. Внимательное изучение ее наследия приводит к мысли, что далеко не все известно о жизни признанной писательницы.

Неподдельный интерес к жизни и творческому наследию М.С. Шагинян выразился в идее проведения ежегодных Шагиняновских чтений.

3 апреля 2014 года в Музее русско-армянской дружбы (отдел ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения») на площади Свободы, 14 состоялись I-е Шагиняновские чтения. К их началу было приурочено открытие выставки новых поступлений «Из семейного архива М.С. Шагинян».

Организационным комитетом по проведению ежегодных Шагиняновских чтений было принято решение о сохранении данной традиции.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Человек и Время. М., 1982.
2. *Рязанов В.В.* От первого приюта до наших дней. Ростов-на-Дону, 2011.
3. Сборник «Аким Ованесов. Жизнь замечательных нахичеванцев». Ростов-на-Дону, 2013.
4. *Шагинян М.С.* Автобиография. М., 1954.
5. Переписка С.С. и Н.С. Лисициан с М.С. Шагинян // Материалы Вторых Шагиняновских чтений Ростов-на-Дону, 2015.
6. Коллекция писем семьи Шагинян КП26556/1-142

Стопченко Н.И.

РУССКО-АРМЯНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СИНТЕЗ В ТВОРЧЕСТВЕ М.С. ШАГИНЯН

*«Я ответвилась от этого народа,
поросла его веточкой –
и мне стало жизненно важно
разобраться в судьбах армянского народа».*
М.С. Шагинян

Если в раннем творчестве М.С. Шагинян-поэта проявилось сознательное сближение противоположных восточно-западных традиций, то *русско-армянскому синтезу* в ее прозе свойственна гармония и целостность творческих устремлений. «Две силы, два противоположных начала в созидательной натуре русской армянки, скрещиваясь, переплетаясь в нечто новое, единое, направляли ее творческую жизнь большого художника. Объяснение данного феномена базируется на том, что историческая миссия армянского народа (с формулой «Армения – авангард Европы в Азии») реализована всем ходом его развития – искать и обрести синтез Востока и Запада. Это стремление убедительно отразилось в раннем поэтическом творчестве М. Шагинян – ярком носителе двуединства народного духа» [1, с. 4]. Взыскательный литературный критик Серебряного века Ю. Айхенвальд оценил в сборнике стихотворений «*Orientalia*» (1913), выдержавшим семь изданий, «образность и мудрость поэтессы», которые она «получила от своего *родного востока*», показав себя «достойной дочерью его», а в прозе М.С. Шагинян «много художественной легкости, изящества, остроумия, видна умелая техника и от грациозных нажимов пера выступают яркие и живые фигуры» [2, с. 497, 500].

Сознавая важность своих намерений художника, она стремилась отразить их и в своих содержательных мемуарах, начиная с биографических воспоминаний о *семейной атмосфере* и *многообразных культурных связях*. Подводя итоги своей творческой и человеческой жизни, даровитая русско-армянская писательница мотивирует данное обстоятельство: «Наша семья была частью

московской армянской колонии, но практически жила интересами и жизнью московско-русской интеллигенции. *Русское начало* проникало во все поры нашего дома... *Я ответвилась* от этого народа, *поросла его веточкой* – и мне стало *жизненно важно разобраться* в судьбах армянского народа, осевшего колониями на русской земле... А мы выросли плотью от плоти русской интеллигенции» [3, 1, с. 71]. Вместе с тем она всегда интересовалась своей прародиной – Арменией. И своим многожанровым литературным наследием М.С. Шагинян стремилась действительно разобраться в судьбах армянского и русского народов и их культур, обнаруживая масштабность понимания того и другого. «Армянские колонии построили города Новый Нахичевань и Григориополь, они участвовали в застройке Феодосии, Армавира, Кизляра, они строились и оседали в Астрахани, Петербурге, Москве... Судя по архивным данным, первая колония их образовалась еще в XI веке в Киеве и одна из древнейших в Москве – в Китай-городе» [3, 1, с. 18]. Всевозможные контакты армян с Россией начались, как видим, давно.

В другой главе своих воспоминаний М.С. Шагинян рассматривала русскую тему: «Вот наша великая русская литература подняла престиж русского человека за границей. Чем? Идеалами, отсутствием зависти, умением понимать и любить все хорошее у других, как свое, широким чувством человека и человечности вообще» [3, 1, с. 41]. Безусловно, она понимала, что русско-армянские культурные связи отражают многовековую историю, на протяжении которой складывалась дружба двух народов, исповедующих единую христианскую веру и разделяющих общие духовные ценности [4, с. 5]. Она лично знала, что армяне, проживающие на Донской земле, связаны с русским народом вековыми узами взаимного уважения, доверия и труда.

Обладая глубоким художественно-философским мышлением, она *объяла* лучшие духовные и творческие силы двух народов, проникнув в сущность многих сложных социальных и культурных явлений XX века. Писательница глубоко освоила их богатейшие традиции культуры и искусства, что позволило ей отразить национальный исторический опыт в проникновенной самобытности. Характерологическое исследование русской и армянской народной души в произведениях М.С. Шагинян

предстает определяющей чертой наследия М.С. Шагинян, убежденно заявившей в одном из своих романов о том, что «всякий человек носит свою судьбу в себе самом» [3, 2, с. 246].

В ее воспоминаниях есть прекрасные страницы, посвященные этому впечатляющему синтезу. «Отец сам начал читать нам Пушкина. У него была особая, непонятная для меня *любовь к Пушкину*, особенно к его «Цыганам»... Образ Пушкина с самого раннего детства стал обраться для нас чем-то таинственным, словно тут он, совсем еще не умер, но это держится в секрете потому, что Пушкин может пострадать... Именно в кишиневский период поэт имел много случаев общаться с *измаильскими армянами*... Я пережила Астапово по-настоящему только сейчас. И вдруг *потянуло* меня на Толстого, не того, кто создал «Войну и мир», «Анну Каренину», а старого Толстого, создателя «толстовства» [3, 1, с. 72, 82, 295]. Уроки русских классиков, в том числе их философская почва-основа, станут фактом прихода ее в большую литературу, но преклонение перед Пушкиным-кумиром будет определяющим на всю жизнь, что весьма многосторонне отразится во многих произведениях.

Она проникла в *суть духовного ядра* русской и армянской темы, этически и эстетически ею осмысленной и приоткрывающей истинно философскую глубину эрудиции. Обладатель тонкого художественного вкуса, М.С. Шагинян отмечала красоты осенних пейзажей русского Севера, отразившиеся в знакомой пушкинской строке «в багрец и золото одетые леса», и отдавала должное красоте природы своей горной прародины. В ее «Путешествии по Советской Армении» присутствуют многоговорящие параллели: «Есть странная, необъяснимая связь между красками неба и камня, характером небесного пейзажа и окраской местных минералов... На Урале замечаешь это по яшме, как бы повторяющей удивительные тона и рисунки уральского неба. В Армении... та сухость, легкость, перистость, необычайная, едва касающаяся глаза нежность тона и рисунка, какую невольно подмечаешь и в небе и в камне» [3, 9, с. 354-355].

Их познание позволяет нам проникнуть в базисно смысловой уровень русско-армянского художественного синтеза, основу восприятия которого составляет изначальная духовность, тра-

диционный характер и менталитет двух народов, полнокровно и многосторонне раскрываемые ее наследием. Смысл исторического бытия новой России, когда оба народа жили в одном великом государстве, фиксируется *объективацией национального начала* и предстает немеркнувшей памятью народов, в которой они хранят свои корни и реализуют творческий и интеллектуальный потенциал. «Подобно тому, как на Урале в отдаленные времена варили в ямах, заменявших самую примитивную печь, железо из богатых уральских руд, – так и древнейшие народы Армении с незапамятных времен умели использовать медную руду» [3, 9, с. 356]. Есть в этой глубокой работе писательницы места, свидетельствующие и об исторической памяти наших народов: «В битве при Грюнвальде (1410)... бок о бок со Смоленскими полками *сражались армянские отряды*, набранные из жителей европейских армянских колоний. Каждое завоевание Россией городов, где имелось армянское население, сопровождалось восторженным отношением этого населения к русской армии как освободительнице» [3, 9, с. 413].

В романе «Гидроцентральный» (1931), встреченном с большим интересом широкой аудиторией, М.С. Шагинян рассказала о строительстве ГЭС в Армении, возникновении новых, дружеских и доброжелательных отношениях между тружениками многих национальностей. Глубокая разработка *темы труда*, «огромная напряженная работа» над которой сделалась «великим наслаждением» [3, 4, с. 10], опиралась на опыт ее многолетнего пребывания на стройке. «Республика строила; республика начинала втягивать приезжих армян: одни постепенно возвращались домой – из России, из чужих стран, куда бежали в дни дашнакской власти; другие впервые ехали сюда, в «страну отцов», прослышав, что стала она советской свободной республикой... Опьяненные воздухом, шли мимо мужчины, раздувая усы улыбкой. Их лица, подобно почтовым маркам с десятками печатей, открывали умному зрителю все многообразие прошлого, истоптанного большой дорогой кочевников, переселением народов, вечным транзитом на стыке Востока и Запада» [3, 3, с. 266]. Четкое развитие фабулы и образной системы сочетаются в романе с обилием технической информации, делая его одним из лучших образцов советского «производственного романа»,

ставшего одновременно *мировоззренческим*, философским. Он отразил героизм индустриального роста страны и процесс воспитания нового человека. Так, художник Аршак Гнуни утверждает в диалоге: «Понимаете вы, что живое не стоит на месте, что искусство, как все живое, расти должно, развиваться должно, а не повторять уже пройденное» [3, 3, с. 274]. А колоритный агитатор Арно Арэвян «давно уже заметил, что удовольствие, испытываемое от работы, *от самого процесса работы*, удесятерится, когда можешь увлечь ею, заразить ею других» [3, 3, с. 384]. Рождение новой жизни в «Гидроцентрали», неотделимое от роста сознания и активности масс, связано с большими социальными и культурными переменами в стране и республике. «Четыре года, пережитых эпически и лирически, осенивших меня и личной любовью, и творческим созданием первого большого романа о стройке, и страстным участием в борьбе, разыгравшейся на строительстве» [3, 9, с. 279]. Писательница заслуженно была награждена орденом Трудового Красного Знамени Армянской ССР (1932).

М.С. Шагинян была сформирована *социалистическим странством культуры*, когда высокие идеалы созидания, социальной активности, самоотверженного труда во имя светлого будущего, узы дружбы, взаимопомощи и сотрудничества всех народов великой страны представляли актуальной повседневностью, что позволило художнику внести значимый вклад в ее развитие и обогащение. В развернутой статье «Декада армянского искусства 1939 года» она с удовлетворением писала о смотрах национальных искусств, которые становились «огромным фактом» культурного роста страны. «Если вчера советское искусство и его творцы остро почувствовали надобность «человека в человеке», невозможность создавать настоящие вещи, не зная тех, кто живет и работает, ...то сегодня работники искусств уже испытывают надобность «страны в стране», они почувствовали невозможность дальнейшего роста без обмена опытом между всеми советскими республиками» [3, 7, с. 519-520]. Не раз она отмечала принципиальную важность связей с русским народом, сближении лучшей части армянской интеллигенции с передовой русской интеллигенцией.

Диапазон жизненного опыта и профессиональных наблюдений М.С. Шагинян-человека и художника выглядят необычайно широкими, охватывая все главные события XX века, их творцов и участников. Она была знакома и находилась в добрых отношениях со многими деятелями русской, армянской и мировой культуры. В частности, она дружила с Католикосом Всех Армян Вазгеном I, активно выступала за возвращение Пролетарскому району города Ростова-на-Дону исторического имени Нахичевань, подписывая коллективные письма армянской интеллигенции генсеку Коммунистической партии Л.И. Брежневу. Она была искренней и честной в оценке социокультурной жизни большой страны, верила в силу и справедливость коллективного разума партии, что создавало характерные иллюзии не только для нее, но и для многих собратьев по перу. В трудную минуту М.С. Шагинян помогала известным опальным писателям М. Зощенко, А. Ахматовой, М. Цветаевой и другим. Так, с А. Ахматовой у нее были даже серьезные разногласия из-за отношения той к Советской власти, но в архиве Мариэтты Сергеевны находится подаренная книга «Четки» с теплыми словами автора в ее адрес, а в конце – «С любовью» [5]. М.С. Шагинян дружила со знаменитым композитором С.В. Рахманиновым, с которым долгие годы переписывалась. Безусловно, ее незаурядная эрудиция и определенное авторитетное воздействие бесед с кумиром и другими деятелями музыкальной культуры привели к тому, что она стала читать курс лекций по эстетике и истории искусств в Донской консерватории (1917-1919). Спустя годы Мариэтта Сергеевна проявила себя серьезным автором музыкально-исторических очерков, посвященных Д. Шостаковичу, А. Спендиарову, современной музыкальной жизни страны и зарубежья, автором книги о «чешском Моцарте» Йозефе Мысливечке.

Оставаясь по убеждению *интернационалистом*, она уважала и высоко ценила многих талантливых деятелей литературы и искусства своей многонациональной страны, гордилась тем, что СССР являлся всечеловеческим феноменом. Как тонкий интеллектуал М.С. Шагинян отмечала закономерное внимание москвичей и гостей столицы к краскам и поэзии на сцене Большого театра, когда перед ними «плыла панорама «Спящей красавицы» и «мерцал лебяжий пух в самом нежном и воздушном бале-

те мира «Лебедином озере» П.И. Чайковского. Она с гордостью писала о том, что «в этот мир красоты ворвался новый советский балет «Счастье», ворвался победителем Арам Хачатурян, словно опрокинув на слушателей музыкальный рог изобилия» [3, 7, с. 529].

Оставаясь ответившейся и проросшей «веточкой от армянского народа», она вполне естественно отдавала предпочтение в своих многожанровых трудах *русским и армянским деятелям культуры*, масштабным личностям, близким ей по духу, по творческой манере, ответственному подходу к событиям современности. Под ее пером появилась богатая галерея представителей тех и других, находящихся между собой *в культурно-исторической перекличке и взаимосвязях*. Здесь труднообозримая по обилию имен история русской и армянской литературной и искусствоведческой классики: от очерков о А.С. Пушкине до М.А. Шолохова, С.В. Рахманинова, Д.С. Шостаковича и других крупных мастеров, а также от очерков о М. Маштоце и Х. Абовяне до А. Исаакяна, А. Спендиарова и М. Сарьяна. Так, ее перо благодарно хранит время создания на языке новой армянской литературы исторического романа Х. Абовяна «Раны Армении» (1841), создаваемого в период русско-персидской войны 1826-1828 годов. Тогда «в армянские села и города врвался могучий дух русской культуры», – фиксировала она [3, 9, с. 217] и делает глубокомысленный вывод: «Если б не воздействие русской культуры, если б не русское художественное слово и великая его сила, вряд ли принял бы на свои плечи молодой Абовян единоличный подвиг создания родной литературы, да и вряд ли смог бы его осуществить» [3, 9, с. 417]. С большой политической прозорливостью М. Налбандян, – писала М.С. Шагинян, – «сумел понять, что армянский народ может достичь свободы и обеспечить свое будущее лишь в тесной связи с русским народом и русским освободительным движением» [3, 9, с. 227]. «Прекрасен и бесконечно щедр язык» романа Е. Чаренца «Страна Наири» с подзаголовком «подобный поэме», – заявляла тонкий аналитик. – Он «вполне оправдывает ассоциацию с бессмертными «Мертвыми душами» Гоголя. Персонажи, изображенные Чаренцем, оборачиваются к читателю гротескно-преувеличенными, почти карикатурными, своего рода Собаке-

вичами, Маниловыми, Чичиковыми. «Страна Наири» была сразу встречена ликованием армянской печати» [3, 9, с. 293]. И таких примеров довольно много.

В некрологе «На смерть А. Спендиарова» М.С. Шагинян вписала музыкальное наследие композитора в национальную палитру искусства: «Если бы он жил и работал дольше, мы имели бы своего Глинку, первую нормативную ступень «армянской музыкальной классики» [3, 7, с. 506]. В «Письме съезду советских композиторов» она ссылалась на редкостный случай, который показал «умение одиннадцатилетнего ребенка читать ноты, напеть с нот не фальшивя и тотчас узнать известную мелодию из «Евгения Онегина», вспомнив, на какие слова она написана» [3, 7, с. 484].

В приятных раздумьях над тайной живописи М. Сарьяна, также «побывавшего на стройке Дзорагэса и жадно забиравшего ее на свои полотна», она в который раз обращалась к творческой личности своего кумира: «Он почувствовал приближение минуты, названной Пушкиным «священной жертвой», к которой зовет поэта Аполлон, минуты вдохновения и творчества» [3, 9, с. 305]. Даже в описании географо-климатических особенностей своей прародины Армении она вновь находит ему весомое место: «В 20-х годах прошлого века Пушкин спешил нагнать армию Паскевича, находившуюся тогда под Эрзерумом... Он тонко передал особенности высокогорного климата Армении, чувство свежести и прохлады ее долин» [3, 9, с. 339].

М.С. Шагинян всегда высоко ценила истинную культуру наших народов, вызывавшую постоянное стремление содействовать ее обогащению, развитию и защите. Так, в очерке «И горы наполнились письменами...» она, изучая время и дело М. Маштоца, с глубоким пониманием фиксировала – какой «решающей силой в истории человечества является *духовное орудие культуры*» [3, 9, с. 216]. Один из героев романа «Своя судьба» убежденно заявляет: «Ведь, кроме революции, есть еще культура! Ведь и революции делают, чтоб *двигать дальше культуру*... Я – о чувстве любви к своему клочку земли, своей книге, своему собранному по частям музею, словом, о том, что должно быть очень дорого человеку, из чего *вырастает культура*» [3, 2, с. 277]. Раздумья над ее острейшими проблемами в

обществе определяют примечательную *множественность* ее осмысления. Для нее национальная культура – сложный, противоречивый и движущийся феноменальный организм, стиль жизни, творение «самой жизни» (А. Белый), утрата которого приводит к дефициту человечности. Мыслящая масштабно, она констатировала: «Потребление культуры становится рядом с производством культуры, поскольку весь *народ создает ценности* и весь народ сам их потребляет... Всенародное потребление культуры есть такое же творчество, как производство культуры» [3, 7, с. 483].

М.С. Шагинян была современницей, свидетелем и активным участником сложного созидательного процесса, художником-творцом и в том смысле, что ощущала *свою ответственность* за нравственное состояние *наших народов*, считая своим долгом способствовать утверждению идеалов, составляющих стержень народного мировосприятия и социальных отношений. Усилиями авторской воли писателя вся система идей ее наследия направлена на *обретение духовности*, в чем она видела задачу времени. Воскресение человека к новой жизни, обретение им духовной цельности – только это было основой его дальнейшего осмысления и плодотворного национального пути. Публицистика и художественная проза рельефно отразили ее прогрессивные общественные позиции и покоряющее *правдоискательство* в духе демократических традиций русской и армянской классики.

Исключительные глубина и масштабность проявления русско-армянского художественного синтеза в произведениях М.С. Шагинян, уникального человека-эпохи, дают мощный импульс для сохранения, возрождения и дальнейшего развития русской и армянской культуры. Богатая творческая индивидуальность художника-мыслителя принадлежит двум близким для нее народам. Покоряющая способность собрать воедино свои созидательные усилия и всю полноту человеческого бытия, используя формулу «время – это мы сами», ее великая вера в их братскую дружбу, единение и культурное взаимодействие дают столь необходимую сегодня нравственную опору русской и армянской душе.

Литература

1. *Стопченко Н.И.* Жизнь моя – мировая культура: М. Шагинян (*вступительная статья*) // М.С. Шагинян о дружбе и сотрудничестве народов. Ростов-на-Дону, 2016.
2. *Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей. М., 1991.
3. *Шагинян М.С.* Человек и Время: История человеческого становления // М.С. Шагинян Собр. соч.: в 9 т. М., 1986.
4. *Ванян Л.В.* Исторический опыт российско-армянского культурного взаимодействия в XVIII-XIX вв. Автореф. дис.... к. и. н. Ставрополь, 2012.
5. Автографы. Книги из библиотеки Мариэтты Шагинян // Сост. Н.С. Авдулов, Н.В. Мирзабекова, Е.В. Шагинян. Ростов-на-Дону, 2014.

Тикиджьян Р.Г., Шишова Н.В.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОВЛИЯНИЯ КУЛЬТУР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.С. ШАГИНЯН

Межэтническая и языковая «комплиментарность», общность и универсализм, «соразность» и особость различных национальных культур, их взаимовлияние через литературу, поэзию и музыку, практически постоянно являлись одной из основных тем в многогранном творчестве М.С. Шагинян. Проведенный нами анализ основных произведений на основании изучения 6-томного (1956-1958 гг.) и 9-томного (1986-89 гг.) собрания сочинений, дает широкий ракурс возможностей для предварительной оценки предложенной проблемы и характеристики элементов творческой лаборатории М.С. Шагинян как писателя, ученого и публициста.

Серьезная попытка систематизации результатов творческой и научной деятельности М.С. Шагинян в современной научной историографии, была предпринята исследователями: Н.С. Авдуловым, Т.О. Осиповой, В.В. Смирновым, Н.И. Стопченко, А.П. Марченко и др. Мы разделяем сложившуюся точку зрения оценки ее творчества на *дореволюционный* 1908-1917 гг., *революционный* и *постреволюционный* 1918-1945 гг. периоды, когда авторские и творческие позиции изменялись и уточнялись, в т.ч. уже и как признанной «советской» писательницы, профессио-

нального публициста, ученого-историка и филолога с 1953 по 1980-е гг. [1].

Проблема отражения взаимовлияния культур, оценки и мнения самой М.С. Шагинян, так же развивались и уточнялись. На наш взгляд, главное в этих оценках – четкое видение и понимание общности и универсальности всех духовных проявлений общечеловеческой, гуманитарной культуры, над узконациональным, националистическим, этнически замкнутым, традиционно-консервативным, бытовым ее пониманием. Эти вопросы философского характера четко проявляются в ее произведениях, романах и повестях историко-философского характера, научно-публицистических исследованиях об известных поэтах, писателях, музыкантах (Гёте, Мысливечеке, Т.Г. Шевченко, Низами и др.), выступлениях на съездах советских писателей, в публицистике 1910-1922 гг., дневниках и воспоминаниях. Особо интересны наблюдения и оценки в статьях: «Еще о Вехах», «О религиозных исканиях современного общества», «Культура и курятник», повести-были «Перемена», публицистические очерки «Путешествие по Советской Армении», «По дорогам пятилетки», «От Мурманска до Керчи», в популярных «Зарубежных письмах» и итоговой философской работе «Человек и время» [2].

Наверное, невозможно понять осмысление данной проблемы писательницей без важнейшего в ее жизни дела – неумной энергии и жаде путешествий, т.н. «образовательного и культурного туризма». Ведь ей удалось побывать почти во всех странах Западной Европы, изъездить и лично изучить весь Юг России, и почти весь СССР. Встречи, общения, личное познание различных культур, знания нескольких языков (в т.ч. французского), постоянное ведение дневниковых записей и подготовка очерков – вот основа творческой лаборатории М.С. Шагинян.

Известный исследователь и историк культуры В.В. Смирнов правомерно отмечал значение оценок национальных культур в ее известной статье «Культура и курятник». Здесь она определяла два уровня национального самосознания – так называемый разделяющий народы «зоологический национализм» и культуру национального духа, с приятием общечеловеческих ценностей. М.С. Шагинян подвергла жесткой критике национализм «курят-

ника», особо ярко проявившийся в годы мировой и гражданской войн [3, с. 60-62].

Весьма ярко это явление и его страшные последствия отражены и на страницах популярной повести-были «Перемена» (1923 г.). «...Немцы подходят все ближе, взяли Харьков, идут на Ростов. С ними на русскую землю, насилуя русскую волю и разрушая Советы, идут офицеры, не немцы, а русские. Те самые, что в немцев стреляли и не хотели брататься. Теперь побратались. С Украины идут гайдамаки, приплясывают, – усы отпустили такой закорюкой, что совсем иллюстрация к Гоголю, и треплются по весенней степной мокроте шаровары, как юбки, на бойких плясучих лошадках. А мрачные, приученные к смерти корниловцы чистят где-то в степи, совсем недалеко, винтовки, тяготясь идти с немцами и настроливаясь на город откуда-то сбоку. В Баку же татары, восстав, режут армян днем и ночью. Пылают армянские села. А сами армяне, где могут, днем и ночью режут татар. Поезда не пускаются дальше Петровска. Обнадеженные прежде времени под Новочеркасском, восстали казаки. Собрав распыленные части, большевики отогнали казаков. Били в Новочеркасске, холодным штыком добивали, шпарили жаркими пульками, пульверизировали дымом, картечью и кровью. Жарко и мокро дышалось на улицах Новочеркаска» [4, с. 536-537].

«Перемена» и новый советский социалистический строй несут и свои новые изменения в отношениях между народами. В романе «Гидроцентральный» писательница раскрывает ситуацию, как на новостройках первых пятилеток в Армении плечом к плечу работают и строят «новый мир» различные по национальности и культуре народы, «позавчера» еще враждебно настроенные друг к другу. Глубоко понимая культурную среду и писательскую элиту, она была критична к части интеллигенции, не разделяющей позитив «перемены». Огромное значение видела она в роли развития и взаимовлияния языков и народной литературы, о чем горячо спорила на Первом съезде писателей в 1934 году [5, с. 127-133].

Известный исследователь творчества М.С. Шагинян, А.В. Ляшенко констатирует, что ее произведения о жизни и творче-

стве реальных личностей прошлого – это значительное и целостное явление в советской историко-биографической литературе. Много лет отдавала она свой вдохновенный талант художника, знания ученого, опыт публициста созданию произведений о выдающихся деятелях культуры и искусства, причем, не взирая на их конкретную национально-этническую принадлежность. Литература, музыка, педагогика, в которых проявляли свое гуманитарное величие эти деятели культуры, – вот неизменные темы ее размышлений, научных исследований, острых выступлений. Одним из постоянных объектов ее художественного и научно-исследовательского воспроизведения является интеллектуальная личность создателей духовных ценностей, универсалий общечеловеческой культуры, дающих «ключи» к взаимопониманию, а, соответственно, и взаимовлиянию национальных культурных миров. Ее герои – известные поэты и писатели – Шевченко и Гёте, Рахманинов и Мысливечек – талантливые композиторы и музыканты. Множество портретов современников – творцов русской и мировой культуры вошло и в очерки «Зарубежные письма» и мемуары «Человек и Время», в «Этюды о Низами» [6].

Среди ее историко-биографических произведений «Тарас Шевченко» занимает особое место (работа удостоена научной степени доктора филологических наук). С этой работой связано создание всех других ее исследований об основоположниках национальных культур. «Изучение творчества Тараса Шевченко помогло мне потом в моих работах о Гёте, Яне Амосе Коменском, Вильяме Блэйке и об армянских классиках – М. Налбандяне, Хачатуре Абовяне», – считала сама М.С. Шагинян. В книге об украинском поэте отразился целый этап формирования единства народов и литератур многонациональной советской страны, и празднование 120-летия писателя стало праздником для всех культур народов Советского Союза. Работа создавалась после Первого съезда писателей в благоприятных условиях подъема культур народов СССР, в обстановке всеобщего интереса к ним, в период интенсивного освоения «эстетического материка другой нации».

Для чешского и других народов Европы и мира, по словам литературного критика Милана Юнгмана, в своем исследовании

«Воскрешении из мертвых», М.С. Шагинян, открыла великую личность Мысливечека – современника В.А. Моцарта, определив его место в музыкальной культуре XVIII века, по праву ему принадлежащее.

Высоко оценены читателями и литературными критиками ее работы о творцах литератур народов СССР: они дают новое представление об известных исторических личностях, ярких деятелях культуры как национальной, так и универсальной составляющей их творчества: армянском писателе – Хачатуре Абовяне, осетинском поэте Коста Хетагурове, крупнейшем азербайджанском мыслителе и поэте Низами (в т.ч. оценка его самой сложной философской поэмы «Сокровищница тайн»).

На наш взгляд, особый интерес в оценке понимания М.С. Шагинян взаимовлияния культур в новых условиях развития и реальной жизни народов СССР, стали ее очерки «Путешествие по Советской Армении», за которые писательница получила Государственную премию. Здесь мы видим внимательный и вдумчивый анализ произошедших за 30 лет перемен. «В Армении, кроме армян, имеются и другие национальности: русские, азербайджанцы, курды, ... почти все население Армении говорит по-русски». Особое внимание она уделяла вопросам нормализации отношений между армянами и азербайджанцами. Исследуя историю малого народа курдов-езидов, она констатировала: «...резко изменилась после революции судьба курдов в Армении. Народ, не имевший до Октябрьской революции своей письменности и почти не оседлый, получил свой шрифт, свои учебники, свои школы, воспитал собственную интеллигенцию». Созданы научные кадры, свой курдский театр, появились свои поэты и писатели, например, Джаури Дженды, Везир Надиров и др. При этом сохраняется и традиционная культура курдского народа, ее значимые этнокультурные основы, например, в старинном селе – «Кандахсаз». Однако при этом, – отмечала автор, – в период празднования 150-летнего юбилея А.С. Пушкина, здесь его стихи звонко читают на курдском и русском языках [7, с. 250-255, 412-414]. Вот яркий пример взаимовлияния культур в контексте советской национальной политики.

Анализ послевоенной публицистики М.С. Шагинян показывает, что еще недостаточно полно изучены и осмыслены ее ис-

торико-философские оценки материальной и духовной «культуры времени». Большой интерес здесь представляет серия публицистических очерков: «От Мурманска до Керчи» (её путешествия с русского «поморского» Севера на многонациональный и уникальный в культурном отношении Юг, в Российский советский Крым. Сегодня эти наблюдения и оценки, сделанные в 1953 году, т.е. до формальной передачи Крыма в состав УССР в 1954 году, весьма актуальны и по сей день.

Из двух очерков «Керченская селедка» и «Глубь тысячелетий», последний дает нам больше оснований увидеть творческую лабораторию и философско-историческую позицию автора в оценке «культурного и исторического времени», роли этих территорий и народов в мировой и отечественной истории и культуре. Внимательный анализ очерка позволяет выделить несколько успешно решенных авторских задач: философско-исторической оценки исторического и культурного времени, и прикладной задачи – оценки огромной работы дореволюционной и советской археологической науки на территории Керченского полуострова и Крыма. М.С. Шагинян дала характеристику новых достижений в исследованиях и открытиях советской археологии с 1932 по 1952 гг.: городов-поселений: Керчи, Тиритакки, Мирмекия, Илурата, Поруфия, на раскопках которых она побывала лично, в т.ч. конкретных итогах результатов работы 17-й экспедиции известного археолога, профессора В.Ф. Гайдукевича.

В данных очерках особо сказывается любовь и привязанность автора к этим замечательным «историческим местам», где проросли «генетические корни» и самой М.С. Шагинян, – местах бывшего проживания крымских армян, переселившихся затем в Приазовье в конце XVIII века. Здесь же и «творческие корни», связи и общение с поэтами и писателями «Серебряного века», сообщества М.А. Волошина в поселке Коктебель, где писательница приобрела небольшой дачный домик. Осмысливая увиденное на раскопках и в музеях, М.С. Шагинян четко определила, что именно здесь с вершины знаменитой горы Митридата «...можно заглянуть и вглубь времени, увидеть на три тысячелетия назад, задуматься над пройденными тут ступенями развития разных культур и народов: древних обитателей этих мест

– сначала киммерийцев, а потом скифов и сарматов, античных греков, пришедших сюда торговать и «эллинизировать» Крым... А самое замечательное в этой смычке веков – обжитость, обработанность одних и тех же уголков земли, куда упорно, тысячами тянется воля человека». Еще одно значимое суждение мы видим в этом очерке – это определение значимости науки, как важнейшего универсального фактора взаимосвязи любых культур. ...Люди новые, советские, через две с лишним тысячи лет хозяйственно изучают и восстанавливают угасшую, далекую жизнь... Нет не угасшую, а продолжающуюся в ...науке!». А в заключении философская формула культурной универсалии, гуманистической роли культуры, в лучших ее проявлениях, дающая понимание взаимосвязи различных культур через ту самую «глубь тысячелетий»: «...И как бессмертна жизнь, связанная умной памятью поколений! (т.е. *культурной памятью*). На одной из каменных плит, стоящих у входа в Царский курган, прочитали мы греческую надпись, звучащую как пожелание потомкам: «С добрым счастьем» [8, с. 562-573].

Множество важных оценок данной проблемы, по мнению Н.И. Стопченко, озвучено М.С. Шагинян в ее интереснейших «Зарубежных письмах».

Завершая предварительный анализ этой сложной проблемы, хочется особо выделить «письмо» «В библиотеках Европы», в котором автор раскрыла универсальный смысл библиотек, как «кладезя культуры всех народов», а так же конкретного народа и личности. Итоговой «философской аксиомой» для современников и потомков, звучит ее признание после долгой беседы в одной из библиотек с известным французским ученым-искусствоведом Ритой Назагранде: «...общность интересов как-то стирала разницу языков, национальностей, общественных структур наших Отечеств» – вот основа межкультурной коммуникации и взаимовлияния культур в понимании М.С. Шагинян [9, с. 653-654].

Литература

1. Культура в жизни и творчестве М.С. Шагинян // Материалы Первых Шагиняновских чтений, Ростов-на-Дону, 2014; Литературное

наследие Мариэтты Шагинян и современность // Материалы Вторых Шагиняновских чтений Ростов-на-Дону, 2015.

2. *Шагинян М.С.* Собр. соч.: в 9 т. М., 1986.

3. *Смирнов В.В.* Публицистика М.С. Шагинян: на гребне исторических проблем // Литературное наследие Мариэтты Шагинян и современность. Ростов-на-Дону, 2015.

4. *Шагинян М.С.* Перемена. Повесть-быль. Собр. соч.: в 9 т. Т. 2. М., 1986.

5. Речь на первом съезде писателей (стенограмма 1934 г.) // М.С. Шагинян о литературе и писателях. Сборник статей / под ред. Н.С. Авдулова, Н.И. Стопченко. Ростов-на-Дону, 2015.

6. *Ляшенко А.В.* «Тарас Шевченко» Мариэтты Шагинян и историко-биографический роман в советской литературе. 1983, Научная библиотека диссертаций и авторефератов. – Эл. ресурс – disserCat<http://www.dissercat.com/content/taras-shevchenko-marietty-shaginyan-i-istoriko-biograficheskii-roman-v-sovetskoi-literature#ixzz46yORxvfK>

7. *Шагинян М.С.* Путешествие по Советской Армении. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. М., 1957.

8. *Шагинян М.С.* Глубь тысячелетий. Собр. соч.: в 6 т., Т. 4. М., 1957.

9. *Шагинян М.С.* Зарубежные письма. М., 1977. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat<http://www.dissercat.com/content/taras-shevchenko-marietty-shaginyan-i-istoriko-biograficheskii-roman-v-sovetskoi-literature#ixzz41jb7x3zN>

Шукина Е.Л.

М.С. ШАГИНЯН И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА НАЧАЛА ХХ ВЕКА

В начале ХХ века в развитии искусства и культуры крупных провинциальных городов донского региона стали происходить качественные сдвиги. Следует отметить, что прослеживается общий подъем музыкальной культуры в России и не только среди музыкантов, но и среди слушателей. Этому способствовали: большое число музыкальных площадок с концертами симфонической, камерно-инструментальной, вокальной музыки; гастроли оперных трупп, выдающихся дирижеров и исполнителей из разных стран Европы, нотные издательства, серьезная музыкальная критика и выпуск «Русской музыкальной газеты».

Активная, творческая деятельность представителей художественной интеллигенции была связана с созданием сети культурных и учебных учреждений на территории Ростова-на-Дону и Нахичевани, с усилением влияния на умы и сердца широкой публики, молодежи, приобщением ее к сфере искусства. Устраивалось большое количество концертов с разнообразной музыкой, рассчитанной на привлечение различных категорий слушателей. В концертах звучала и симфоническая, и камерная, и оперная, и хоровая музыка, небольшие пьесы для фортепьяно и других инструментов.

Одним из представителей художественной интеллигенции являлась начинающая писательница Мариэтта Сергеевна Шагинян, чьи публицистические статьи в газете «Приазовский край» играли определенную роль в культурной жизни провинциальных городов, влияя на формирование эстетических вкусов публики. Прекрасным литературным языком, доступностью изложения сложных музыковедческих проблем и, в частности, анализом сочинений Л. Бетховена, С. Рахманинова, А. Скрябина, других композиторов отличались ее большие статьи, публиковавшиеся под рубрикой «Литературный дневник». Мариэтта Сергеевна Шагинян считала, что «музыка – необходимый элемент культуры, без которой не может сформироваться облик народа» [1].

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть социокультурную жизнь провинциального города сквозь призму деятельности наиболее ярких представителей художественной интеллигенции, которые верили, что средствами искусства возможно привести положительные изменения в реальную жизнь, как всего общества, так и отдельно взятого человека.

Со временем музыкальное образование стало общественной потребностью. Развиваясь в двух формах, как домашнего обучения и как учебной дисциплины в гимназиях, оно способствовало образованию новой среды – среды любителей музыки, которая так помогла разнообразить музыкальную жизнь города. Слушатель стал более «демократичен», музыка вышла из аристократических салонов и стала доступна «маленьким людям» – обычному населению городов.

Практически все музыкальные концерты, постановки драматических спектаклей, опер, оперетт привлекали внимание местных критиков. Историческое значение этих критических материалов должно быть оценено, на наш взгляд, весьма высоко. По частоте появляющихся критических материалов, освещающих любые музыкальные, театральные, художественные события, независимо от их характера и степени важности, можно с уверенностью предположить, что ни один концерт, ни один музыкальный и драматический спектакль не остался незамеченным. Газетные материалы могли бы послужить основой для создания летописи социокультурной жизни донского региона начала XX столетия.

По традиции того времени, авторы газетных материалов не всегда подписывались подлинными именами, чаще – псевдонимами. Некоторые статьи анонимны, под другими стоят либо инициалы: А.В., А.К.А., В.А., В. Х-нь, Г.К., Е.Ш-ъ, Е.С., К., С.П., Х., либо псевдонимы: Лоэнгрин, Пессимист, Свежий, И.П. Чужой, Allegro, lolo, Sandro, либо такие подписи, которые внешне напоминают фамилии: Вольм, Г. Кеч. Архив редакции не сохранился, поэтому расшифровать можно только некоторые из них, благодаря специальным словарям. Под полной и сокращенной фамилией Ш., встречаются статьи М.С. Шагинян с 1915 по 1919 г., в которых она помогала читателям разобраться в такой довольно сложной области искусства, как музыка. Уже в данных статьях ощущается одаренность и хороший литературный язык автора, демонстрирующий широкий общефилософский подход к музыке как к явлению мировой культуры.

Статьи местных критиков сохранили имена преподавателей музыкальных училищ, классов, которые часто выступали с концертами, поднимали своими силами музыкальную культуру донского региона – Гартмут, Калинин, Попов, Старжи, Стернад, Озилинский, Цейтлин, Зелихман, Образцов, Герц, Кириллов, Бриг, Федоров, Хлебников, Маршадт, Бибчук.

В 1875 году в Ростове было организовано Музыкальное общество и музыкальные классы при нем, преобразованные впоследствии в отделение Императорского русского музыкального общества. Музыкальное училище открывается в 1900 году, в нем устраиваются открытые ученические концерты, выступают

педагоги, проводятся квартетные собрания и сонатные вечера – все это благодаря организационной работе и при участии Матвея Пресмана – первого директора училища, пианиста, друга и соученика С. Рахманинова и А. Скрябина. В 1909 году дирекция ростовского отделения ИРМО, идя навстречу нуждам нахичеванцев, открыла там музыкальное училище, причем преподавание всех музыкальных предметов было поручено педагогическому персоналу ростовского отделения ИРМО. Также в Ростове имелся ряд музыкальных школ, в том числе, школа ИРМО, появилось обилие частных учебных заведений: музыкальные курсы А.М. Гиршова, М.А. Вульфмана, Г. Когбетлиева и др.

Постепенно музыкальное обучение получило широкое распространение. Являясь элементом воспитания, оно стало необходимым в частных пансионатах и других учебных заведениях. Интерес к музыке настолько возрос, что каждый, открывающий пансион, специально подчеркивал наличие в его программе музыкальных занятий. В общеобразовательных учебных заведениях, наряду с обучением игре на фортепьяно, вводились занятия и на других инструментах. В Петровском реальном училище обучали также и игре на скрипке, альте, виолончели, флейте, кларнете, валторне, трубе и контрабасе.

Но не везде музыкальные занятия были организованы на должном уровне. В некоторых училищах отношение к искусству было дилетантское, и обучение музыке велось с расчетом на будущее светское времяпровождение. В женских учебных заведениях преподавание музыки было более серьезным, благодаря чему лучшие воспитанницы могли заняться в будущем педагогической деятельностью. Они получали возможность иметь частную практику и служить гувернантками.

О растущем интересе к музыкальному исполнительству среди ростовчан свидетельствует появление музыкальных магазинов – Г. Адлера, П. Бирке, Г. Шалаева и Е.Н. Гершковича, многочисленные сообщения в местной печати о продаже нот, музыкальных инструментов. Газеты все чаще стали помещать на своих страницах объявления о приглашении учителей, знающих языки и музыку, или о предложениях местных или приезжих музыкантов давать уроки музыки. Частное преподавание не ставило профессиональных задач, оно ограничивалось лишь разу-

чиванием легких пьес и игрой «музыки для слуха». Репертуар соответствовал целям: центральное место в нем занимали несложные салонные пьесы, многочисленные романсы, ноктюрны, танцевальные мелодии, заимствованные из популярных изданий того времени.

Значительный вклад в развитие музыкальной жизни дореволюционного Ростова привнес Матвей Леонтьевич Пресман – коренной ростовчанин, получивший образование в Московской консерватории и обучавшийся у выдающихся пианистов-педагогов того времени Н.С. Зверева и В.И. Сафонова. М. Пресман преподавал в Ростове свыше 20 лет. Он много работал над развитием серьезного музыкального образования, большое количество его учеников заняли заметное место в культурной жизни Ростова, Нахичевани и городов области. М. Пресман преподавал фортепиано, теоретические предметы, вел класс ансамбля, руководил хором и симфоническим оркестром, выступал как солист и ансамблист в публичных концертах, редактировал многие нотные издания (в том числе сонаты Гайдна, Бетховена, произведения русских композиторов), а также сочинял мелкие фортепианные пьесы и романсы, делал транскрипции для фортепиано, исполнявшиеся учащимися его огромного класса (более 40 учеников). Как педагог он отличался большой работоспособностью. Устраиваемые М. Пресманом камерные и квартетные вечера, симфонические концерты с участием видных гастролеров, приглашения лучших концертантов и музыкальных лекторов вызывали большой интерес у местной публики [2]. Кроме того, М. Пресман выступал на страницах центральной и местной периодической печати с конкретными предложениями по реорганизации работы отделений ИРМО. Он предлагал «подумать о том, чтобы педагогическим учреждениям ИРМО были предоставлены права гражданства наравне с другими педагогическими учреждениями». Считал, что «музыкальное искусство также облагораживает людей и способствует их культурному развитию, и пора избавить музыкально-педагогические учреждения от жалкого прозябания и подачек «добрых людей» [3, с. 483].

Подобная позиция привела к конфликту между М. Пресманом и местной дирекцией Ростовского отделения ИРМО, кото-

рый широко обсуждался прессой. Пресман обратился за поддержкой к соученику по Московской консерватории и другу С.В. Рахманинову, занимавшему тогда высший в России музыкально-административный пост помощника председателя по музыкальной части Главной дирекции ИРМО. В письмах к председателю и вице-председателю Главной дирекции С.В. Рахманинов «поддержал директора училища против дирекции РО ИРМО» [4, с. 30]. Конфликт «кончился финалом маловероятным с точки зрения обычной человеческой логики. М. Пресман из училища уволен. С.В. Рахманинов вышел из членов Главной дирекции ИРМО» [5]. Два года М. Пресман был директором Саратовской консерватории, а с сентября 1915 года вернулся в Ростов, где организовал музыкальные курсы.

Директором ростовского музыкального училища, после М. Пресмана, с 1912 года был Николай Константинович Авьерино – выпускник Московской консерватории (класс профессора И.В. Гржимали), скрипач, альтист, дирижер, педагог. Авьерино руководил оркестром и хором училища, вел квартетный класс, выступал в камерных концертах с пианистом И. Добровейном [6]. Дирекция училища под руководством Авьерино прилагала большие старания к устройству оперных спектаклей, «чтобы учащиеся, окончившие училище, не только были музыкально образованы, но и имели бы, хотя небольшой, готовый репертуар для поступления на оперную сцену» [7]. Будучи членом дирекции Ростовского отделения ИРМО, профессор Н. Авьерино надеялся, что ему удастся за два-три года расширить отделение настолько, что станет возможно хлопотать об открытии здесь консерватории. Он, вслед за М. Пресманом и М. Гнесиным считал, что для этого в Ростове имеются все данные [8].

Н. Авьерино был другом С.В. Рахманинова, как и М. Пресман, и М.С. Шагинян, что способствовало приездам и выступлениям с гастрольями великого русского композитора. К своим выступлениям С. Рахманинов всегда относился очень требовательно и тщательно готовился к ним. Много интересного сообщает о выступлении в октябре 1915 г. М.С. Шагинян. «Исполнение Рахманиновым Скрябина для всех музыкантов и любителей музыки явилось полнейшей неожиданностью. Одни считали это с его стороны «дьявольским ходом», желанием «разобла-

чить, раздеть» Скрябина; другие возмущались «порчей» Скрябина, которого Рахманинов, по их мнению, огрубил и превратил в «terre a terre» (сделал чересчур земными), и что после «серебристого» исполнения самого Скрябина, в котором оживают все мельчайшие нюансы, слушать «прозаическую» игру Рахманинова просто невозможно. И, наконец, третьи видели в его исполнении только «акт благородства, потому что он – благороднейший человек» [9, с. 137-138]. В этом концерте Рахманинов играл произведения Скрябина, впервые исполнявшиеся в Ростове и посвященные памяти недавно ушедшего из жизни артиста.

Развитию музыкальной жизни региона, углублению эстетических чувств провинциальной публики помимо гастролей выдающихся пианистов и композиторов С. Рахманинова, Н. Скрябина, Р. Глиэра, А. Рубинштейна, М.М. Иполлитова-Иванова, также способствовала деятельность М.Ф. Гнесина. Как композитор он считался заслуживающим внимания, хотя его творчество и не получило широкого распространения, как педагог он давал уроки по теории музыки на некоторых частных курсах, как литератор он сотрудничал в разных изданиях, кроме того, Гнесин был интересным докладчиком и хорошим аккомпаниатором [10]. До революции 1917 г. М. Гнесин руководил музыкальными кружками рабочих в Ростове, созданными по его инициативе, основал одну из первых в России городскую публичную музыкальную библиотеку (общество «Музыкальная библиотека имени Н.А. Римского-Корсакова»). Этой библиотеке композитор безвозмездно передал огромное количество собственных книг и нот. После октябрьской революции 1917 г. М. Гнесин был организатором и некоторое время директором консерватории, первым ее профессором по классу композиции. Многие донские композиторы начинали свою творческую жизнь под его руководством. Михаил Фабианович принимал живое участие в местной печати, выступал со статьями о музыкальной жизни города.

Знакомясь с высказываниями М. Гнесина о свойствах музыки как искусства, всегда ощущается его заинтересованность в том, чтобы доказать, что искусство доступно самой широкой слушательской аудитории. В 1910 году Гнесин писал: «Музыкальная восприимчивость массы очень велика: людей, обладающих элементарными музыкальными способностями и склонных к заня-

тию музыкой, – множество. Музыка могла бы разлиться по всем слоям общества» [11]. Уже тогда Гнесин мечтал о массовом музыкальном движении и распространял свои передовые идеи на систему музыкально-профессионального образования. «Мы, современные музыканты, должны совершенно отрешиться от обычного для художников ухода в эстетизм под натиском надвигающейся промышленной культуры. Желая работать для будущего, мы вынуждены врезываться с искусством в самую гущу разнородной человеческой деятельности, всюду насаждая любовь к искусству и отовсюду извлекая материал для собственного творческого воодушевления» [11, с. 154-167].

Жизненная выразительность музыки, способность ее воплощать все богатство душевного мира человека – исходное и безусловное положение всех музыкально-эстетических рассуждений Михаила Фабиановича. Оно было движущим началом его просветительства, ибо выразительные свойства музыки позволяли через знакомство с ней приобщить широкий круг слушателей к духовным ценностям человечества, оказывать на него могучее воспитательное воздействие.

Среди представителей музыкальной интеллигенции следует назвать С.П. Пресмана – дирижера симфонического оркестра Нахичеванского коммерческого клуба. Он стремился сделать концерты более интересными, включал в программу серьезные произведения, что немало способствовало успеху концертов у нахичеванской публики, росту ее культурных запросов [12]. Существенный вклад в сохранение и трансляцию традиционной армянской культуры привнес журналист-фольклорист Ш. Шагинян, который всю свою жизнь занимался собиранием и публикацией фольклора армян Дона [13].

С 1915 года музыкально-концертная жизнь Ростова активизируется в связи с эвакуацией сюда Киевской консерватории. Устраиваются вокально-музыкальные, благотворительные вечера, квартетные собрания, консерватория своими концертами «дала ряд свежих музыкальных впечатлений и повысила общий культурно-эстетический уровень города». По мнению ростовского критика: «Киевская консерватория была для нас красивым значительным эпизодом и ее деятельность будет занесена на лучшие страницы музыкальной летописи нашего города». После

отъезда Киевской консерватории в декабре 1915 года назад, в Ростове неоднократно поднимался вопрос о создании Донской консерватории, но это было реализовано только в 1918 году.

В целом, творческая деятельность музыкальной интеллигенции в исследуемый период значительно активизируется, музыкальное искусство начинает играть довольно заметную роль в социокультурной жизни провинциальных городов донского региона. Просветительская и художественно-воспитательная деятельность представителей музыкальной интеллигенции способствовала расширению слушательской аудитории, привлечению к занятиям музыкой гораздо большего количества учащихся. К 1907 году количество обучившихся в Ростовском музыкальном училище достигло 2692 человек и затем увеличивалось [14]. Рост кадров профессиональных музыкантов-исполнителей, в свою очередь, обогащал музыкальную жизнь Дона. Вклад представителей местной художественной интеллигенции в музыкальную жизнь провинциальных городов донского региона был очень велик и существенное место в этом ряду занимала М.С. Шагинян. Она впитала в себя характерные черты российской интеллигенции: демократизм убеждений, высокие нравственные качества, желание служить народу, бескорыстное служение, связанное с ментальностью старой русской интеллигенции. Их роль и вклад в формировании городской социокультурной среды трудно переоценить.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Музыкальные новости. Литературный дневник // Приазовский край. 1914. 9 марта.
2. М.Л. Пресман – бывший директор // Приазовский край. 1912. 21 августа.
3. М.Л. Пресман. Несколько слов о музыкально-педагогических учреждениях ИРМО // Театр и искусство. 1907. № 30.
4. *Рахманинов С.В.* Литературное наследие. Т. 2. М., 1980.
5. К отставке М. Пресмана // Приазовский край. 1912. 1 июня, 8 июня.
6. В музыкальном училище // Приазовский край. 1913. 21 декабря.
7. В музыкальном училище // Приазовский край. 1912. 14 августа.
8. В музыкальном училище // Приазовский край. 1912. 27 июня.

9. *Шагинян М.С.* Воспоминания о С.В. Рахманинове // Воспоминания о Рахманинове. М., 1988. Т. 2.
10. Гнесин М.Ф. // Приазовский край. 1914. 16 декабря.
11. *Гнесин М.Ф.* Воспоминания о Ростове // М.Ф. Гнесин. Статьи, воспоминания, материалы. М., 1961.
12. Нахичеванский коммерческий клуб // Приазовский край. 1912. 27 мая.
13. *Шагинян Ш.М.* Вековые корни. Ереван, 1980.
14. Отчет РО ИРМО за 1906/1907 учебный год. Ростов-на-Дону, 1907.

СООБЩЕНИЯ УЧАЩИХСЯ ШКОЛ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА ТРЕТЬИХ ШАГИНЯНОВСКИХ ЧТЕНИЯХ

Важной новацией и достижением III Шагиняновских чтений стала организация и подведение итогов конкурса работ учащихся средних образовательных школ Ростовской области «О жизни и литературном наследии М.С. Шагинян» по трем номинациям: доклады и сообщения, художественное чтение, живопись и рисунок. В нем приняли участие учащиеся восьми школ Ростовской области, г. Ростова-на-Дону. 24 победителя этого конкурса выступили на школьных секциях «Чтений». Часть из них отметила, что на этом конкурсе они впервые приобщились к творчеству М.С. Шагинян. Конкурс оказался для них интересным, впечатляющим, расширяющим их умственный и эстетический горизонты.

Жюри конкурса в номинации «*доклады и сообщения*» диплом I степени присудило Бабаяну Георгию и Дереза Анне (гимназия № 14 г. Ростова-на-Дону), диплом II степени – Кубас Ирине (лицей № 13 г. Ростова-на-Дону), диплом III степени – Ширинян Виктории (школа № 1 Мясниковского района Ростовской области).

В номинации «*художественное чтение*» дипломом I степени отмечено выступление Зайцевой Марины (лицей № 13 г. Ростова-на-Дону), дипломом II степени – Григорян Евгении (школа № 12 Мясниковского района Ростовской области), дипломом III степени – Лещевой Анастасии (школа № 2 Мясниковского района Ростовской области).

В номинации «*живопись и рисунок*» диплом I степени присужден Хачкиняну Хачатуру (школа № 2 Мясниковского района Ростовской области), диплом II степени – Рой Александре (школа № 6 Мясниковского района Ростовской области), диплом III степени – Решетниковой Виктории (гимназия № 14 г. Ростова-на-Дону).

Жюри конкурса «О жизни и литературном наследии М.С. Шагинян»

Дереза Анна, Бабаян Георгий
МБОУ Гимназия № 14. г. Ростов-на-Дону

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ И УРОКАХ СУДЬБЫ МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН

*Велел Господь моей душе, когда
В нее вдохнул божественное пламя,
Идти с людьми, идти в юдоль труда,
Исполненную днями и делами.*
М.С. Шагинян «Разлука» (1914)

Эти строки Мариэтты Сергеевны Шагинян весьма точно характеризуют ее личность – личность многогранную, достойную уважения и восхищения. М.С. Шагинян уже при жизни называли «*последним энциклопедистом*». И, действительно, широта ее интересов и глубина познаний поражают.

Конечно, литературная и журналистская деятельность занимали основное место в ее профессиональной жизни. Как писала сама М.С. Шагинян, «...профессиональную работу, печатание, я датирую с пятнадцати лет и горжусь тем, что начала свою трудовую биографию в том же возрасте, в каком ее начинает большая часть производственных рабочих». Но помимо этого она изучала историю и философию, минералогию и кристаллографию, прядильно-ткацкое дело, математику и энергетику. В молодости писательница занималась фехтованием и скалолазанием. Она свободно владела несколькими иностранными языками, очень серьезно увлекалась музыкой. В течение многих десятилетий М.С. Шагинян работала корреспондентом различных газет. Во время своего пребывания в Ростове-на-Дону преподавала в консерватории эстетику и историю искусств. В последующие годы она работала лектором, инструктором ткацкого дела, статистиком, историографом, редактором и переводчиком. Помимо всего прочего она была активным общественным деятелем.

Что касается литературного творчества М.С. Шагинян, то оно охватывает самые различные жанры и затрагивает самые различные области жизни. Это и стихи, и переводы, и романы, и

повести, и рассказы, и очерки, и путевые заметки, и литературоведческие исследования, а также мемуары. Она писала детективы и приключения, писала повести и романы на производственные темы, писала о В.И. Ленине, о гражданской войне, о литературе, музыке, педагогике и философии...

Нельзя не отметить того факта, что с шестнадцати лет у М.С. Шагинян стала развиваться глухота, она плохо слышала. По воспоминаниям ее дочери, Мирэль Шагинян, глухота была настолько сильной, что во время отсутствия слуховых аппаратов ее матери часто приходилось пользоваться специальной слуховой трубкой, один конец которой вставлялся в ухо, а в другой собеседник должен был громко говорить.

В 1931 году, например, Корней Иванович Чуковский сделал в своем дневнике следующую запись о Мариэтте Сергеевне Шагинян: «Как вообще жалко, что она глуха... Глухота играет с ней самые злые шутки... Как-то в Доме искусств она несла дрова и топор – к себе в комнату. Я пожалел ее и сказал: «Дайте мне, я помогу». Она, думая, что я хочу отнять у нее дрова, замахнулась на меня топором...». А вот как сама М.С. Шагинян оценивала свои недостатки в письме Александру Блоку (1921): «...Дело в том, что у меня матовое восприятие мира (плохо слышу и вижу), и нет своего языка. Органичен язык лишь тогда и там, где он речь. Но я не знаю речи; остатки своего слуха я невольно приспосабливаю к бескрасочному услышанию, то есть напрягаюсь услышать, что мне сказали...».

Удивительно, но на фоне таких серьезных физических недостатков она не озлобилась, не замкнулась в себе, а наоборот, вела активнейший образ жизни, как в профессиональном, так и в общественном плане. Она брала интервью у тысяч людей (это при такой-то сильной глухоте!), объездила большую часть Советского Союза, была во многих зарубежных странах, освоила множество профессий и, наконец, самое удивительное – была завсегдаем филармонических концертов и, по воспоминаниям современников, тонко чувствовала классическую музыку!

Причем такая жизненная активность и стремление постоянно познавать что-то новое сохранились в ней до глубокой старости. Получается, что Мариэтта Сергеевна Шагинян в течение своей долгой (а прожила она почти 94 года) и очень плодотворной

жизни была не только свидетелем, но и активным участником событий, происходивших сначала в царской, а затем и в советской России.

Остановимся на тех эпитетах, которыми характеризовали Мариэтту Сергеевну Шагинян ее современники и исследователи ее творчества. Примечательно, что эти характеристики были как от людей, искренне любивших ее, так и от тех, кто относился к ней с иронией или же безо всякой симпатии. Картина получается весьма интересная и яркая. Итак, она была –

*всегда кидавшаяся защищать угнетенных и помогать слабым,
энергичная,
громогласная,
воодушевленная,
страстная,
бескомпромиссная,
постоянно увлеченная,
влюбленная,
добрая,
порывистая,
фанатичная,
огнеопасная,
темпераментная,
талантливая...*

И такими эпитетами ее характеризовали не только в молодости, но в течение всей жизни! И это прекрасный пример для подражания. Ведь для всякого человека, который только начинает свою жизнь, очень важно иметь такие ориентиры, очень важно опереться на опыт других людей, которые всей своей жизнью, своим творчеством, своими достижениями заслужили уважение и глубокую признательность потомков.

Кубас Ирина

*(научн. рук. – Шкриль Ирина Григорьевна,
руководитель музейного уголка МБОУ «Лицей № 13»)*

ЕКАТЕРИНИНСКАЯ ЖЕНСКАЯ АРМЯНСКАЯ ГИМНАЗИЯ В ЖИЗНИ МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН

*Широту ее размаха
Не уложишь в писчий лист.
Поэтесса, лектор, пряха,
Шерстовед и романист.
А. Архангельский*

Такими стихотворными строками поэт-пародист Александр Архангельский характеризовал незаурядность личности Мариэтты Сергеевны Шагинян.

Мариэтта и ее сестра Лина переехали из Москвы в Нор-Нахичеван в 1902 году, когда их отец разорился, тяжело заболел и вскоре умер. Мама перевезла девочек к своему отцу Якову Матвеевичу Хлытчиеву. Девочек отправили учиться в Екатерининскую женскую гимназию в 5 класс.

Уроки в гимназии начинались в 8:30 утра. Первостепенным уроком в гимназии был Закон Божий. На втором месте в гимназии считались языки: французский и немецкий. Выпускницы должны были уметь не «читать и переводить со словарем», а свободно владеть языком и даже думать по-французски. Далее по значимости шли русский и армянский языки, география и история, рукоделие, рисование, чистописание и каллиграфия, гимнастика. В общем-то, это был перечень всех тех предметов, которые изучают и нынешние лицеисты.

Мариэтта очень любила уроки русского языка. Девочкам часто задавали писать сочинения, а Мариэтта начала писать еще с раннего детства, как только научилась письму, исписывала целые тетради, которые аккуратно просматривали родители. Учительница русского языка всегда хвалила учениц. Мариэтта выделялась своей неординарностью. Она не только умела хорошо читать стихи, но и частенько в классе к чтению своих собственных стихотворений, чем приводила в восторг учителя.

Жили бедно. Мариэтта рано начала зарабатывать деньги. Все виды труда, тогда доступные гимназистке, были ей знакомы. Она сама признавалась, что готовила отстающих, писала сочинения лентяям из других учебных заведений, где учились ее богатые двоюродные братья. Стоимость ее работы зависела от оценки: тройки, четверки или тройки с минусом, чтобы правдоподобней было.

Не менее важным делом, чем учебный процесс, считалось в гимназии и воспитание, которое заключалась в герметическом и несколько наивном ограждении девиц от малейшего проявления грубостей внешней жизни. По городу гимназистки должны были передвигаться парами. Если же они шествовали в одиночку, то обязательно в сопровождении родственников или слуг. Ни при каких условиях они не должны были разговаривать с мужчинами, которые им не были представлены. Преподавателей для нахичеванской гимназии подбирали не без умысла. Непременно постарше, бородатых отцов семейств. Правда, если судить по одной выпускной фотографии начала XX века, в учительском коллективе «Екатерининки» все-таки затесался один молоденький приткий франтоватый господинчик. Но, как выяснилось, тут же под боком трудилась в качестве классной надзирательницы его строгая супруга. Так что порядок был соблюден, и нравственности девиц, даже теоретически, ничего не могло угрожать.

Гимназисткам запрещалось носить распущенные волосы, сложные прически и стрижки, пользоваться косметикой и духами. Разноцветные платья разрешалось носить только на даче и во время поездки с родителями за границу, равно как и туфли на каблуках. Все девять лет учащиеся гимназии должны были носить только строгие форменные платья с белыми кружевами и чулками. Причем в форме приходилось ходить и вне гимназии.

Несмотря на такую строгость в воспитании девочек, на них все же оказывали влияние годы революционного подъема. Мариэтта признавалась, что сестры стали проявлять неподдельный интерес к политике, к запретным книгам. Это отражалось на взаимоотношениях преподавателей и учениц в виде провокационных вопросов на уроках «закона Божьего», растущего интереса учениц к чтению газет и вообще к общественной гласности.

Они обсуждали реакционные постановления министра образования Кассо, писали протесты, отправляли их в газеты, потом начальство сурово доискивалось, кто из учениц был автором этих сочинений. Во время подготовки этого сообщения я, например, нашла в музее документ жандармского управления, где говорилось о необходимости слежки за учениками и ученицами нахичеванских учебных заведений. Всем укладом семейной жизни М.С. Шагинян уже была подготовлена к таким революционным настроениям. В последние годы жизни у отца Мариэтты было резкие столкновения с министром Боголеповым, и отец находился под негласным надзором полиции. Все это впоследствии быстро определило ее классовую позицию – убежденную и страстную тягу к большевикам. Неудивительно, что Мариэтта не боялась задавать провокационные вопросы на уроках истории. Более того, она не стремилась озадачить или рассердить учителя, ей было необходимо знать мнение других, уважаемых ею людей о происходящих событиях. Всю свою последующую жизнь она искала ответы на интересующие ее вопросы, сомневалась, спорила, разочаровывалась.

Я не смогла найти сведений о том, что Мариэтта крепко сдружилась с какой-нибудь ученицей из гимназии. Полагаю, что все свое свободное время она посвящала либо чтению книг, либо зарабатыванию денег. Жизнь в Нахичевани научила ее выживать в трудное время, самостоятельно искать себе заработок.

Мариэтта Шагинян на всю жизнь сохранила теплые чувства и яркие впечатления о жизни в уютном маленьком городке Нахичевани. Навсегда она запомнила не только блюда, которые готовили ее родственники, но и то, с какой грациозностью их готовили. Она обращала внимание на всё: на музыку, манеру танца, на пластику вытянутых рук. Мариэтта была думающей, любознательной, и в то же время сомневающейся натурой. Ее все время терзали мысли о справедливости. Вся жизнь Нахичевани была неиссякаемым источником размышлений, рождения новых мыслей. Несмотря на то, что она не посещала «Закон Божий», она часто бегала к Иоанну Домовскому домой. Ее влекло к людям незаурядным, более опытным. Известно, что Иоанн Домовский не только вел в гимназии «Закон Божий», но и помогал гимназисткам разобраться со своими личными нравственными

проблемами. К его дому всегда стояла очередь из страждущих получить у него помощь. Он не только помогал советом, но и мог излечить молитвой и предсказать будущее.

В 1903 году вышел ее первый стихотворный фельетон «Геленджикские мотивы» в газете «Черноморское побережье» (27. 07. 1903. № 165). В Нахичевани Мариэтта Шагинян пережила многие радости и печали. Жизнь М. Шагинян среди нахичеванских родственников и друзей служила поводом для глубочайших размышлений, для поучительных выводов на долгие годы.

Знакомясь с творчеством Мариэтты Шагинян, не перестаешь удивляться ее незаурядной личности. В юности вместо танцев, пикников и развлечений, она страстно спорила о смысле жизни, о справедливости, о революции со своими сверстниками в городском саду и в «Балабановской» роще, насажденной ее же родными. В представлении Мариэтты добрый человек – это тот, кто умеет думать о других, а не только о себе.

Она не только писала романы и стихи, но и занималась открытием ткацкой фабрики, самостоятельно освоив профессии пряжи и ткачихи. В 60 лет занялась альпинизмом, покоряя горы.

Несомненно, что жизнь в Нахичевани оказала огромное влияние на ее мировоззрение, но все-таки Мариэтта Шагинян – явление для Екатерининской женской гимназии. Конечно, этот период своей жизни она помнила всегда, т.к. это был ее первый, возможно, самый трудный период в жизни. Она понесла тяжелую утрату, потеряла своего отца, кормильца. В это время она осознала необходимость материальной помощи семье.

Что еще возвышает ее в моих глазах? Мы тоже живем в переходное время, когда меняется социальный строй, почти у всех семей были трудности, и большинство людей ропщут на жизнь. А Мариэтта Шагинян радовалась и гордилась тем, что ей выпала такая доля – пережить революцию, что она стояла у истоков создания советской литературы. Закончить сообщение хочу стихами М.С. Шагинян:

За голубым его теченьем (*времени – И.К.*),
Подобным Млечному Пути,
Суди грядущим поколениям,
Опять грядущее найти!

М.С. ШАГИНЯН В СЕЛЕ ЧАЛТЫРЬ

Биография, творческая и общегражданская деятельность Мариэтты Сергеевны Шагинян тесно связаны с историей Нахичевани-на-Дону и Мясниковского района, села Чалтырь. Целью моего сообщения стал поиск и изучение материалов об одной из значительных страниц истории нашего района и села Чалтырь, связанных с жизнью и деятельностью Мариэтты Сергеевны Шагинян [1, с. 8-17, 50-51]. В основу работы положены воспоминания и статьи самой М.С. Шагинян и воспоминания жителей села Чалтырь.

Своими впечатлениями и воспоминаниями житель села Чалтырь – Хачик Мелохаян поделился с местным писателем и краеведом Шагеном Месроповичем Шагинян, который впоследствии написал очерк «По велению сердца» о жизни работе М.С. Шагинян в селе Чалтырь.

В результате проделанной работы мною было установлено, что в 1919-1920 гг. Мариэтта Сергеевна Шагинян более полугода жила и работала в селе Чалтырь. Проживала она в доме Хачика Мелохаяна по улице Мясникяна (недалеко от нашего дома). В семье у Мелохаяна тогда было много детей. Жили все дружно, что называется «душа в душу». С любовью и теплотой встретили они М.С. Шагинян. Тогда она работала инструктором текстильного дела при только что созданном Донском отделе профессионального образования. О М.С. Шагинян вспоминают как об активной, веселой и остроумной личности, любительнице всяких увлекательных дел. Было ей в те далекие годы чуть больше тридцати лет. Вот что пишет об этом времени Шаген Шагинян: «...По обеим сторонам Ростовского шляха, так называли раньше трассу Ростов – Таганрог, буйно разрослась дикая конопля. Мариэтта Сергеевна в короткое время собрала наших сельчанок, разъяснила, какую ценность представляет это растение, и что из него изготавливают сукно. Большинство женщин, воодушевленные ее рассказом, стали активными сборщиками растения. Собранные стебли отвозили в Ростов на фабрику для

производства сукна. Однажды она собрала тамбовских беженцев, что жили в нашем селе, и с их помощью стала учить крестьян собирать, мочить, трепать и чистить дикую коноплю. Это было так наглядно, что к следующей осени мужики уже сами делали мешки и веревки» [2].

Позже Мариэтта Сергеевна организовала «Первую советскую прядильно-ткацкую школу», изготовлявшую сукно.

Эти факты подтверждаются и самой Мариэттой Сергеевной Шагинян, которая в статье «Как я была инструктором ткацкого дела», позднее вспоминала о формах и результатах этой работы в казачьих станицах и армянских селах Дона. Она писала: «Однажды в армянском селе Чалтырь с помощью таких беженцев (тамбовских умельцев), мы инсценировали сбор, мочку, трепку и ческу дикой конопли; это было так показательно, что вся деревня ходила за нами, и к следующей осени мужики уже делали мешки и веревки» [3, с. 599-600].

«Далеко в прошлое ушли те давние года, но в моей памяти навсегда останутся дни, проведенные Мариэттой Сергеевной Шагинян в нашем доме. Красивая, молодая, она заряжала всех нас своей веселостью, – вспоминал о ней Х. Мелохаян. – Помню в один из теплых весенних дней, она пришла домой из школы, где проводила митинг, возбужденная, радостная и стала просить: «Хачик, пойдем в поле, уже пахари вышли». Пошли. Поля начинались сразу же за селом. Интересовало писательницу абсолютно все: и как сельчане обрабатывали поле, какие семена готовят к севу, что едят в обед, как носить чарохи. И потом, в дни посевной, она уже сама ходила в поле, помогала крестьянам, ходила за сеялками. И всегда возвращалась притихшая, чуть грустная. Тяжелый, какой тяжелый у вас, крестьян, труд, – говорила она мне не раз. И тут же убеждала меня, всех домоладцев, отчасти и себя: «Но всегда он таким не будет, изменится, лучше станет жизнь на селе». Такая же вера и убежденность в словах звучали, когда она выступала на собраниях в сельсовете, митингах перед жителями села.

Вечером в нашем доме было всегда весело. Были у нас граммофон и пластинки. Танцевать любили все, но когда выходила в круг Мариэтта Сергеевна, затихали даже самые неугомонные: особенно красиво, грациозно исполняла она армянские пляски.

Редко без нее обходились и сельская свадьба, и крестьянские гулянья. В любом доме она была желанной и дорогой гостьей. Лучшую певунью и плясунью трудно было найти, редко кто мог соперничать в этом с М.С. Шагинян. Пела она всегда: и дома, и в поле, редко – в гостях. Песни и музыку любила также само-забвенно, как и литературу. Многие удивлялись ее неумейной энергии и трудоспособности. Односельчане вспоминали, что зачастую Мариэтта Сергеевна просиживала за рабочим столом до утра: писала она много, после напряженного дня. С собой привезла очень много общих тетрадей, книг. Около семи месяцев пробыла Мариэтта Сергеевна в Чалтыре... Но и потом она писала письма из Ростова, где жила, часто приезжала в гости летом к друзьям, которых в Чалтыре оказалось множество.

Работа писательницы в Чалтыре оставили свой яркий след в истории нашего села. Ведь от встречи с интересным человеком, большим талантом нашей советской литературы многие получали важный для себя заряд позитива и новых профессиональных навыков» [4, с. 83-95].

Сохранение исторической памяти о жизни и деятельности известной писательницы, ее работе на Дону и в селе Чалтырь остается и в наше время значимой воспитательной и познавательной задачей, для нового поколения молодых россиян, жителей Ростовской области.

Литература

1. *Авдулов Н.С., Мирзобекова Н.В.* М.С. Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве. Ростов-на-Дону, 2013.
2. *Шагинян Ш.М.* По велению сердца: из публицистики. Ростов-на-Дону, 2004.
3. *Шагинян М.С.* Как я была инструктором ткацкого дела (1922 г.) // М.С. Шагинян Собр. соч.: в 9 т. Т. 3. М., 1986.
4. *Смирнов В.В.* Автобиографические произведения М.С. Шагинян как источник информации // Культура в жизни и творчестве М.С. Шагинян: Материалы 1-х Шагиняновских чтений, Ростов-на-Дону, 2014.

Хачатрян Нина

*(научн. рук. – учитель русского языка и литературы
Танкаян Ольга Ованесовна)*

АРМЕНИЯ И АРМЯНСКИЙ НАРОД В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.С. ШАГИНЯН

Своими корнями Мариэтта Сергеевна Шагинян тесно связана с Донской землей, с Ростовом и Нахичеванью. Живя в России, она, тем не менее, не теряла своей национальной идентичности. Вот что писала о себе сама писательница: «Я ответвилась от этого народа, поросла его веточкой – и мне стало жизненно важно разобраться в судьбах армянского народа, осевшего колониями на русской земле». Отправными точками в этом изучении стали два семейных рода: матери, Пепронэ Яковлевны Хлытчиевой, из колонии в Нахичевани-на-Дону, и отца, Сергея (Саркиса) Давыдовича Шагинянца, из армянской колонии в Григориополе на Днестре.

Постоянное общение с родными, друзьями, близкими дало ей возможность впитать в себя культуру, мудрость армянского народа, сохранить их в своей памяти и в течение всей своей творческой жизни в той или иной мере их воспроизводить. Ее интерес к армянской культуре, литературе, искусству был неподдельным и глубоко проникающим. Так, в книге «Об армянской литературе и искусстве» она писала: «Эта маленькая книга писалась сорок с лишним лет. Основные ее статьи – о Хачатуре Абовяне, Микаэле Налбандяне и Александре Ширванидзе – были плодом долгой работы и представляют собой как бы эскизы больших, задуманных мною монографий. Остальное в книге – ряд непосредственных откликов на яркие события армянской культуры, с которыми пришлось за эти годы соприкоснуться».

Мариэтта Шагинян – автор нескольких книг об Армении, написанных в разные годы. Это роман «Гидроцентральный» о крупнейших промышленных стройках Армении, куда она была направлена в длительную командировку. Это и «Путешествие по Советской Армении», это и очерки о выдающихся деятелях армянской культуры.

Мариэтта Сергеевна была разносторонне развитым человеком, владела иностранными языками. Она умудрялась читать лекции на самые разные темы. От эстетики и музыки до лекций по цветоводству и даже... ткацкому делу. Она была человеком необыкновенной силы духа. Кстати, она первая женщина, взошедшая на гору Арагац в Армении.

Армения... В 1917 году М.С. Шагинян приезжает сюда как гостя – поэтесса, в 1922 году она любознательный журналист, в 1925 году – публицист. Перед писательницей раскрывается новая судьба некогда гонимых и преследуемых армян. Тема трагической доли народа возникла еще в ранних, дореволюционных произведениях М.С. Шагинян.

В стихотворении «К Армении» лирическая героиня обращается к «дальней отчизне»:

С какой отрадой неустанной,
Молясь, припоминаю я
Твоих церквей напев гортанный,
Отчизна дальняя моя!
Припоминаю в боли жгучей,
Как очерк милого лица,
Твои поля, ручьи, и кручи,
И сладкий запах чабреца...

Героиня говорит о том, что любит «грустно-простодушный», всегда торжественный язык своей родины.

В стихотворении «К армянскому народу» она скорбит об его исторической участи:

От века брошен в бездорожье
Лишь ты, бездомный мой народ.

Мариэтта Шагинян рисует образ разоренной Армении после гражданской войны. «Отступая, дашнаки разрушили и сожгли ее деревни, жалкие домики из необожженного сырца. Они засыпали арыки и каналы, уничтожили сады и виноградники, отобрали крестьян. В деревнях нечего было есть, не осталось семян для посева».

В 1925 году писательница встречается уже с новой Арменией, «бурно строящейся и восстающей из нищеты». По крутым горным тропкам, от селения к селению путешествует М.С. Шагинян – где верхом на лошади, где пешком, где на древней арбе. В странствиях по Нагорному Карабаху ей не раз приходилось идти пешком мимо глубоких ущелий, переправляться через горные реки. Эти трудности не заслоняли красот горных пейзажей.

«Ныне дивный, солнечный день небо чистое, в прозрачной синеве розовато-молочные снеговые вершины», – записывает она в своем дневнике. Она видит и горные деревушки, как ласточкины гнезда, прилепившиеся высоко над пропастью; и ущелья, заросшие кизилом, орешником, гранатом, инжиром; и скалы, размытые горными реками.

М.С. Шагинян страстно любит природу Армении. Она так записывает в дневнике свое впечатление от Спитакского перевала: «Цветы – крупные, крепкие, необычайно яркие. Луга резко зеленые. Голубизна неба поразительна. Вокруг зеленое море холмов».

Красота древней земли является для писательницы источником глубоких переживаний. Она сознается, что «...всякий раз армянский пейзаж задевает меня до глубочайших истоков». Наблюдает писательница и причудливый быт разных районов Закавказья. Видит она, как люди образуют целые деревни, селящиеся в скалах. А рядом в горах остатки старинной архитектуры – монастыри, крепости и просто селения. И, наконец, ни с чем не сравнимое курдское кладбище, где на могилах воздвигнуты древние скульптуры: «Прямо перед нами, на фоне синего неба, стояли каменные кони, коричневого, черного, зеленого и белого цветов. Кони большие, примитивной работы, в седлах и уздечками».

Старина переплеталась с современностью. Все эти перемены видела и изучала М.С. Шагинян. Многочисленны были и встречи писательницы с людьми древнего края. Спутниками и собеседниками ее в странствиях по Закавказью были карабахские и лорийские крестьяне, рудничные рабочие Зангезура, Чиатур, Ткварчели, геологи, металлурги.

Из жизненного материала, накопленного писательницей во время ее поездок по дальним глухим углам Армении, вырос рассказ «Вахо».

Вахо – бедный пастушонок, который умеет слагать песни, живет у старухи Майрик Закарьян, которая готовит ему пищу из пшеницы и молочной сыворотки, печет хлеб в тандыре, прядет грубоватую пряжу. Здесь, в деревне, все еще верят в грозных дэвов-демонов, боятся «дурного глаза» – «жеса», прибегают в трудную минуту к жертвоприношению – «матах», надеясь оградить себя от напастей.

С образом Вахо связана важная тема рассказа – тема творческой личности, и шире – творческой силы искусства. Пастушонок пел песни, которые были необходимы жителям деревни, помогали в труде и любви. Вахо – частица этого мира. Для М.С. Шагинян одним из важных признаков высокого искусства является его корневая, глубинная связь с народной почвой.

Рассказ заканчивается трагически. Осенью Вахо должен был ехать в город учиться, но этому не суждено было сбыться. Юноша гибнет вместе со стадом, которое пас, в смертоносную бурю, идущую с горы Лалвар. Об этом редком и страшном стихийном бедствии рассказывали еще деды: «...в такую бурю деревья несутся в воздухе гусиным пухом, град бьет виноградники, лужи вздуваются реками, реки – водопадами». Стадо погибло, вся деревня погибла, добро богачей и бедняков, их хлеб за минуту унесло в бездну.

Поездки по Закавказью в середине 1920-х гг. – это поездки на марганцевые разработки в Чиатурах (Грузия), в Нагорный Карабах, на медные рудники Зангезура, на угольные шахты Ткварчели и восхождение на вулкан Алагез в поисках арктического туфа. В этих поездках возникли большие циклы очерков, которые печатались в газете «Известия».

Осенью 1927 года М.С. Шагинян побывала в одном из глухих тогда районов Армении – в Лорипамбакском ущелье. Здесь, неподалеку от железнодорожной станции Колагеран, на реке Каменке – по-армянски Дзорагет, – начиналось строительство крупной гидроэлектростанции. «Самые счастливые периоды моей жизни, – скажет позже писательница, – это четыре года в Колагеране – связаны с землей Лори, с рассказами о мокрых

горах, где создается погода для Армении, с лорийскими крестьянами – молчаливыми, умными».

«Лори – зеленое море ущелий, – рассказывает М.С. Шагинян, – стоящих вертикально, с обрубленными, плоскими, как стволы, вершинами, где почти недоступно одна от другой... разбросаны крестьянские деревушки. Между собой они связаны не дорогами, а еле заметными, очень крутыми ослиными тропами». Здесь и строилась гидроэлектростанция. Сюда и едет писательница.

Мариэтта Шагинян не остается в стороне от технического обсуждения проекта стройки, вникает в спор инженеров, едет в Ленинград консультироваться с крупнейшими специалистами-гидравликами, ведет культурно-массовую работу среди жен строителей и одновременно пишет роман о строительстве «Гидроцентральной», который публиковался в журнале «Новый мир».

Оперативность была невероятная, еще строительство шло, еще не просохли сваи на строительной площадке гидростанции, а роман уже читали и перечитывали. Он стал любимой книгой читателей. Благодаря активному участию в жизни стройки М.С. Шагинян сумела создать правдивую историю строительства ДзораГЭС.

За действительную помощь, оказанную писательницей строительству ДзораГЭСа, в 1932 г. она была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Главная тема романа – счастье раскрепощенного труда – воплощена в образах основных героев: философа и романтика Арно Арэвян, учительницы Ануш Малхазян, партийного работника Марджана. Каждый из них объединяет и стягивает к себе целые группы людей. Арно – безработный интеллигент, ищущий свое дело в жизни. На стройке он находит путь к настоящему делу. Труд для него стал средством осуществить и воплотить свои возможности. Он «вкусно работает», его большие, умелые руки, его сильное, ловкое тело созданы для труда, который у него увлекательно заразителен. Самые простые дела и вещи оживают в присутствии Арно, обнаруживают в его умелых руках скрытую поэзию.

Поэтичен образ старой учительницы Ануш Малхазян, которая страстно любит свое дело. Труд для нее – творческий процесс. Она всегда делает больше, чем должна.

Ее духовный единомышленник – геолог Лазутин – творческая личность. Это подлинный ученый, влюбленный в свое дело. Он собрал уникальную коллекцию подземного мира, у себя дома создал музей. Верхние комнаты были заполнены образцами зангезурской и алавердской меди, железистого хромита и золота с берегов Севанского озера.

В образах положительных героев «Гидроцентрали» писательница стремилась раскрыть те коренные сдвиги, которые происходили в экономике и быту, а главное – в сознании людей в эпоху созидательных работ в Армении. Каждая новая стройка становилась путеводной звездой для тысяч и тысяч людей.

Как видим, Армения в творчестве М.С. Шагинян занимает значительное место. Писательница постоянно выступает с очерками и статьями, а после войны садится за книгу «Путешествие по Советской Армении», которая впоследствии удостоена Государственной премии. «Мы начинаем путешествие по земле одной из цветущих республик нашего великого Союза, – пишет автор в предисловии.

Армения – страна древняя, культуре ее свыше двух тысяч лет. Материальными следами и древнейшими памятниками этой культуры полны ее долины и ущелья. Но Армения и очень молодая страна, – ее социалистической культуре сейчас, когда я начинаю рассказ о ней, – весной 1950 года, – всего тридцать с лишним лет. Однако за это тридцатилетие для народного счастья сделано больше, чем за прошедшие две с лишним тысячи лет. Армянский народ, получивший от историков имя «многострадального», только после установления Советской власти в Армении, с ноября 1920 года, стал полным хозяином и творцом своей жизни, смог зажечь счастливо и полнокровно».

Книга М.С. Шагинян – это своего рода энциклопедия жизни и быта армянского народа в прошлом и, особенно, в настоящем. «Я хочу, чтобы всякий армянин, где бы он ни был, прочитав эту книгу, захотел приехать в Армению, увидеть ее, дышать ее воздухом, ощущать под ногами ее землю. Если удастся моей книге так взволновать сердце армянина, буду считать, что я не даром прожила свою жизнь». Мариэтта Сергеевна Шагинян не ошиблась. Книга получила теплый отклик в душе не только армян-

ского читателя. Переведенная на многие языки, она стала достоянием миллионов читателей.

Творчество Мариэтты Сергеевны Шагинян наполнено поучительным опытом поиска света, правды, добра в те непростые времена, сохраняет достоверные эпизоды из жизни армян.

Явруян Елена

*(научн. рук. – учитель русского языка и литературы
Пудеян Срупуги Кеворковна)*

ОБРАЗ РОССИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.С. ШАГИНЯН

Творчество М.С. Шагинян охватывает различные области жизни. Она выступила и как знаток музыки и литературный критик, ее можно назвать и исследователем-путешественником и беллетристом, но, в первую очередь, она была публицистом и писателем, оставившим после себя немало, если так можно выразиться, «полнометражных» литературных произведений: «Гидроцентральный», «Советское Закавказье», «Ткварчельский уголь», «Дневник депутата Моссовета», «Новый быт и искусство», «По дорогам пятилетки», «Урал в обороне», «От Мурманска до Керчи», «Зарубежные письма», «Путешествие по Советской Армении», научные монографии о Гете, Тарасе Шевченко, Низами Гянджеви, Иозефе Мысливечеке... Она же – автор первого советского детективного романа «Месс Менд» и великолепный мастер очерка.

Мариэтта Шагинян – одна из первых выдающихся советских журналисток, автор множества проблемных статей и очерков, на протяжении десятилетий систематически печатавшихся в «Известиях», «Литературной газете», «Правде» и во многих других изданиях. При этом журналистика для М.С. Шагинян была отнюдь не только и не столько средством заработка, сколько великолепной возможностью непосредственного изучения жизни и школой писательского мастерства. И школа эта продолжает сохранять свою актуальность и для нынешних поколений журналистов, ибо талант и умение работать со словом остаются непреходящими ценностями во все времена для всех тех, кто профессионально связан с литературой.

Публицистику М.С. Шагинян отличают незаурядная наблюдательность, умение одновременно и передать самое важное, и найти неожиданную и незаметную на первый взгляд изюминку в предмете статьи. Это была женщина фантастически энергичная, объездившая почти всю страну и не раз побывавшая за рубежом. Журналистку не случайно обуревала жажда странствий по свету – «она стремилась все увидеть собственными глазами, все узнать из «первых уст», чтобы обо всем иметь собственное суждение». М.С. Шагинян отличала тщательность подхода к написанию любой темы. Со знанием дела она писала о проблеме эстонских сланцев, о музыке, об энергетике, о керченской селедке, о Южно-сибирской железнодорожной магистрали...

Начало журналистской деятельности М.С. Шагинян можно отнести к совершенно юному возрасту. Когда ей было 15 лет, а именно 27 июля 1903 года в газете «Черноморское побережье» был напечатан ее стихотворный фельетон *«Геленджикские мотивы»*. История этого удачного литературного опыта такова. Когда Мариэтта была на летних каникулах в курортном городе Геленджик, она столкнулась с вопиющей несправедливостью по отношению к людям – гулять можно было только по пляжу, а греческими купцами был устроен на нем дровяной склад, чем, естественно были все возмущены. Закон был на стороне купцов. М.С. Шагинян посоветовали написать об этом в газету на злободневную тему. Так в газете появился стихотворный фельетон М.С. Шагинян, о котором она сама впоследствии вспоминала: «Я была поражена силой печатного слова: суд ничего не мог сделать, а четыре смешные строчки в газете подействовали».

Первый свой большой роман М.С. Шагинян начала писать в 1915 году, а закончила в 1918 г. *«Своя судьба»* – роман философский, роман-дискуссия. Название точно выражает суть романа – «своя» ли судьба у человека, может ли, должен ли он повлиять на судьбу или все в жизни предрешиено? В романе М.С. Шагинян полемизирует с модными в то время теориями психоанализа, считавшими человека лишь игрушкой своих подсознательных импульсов, и приходит к выводу, что власть подсознания не настолько велика, чтобы человек оставался безропотным перед лицом рока.

С 1915 – по 1920 гг. М.С. Шагинян жила в Ростове-на-Дону и преподавала в консерватории эстетику и историю искусств. На Дону ее и застала революция. М.С. Шагинян не делала попыток присоединиться к белому движению, и не думала об эмиграции. Она осталась в России и приняла надвигающиеся перемены. Писательница с энтузиазмом приветствовала Октябрьскую революцию, которая дала ей новые темы для творчества.

В письме к своей подруге по учебе Надежде Газдановой от 3 августа 1917 года из Ахбада М.С. Шагинян высказала свое отношение к происходящему: «...опасений за Россию (вообще) я никогда не чувствовала и теперь не чувствую... По существу, Россия все же выкарабкается и научится. Мне даже иной раз именно в нынешнем хаосе чувствуется русское величие. Я вижу в таких явлениях, как большевизм, – исконно русское. Поэтому, иной раз ненавидя большевиков и сознавая, что они губят Россию, я все же всегда вижу неизбежность их появления на Руси». Она считала, что все к лучшему, и верила в Россию. Это было время ее активного сотрудничества в газетах и журналах «Петербург», «Летопись Дома литераторов», в еженедельнике «Жизнь искусства». «И мне, и мужу все время надо работать; я строчу газетные статьи, он учительствует...», – писала она в 1918 году.

В 1920 г. М.С. Шагинян переехала в Петроград. 9 декабря 1920 года Мариэтта Шагинян опубликовала в газете «Известия Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов» статью «*Кое-что о русской интеллигенции*». В этой статье она писала о «позоре психологической «отсидки», о «необходимости разбить стеклянный колпак и выйти на воздух, которым дышит страна...». Статья представляла собой политический фельетон, в котором беспощадно осмеивалась «саботирующая интеллигенция». М.С. Шагинян создала здесь остросатирический образ интеллектуала: «праздно-болтающего», жалкого, – тратит он время на пустое «хождение из угла в угол» и «брезгливые нападки на «царство хамов», она осмеивала извечные претензии некоторой части русской интеллигенции на роль хранительницы подлинных ценностей культуры, светоча передовых идей и выразителя «высших запросов духа».

Через несколько дней в «Известиях» появляется статья *«Тетра в Москве»*. Позднее М.С. Шагинян опубликовала очерк *«Как я была инструктором ткацкого дела»* и два полемических *«Письма из Петербурга»*.

Творчество М.С. Шагинян наполнено поучительным опытом поиска света, правды, добра в те непростые времена, сохранило достоверные эпизоды из народной жизни. Образ России в произведениях этой писательницы не всегда ярко прорисован, потому что практически он сопряжен с народной жизнью. Все происходящее в стране и в мире находило отражение в ее прозе. И это не просто описание, это всегда философское осмысление происходящего.

Живя на юге России, на Дону в 1917-1920 годах и наблюдая сложившуюся ситуацию в связи с гражданской войной, состояние людей и весь жизненный уклад писательница начала свою трилогию – повесть *«Приключение дамы из общества»*, рассказ *«Агитвагон»* и повесть *«Перемена»*.

Исключительный интерес представляет первое крупное художественное произведение М.С. Шагинян – повесть *«Перемена»*, в которой описано пережитое ею на Дону с 1917 по 1921 годы. Бытовые зарисовки, дневниковые записи, философские и психологические размышления передают атмосферу, трагизм тех дней в жизни нахичеванских жителей. Накануне грозных событий на Дону жизнь, по ее словам, протекала уравновешенно: «Из года в год в одноэтажных особнячках предместья Ростова, с лепными карнизами и приспущенными жалюзи на зеркальных окнах, жизнь текла привычным порядком. По вечерам, за полночь, сидели гости и играли в карты. Прислуга на кухне сквозь сон готовила, смотря по сезону, все тот же одинаковый ужин».

Не опускает из своего описания автор и дикие сцены лихолетья, кровавые сцены междоусобицы, которые пришлось пережить в Нахичевани и его окрестностях: «Кольцом окружили большевиков под Батайском. С каждым днем, словно от взмаха косы над степною травой, ложатся ряды их. Но теснее сжимаются те, что остались, и теснее зубы сжимают: такие недешево стоят! Душу за душу, смерть за смерть, – обессиленными руками сыплют порох, забивают патроны, наводят могучую пушку.

Трах – отстреливаются большевики. В Ростове гранатами уничтожены Парамонова верфь, мореходное училище и пострадали дома. Их измором берут, смыкают железною цепью, но, голодные, истощенные, из-за груды убитых, как за стеной баррикады, отстреливаются большевики. Там, под Батайском, лягут они до последнего».

Начав работу в 1922 году над произведением «*Перемена*» и разделив его на четыре части, М.С. Шагинян не смогла уместить в нем весь объем материала, который она собрала за время войны. Поэтому при создании «*Перемены*» писательница за два дня (26 и 27 июня 1923 года) написала рассказ «*Агитвагон*», а затем 30 июня начала повесть «*Приключение дамы из общества*», которую закончила 26 июля 1923 года – ровно за месяц до завершения работы над «*Переменной*» (27 августа 1923 года). В это же время она написала немало статей о различных литературных явлениях: о романах Андрея Белого «*Эпопея*» и «*Заклинательница змей*» Федора Сологуба, о стихах Анны Ахматовой и Владислава Ходасевича; не обходит вниманием возникшие новые имена – Илью Эренбурга с его книгой «*Хулио Хуренито*», Бориса Пильняка с его «*Голым годом*», Ольгу Форш.

В 1923-1925 гг. М.С. Шагинян работала над фантастико-авантюрным романом-трилогией «*Месс-Менд*». Как ни странно, этот авантюрно-фантастический роман не противоречил общему характеру ее творчества, но лишь подчеркивал многогранность таланта писательницы. Для 1920 гг. тема этого романа звучала современно и, может быть, даже пророчески. Старый мир обречен и не только политически, но и физиологически. Кроме того, богатый юмор и изобретательность М.С. Шагинян в описании перипетий жизни своих многочисленных и удивительных героев заставляли запоем читать его. Сначала роман публиковался частями и под псевдонимом «*Джим Доллар*».

Главной и основной формой своей литературной деятельности 1930-1950 гг. М.С. Шагинян считала для себя очерк. В эти годы М.С. Шагинян неразрывно связана с крупными газетами страны. Получая от них разнообразные оперативные командировки, она создала циклы подлинно социологических очерков.

В 1930 гг. М.С. Шагинян опубликовала два цикла – «*Тайна трех букв*» (1934) и «*Дневник депутата Моссовета*» (1936).

Первый из них связан с переломными историческими событиями тяжелого, неурожайного 1933 года.

В годы Великой Отечественной войны М.С. Шагинян вела публицистическую деятельность, направленную на агитацию и пропаганду. В очерках 1942-1943 гг. она писала о жизни в тылу. В качестве корреспондента центральных газет М.С. Шагинян побывала на Урале и в Сибири, изучала героический тыл, результатом чего в 1942-1943 годах стала ее книга очерков *«Урал в обороне»*.

М.С. Шагинян продолжала свои дальние поездки и после войны. Отправившись с вагоном газеты «Гудок» по новым строящимся дорогам: Южно-Сибирской магистрали, Кант-Рыбачье, Чу-Моинты и др. она в 1947 году выпустила книгу *«По дорогам пятилетки»*. Это самые настоящие путевые очерки, в которых описано грандиозное строительство на Урале, в Сибири, Казахстане и Армении. В 1950 году выходит очерк *«Путешествие по Советской Армении»*, за который в 1951 году М.С. Шагинян удостоена Государственной премии СССР.

Очерки М.С. Шагинян – всегда глубокое социологическое исследование, но они же и практическое вмешательство писательницы в события, происходящие на ее глазах. Каждое из ее выступлений в печати сопряжено с живым реальным делом. Практически все написанное М.С. Шагинян – написано о России и для России. Сказать, что это тема основная в ее творчестве – значит не понять ничего из написанного ею. Образ России наполняет его особым содержанием. Для М.С. Шагинян Россия – это не только сильная держава, способная вынести все на своем пути, но и великий русский народ, готовый на жертвы, стойко преодолевающий все препятствия, стоящие на его пути.

Образ России для М.С. Шагинян чрезвычайно многогранен. Он тесно связан с другими основными темами ее творчества: любви, дружбы, пути, возмездия, революции. Неизменной в творчестве М.С. Шагинян остается вера в Россию, благодаря которой ее произведения особенно актуальны сегодня.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдулов Николай Степанович – кандидат исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону.

Бабаян Георгий – ученик 10 «А» класса МБОУ гимназии № 14, г. Ростов-на-Дону

Белов Анатолий Викторович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону.

Глушкова Светлана Алексеевна – аспирант, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону.

Дереза Анна – ученица 10 «А» класса МБОУ «Гимназия № 14,» г. Ростов-на-Дону

Клепс Светлана Васильевна – научный сотрудник Дома-музея М.А. Волошина ГБУ РК «Историко-культурный, мемориальный музей-заповедник «Киммерия М.А. Волошина», (Крым, Коктебель).

Котюк И.В. – заведующая Домом-музеем К.Г. Паустовского, г. Старый Крым.

Кубас Ирина – ученица 10 «А» класса МБОУ «Лицей №13».

Матвеев Герман Аронович – кандидат исторических наук, профессор Ростовского международного института экономики и управления, г. Ростов-на-Дону.

Савостина Александра Алексеевна – член правления Ростовской региональной украинской национально-культурной автономии (РРУНКА), г. Ростов-на-Дону.

Самарина Наталья Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону.

Симаворян Александра Георгиевна – учитель армянского языка, руководитель музея МБОУ «Гимназия № 14», г. Ростов-на-Дону.

Соколова Маргарита Юрьевна – заведующая отделом «Музей русско-армянской дружбы» ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения», г. Ростов-на-Дону.

Стопченко Николай Иванович – доктор культурологии, профессор Донской академии наук юных исследователей (ДАНЮИ), г. Ростов-на-Дону.

Тикиджьян Руслан Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент, Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону.

Хачатрян Нина – ученица 9 «Б» класса МБОУ Чалтырская СОШ № 2 Мясниковского района РО.

Ширинян Виктория – ученица 7 класса МБОУ Чалтырская СОШ № 1 Мясниковского района РО.

Шишова Наталья Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедры культурологии, Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону.

Щукина Елена Львовна – кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону.

Явруян Елена – ученица 8 «Б» класса МБОУ Чалтырская СОШ № 2 Мясниковского района РО.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствия

<i>Новосельская А.</i> , министр культуры республики Крым.....	3
<i>Кривоушков В.В.</i> , Президент Российского общества дружбы и сотрудничества с Арменией, доктор социологических наук, почетный член Союза писателей.....	4
<i>Сурмалян А.А.</i> , депутат Законодательного Собрания РО, Председатель правления РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община».....	6
<i>Куликова Г.Н.</i> , директор ГБКУК Ростовской области «Ростовский областной музей краеведения».....	7
<i>Шагинян Е.В.</i> , внучка Мариэтты Сергеевны Шагинян.....	8
<i>Мирошниченко Н.М.</i> , заместитель генерального директора по научной работе «Историко-культурного, мемориального музея-заповедника «Киммерия М.А. Волошина».....	8

Доклады участников

Третьих Шагиняновских чтений

<i>Авдулов Н.С.</i> Русский мир в литературном наследии М.С. Шагинян.....	9
<i>Белов А.В.</i> Гений и его секретарь (по страницам «драмы» М.С. Шагинян «Разговоры с Гёте» И.-П. Эккермана)	15
<i>Глушкова С.А.</i> М.С. Шагинян о дружбе и сотрудничестве русского и армянского народов в автобиографической работе «Человек и время»	26
<i>Клепс С.В.</i> Коктебель в жизни и творчестве семьи Шагинян–Цигаль.....	31
<i>Котюк И.В.</i> Открытка с острова Капри: Константин Паустовский – Мариэтте Шагинян (Из фондовой коллекции Дома-музея К.Г. Паустовского в Старом Крыму).....	39
<i>Матвеев Г.А.</i> М.С. Шагинян об исторической роли и значении взаимодействия русской и армянской культур.....	44
<i>Осипова Т.О.</i> М.С. Шагинян о поэтах Армении.....	51
<i>Савостина А.А.</i> Ценностные основания и смыслы творчества Т.Г. Шевченко (по материалам исследования М.С.	

Шагинян)	57
Самарина Н.В. Русская культура и ее взаимодействие с культурами других народов в ранней публицистике М.С. Шагинян.....	71
Симавонян А.Г. Популяризация творческого наследия М.С. Шагинян среди школьников.....	80
Соколова М.Ю. Репрезентация жизни и творчества М.С. Шагинян в ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения».....	84
Стопченко Н.И. Русско-армянский художественный синтез в творчестве М.С. Шагинян.....	89
Тикиджьян Р.Г., Шишова Н.В. Проблема взаимовлияния культур в произведениях М.С. Шагинян.....	98
Шукина Е.Л. М.С. Шагинян и социокультурная жизнь провинциального города начала XX века.....	105
Сообщения учащихся школ Ростовской области на Третьих Шагиняновских чтений	115
Дереза Анна, Бабаян Георгий Размышления о жизни и уроках судьбы Мариэтты Шагинян.....	116
Кубас Ирина Екатерининская женская армянская гимназия в жизни Мариэтты Шагинян.....	119
Ширинян Виктория М.С. Шагинян в селе Чалтырь.....	123
Хачатрян Нина Армения и армянский народ в произведениях М.С. Шагинян.....	126
Явруян Елена Образ России в произведениях М.С. Шагинян.....	132
Сведения об авторах	138

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ ДРУЖБЫ И
СОТРУДНИЧЕСТВА НАРОДОВ
В ТВОРЧЕСТВЕ М.С. ШАГИНЯН**

**Материалы Всероссийской научной конференции –
Третьих Шагиняновских чтений**

Ответственный редактор – Н.С. Авдулов
Редактор-составитель и компьютерная верстка – А.В. Белов

Сдано в набор 20.05.2016. Подписано в печать 23.05.2016.
Формат набора 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Times». Печать
цифровая.
Усл. печ. л. 6,75. Уч.-изд. л. 6,75.
Тираж 550 экз.

Отпечатано в типографии
ООО «Фонд науки и образования»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая 111.
Тел. 8-918-570-30-30